

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

УрГПУ – в 2005г. – 75 лет

ИЗВЕСТИЯ

УрГПУ

ЛИНГВИСТИКА

ВЫПУСК 17

Научное издание

Екатеринбург 2005

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

Л 59

Редакционная коллегия:

Доктор филологических наук, профессор А.П. ЧУДИНОВ (отв. ред.)

Доктор филологических наук, профессор Л.Г. БАБЕНКО

Доктор филологических наук, профессор Т.А. ГРИДИНА

Доктор филологических наук, профессор Н.Б. РУЖЕНЦЕВА

Доктор филологических наук, профессор В.И. ТОМАШПОЛЬСКИЙ

Ассистент ШИНКАРЕНКОВА М.Б.

Л 59 Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 17./ Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2006. ____ С.

ISBN 5-7186-0131-3

Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвистики, обсуждение фундаментальных и прикладных проблем языкознания, а также вопросов взаимоотношения языка, культуры и общества. Два основных раздела посвящены политической лингвистике и лингвокультурологии. Сборник предназначен для ученых-языковедов всех специальностей, он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами лингвистики.

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗВЕСТИЯ УрГПУ. ЛИНГВИСТИКА.

ВЫПУСК 17

Подписано в печать _____ -. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – _____. Тираж 120 экз. Заказ _____

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@dialup.uk.ru

P.S. Статьи выходят в авторской варианте, редакция не несет ответственность за их содержание и оформление.

ISBN 5-7186-0131-3

© Известия УрГПУ. Лингвистика, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Базылев В.Н. Москва	Исповедальное начало в современной политической прозе: Юрий Скуратов	5
Басовская Е.Н. Москва	Власть языка: возможности и опасности речевого воздействия. Программа спецкурса для специальности «Журналистика»	17
Борисова Е.Г. Москва	Особенности антиглобалистского дискурса в России	26
Будаев Э.В., Чудинов А.П. Екатеринбург	Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования	35
Гаврилова М.В. Санкт-Петербург	Концепт «справедливость» в новейшем русском политическом дискурсе	77
Гришаева Л.И. Воронеж	Взаимодействие номинативных и дискурсивных стратегий в политическом дискурсе	87
Кашкина О.В. Воронеж	Оценочный аспект самопрезентации политиков в СМИ	101
Клочко Н.Н. Латвия	Образы Европы в современных национальных политических дискурсах	123
Лассан Э. Р. Вильнюс	О политкорректности как попытке обуздания инстинкта агрессии	137
Нахимова Е.А. Екатеринбург	О формальных показателях прецедентности антропонима	147

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Аникин Е.Е. Челябинск	Стратегия сопоставления в рекламе как нарушение принципа «Кооперации»	155
Бойко М.А. Воронеж	Роль дискурсивных факторов «СВОЙ», «ЧУЖОЙ», «ДРУГОЙ» в процессе формирования коллективной идентичности СМИ	163
Бондарева Е.П. Кемерово	Признаки времени в структуре концепта <i>мысль</i>	179

Галеева Н.Л. Тверь	Сопоставление отношения к переводу в основных переводческих ареалах	184
Дзюба Е.В. Екатеринбург	Изучение лексического плана текста как один из этапов филологического анализа	194
Кондратьева О.Н. Кемерово	Концепт <i>душа</i> в текстах Древней Руси	197
Сергеев С.А. Кемерово	Понятийная составляющая признаковой структуры концепта <i>мечта</i>	207
Шустрова Е.В. Екатеринбург	Развертывание концептосферы «Неживая природа» в идиостиле Р. Эллисона	214

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ.....227

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Базылев В.Н.

Москва

ИСПОВЕДАЛЬНОЕ НАЧАЛО В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ: ЮРИЙ СКУРАТОВ

Из предисловия к книге Юрия Скуратова «Вариант дракона» (М., 2000): «Его жизнь была ровной, карьера – устойчивой: юридический институт, докторская диссертация, ответственная работа в ЦК КПСС, позже в центральном аппарате КГБ СССР. В сорок с небольшим он становится Генеральным прокурором Российской Федерации. Ему кажется, он все понял правильно: беспощадная борьба с преступностью, надзор за исполнением законов всеми – от президента до мелкого чиновника. Возникают и расследуются громкие дела: убийство Холодова, Листьева, дело «Мабетекса», казнокрадство, отмывание капиталов, взятки. Он ожидает поддержки, помощи, но власть – замазанная и купленная – стремится помочь не ему, а тем, с кем он борется. И появляется на ТВ пленка с голыми девками. Бороться с властью невозможно, но он не сдается. Он пока борется. Юрий Ильич Скуратов.

Скуратов Юрий Ильич, 1952 г.р., г. Улан-Удэ, окончил Свердловский юридический институт (1973), Отслужил рядовым в армии. После окончания аспирантуры работал преподавателем в Свердловском юридическом институте. Был деканом судебно-прокурорского факультета. В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1987 г. Юрий Скуратов защитил докторскую диссертацию, посвященную конституционным проблемам самоуправления. В 1989 г. перешел на работу в аппарат ЦК КПСС руководителем отдела по законодательным инициативам и правовым вопросам. С 1991 по 1992 г. работал старшим консультантом министра безопасности Виктора Баранникова. В 1993 г. Скуратов возглавил научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре, вошел в состав коллегии Генпрокуратуры, 24 октября 1995 г. утверждён Советом Федерации в должности генерального прокурора Российской Федерации

*

В современной политической прозе мы сталкиваемся с так называемым автобиографизмом. Автобиографизмом принято

называть стилистически маркированный литературный прием, представляющий собой эхо жанра автобиографии; он появляется в текстах, которые сами по себе не являются автобиографией, не писались и не воспринимаются как автобиографии. Таковы, например, «Терновый венец президента» Кирсана Илюмжинова (Илюмжинов Кирсан Николаевич, 5.4.1962 г.р., г. Элиста, отец-инженер, мать – ветеринарный врач, калмык, окончил МГИМО МИД СССР по специальности «Политика и история Японии», президент Республики Калмыкия (с 1993 г.)) или «Вариант дракона» Юрия Скуратова, которую мы и предлагаем вниманию читателя как материал для исследования. Если автобиографический текст основан на точном следовании фактический канве биографии человека – политического деятеля, то автобиографизм предполагает использование ситуаций, достоверных по внутренней мотивировке, но не происходивших в действительности. Сопоставление текстов такого плана приводит к выводу, что существует, по меньшей мере, два различных вида автобиографизма: один из них можно условно назвать саморепрезентационным, а другой – исповедническим.

Наглядным примером первого является книга Кирсана Илюмжинова «Терновый венец президента» (М., 1995). В ней прослеживается процесс становления личности будущего политического деятеля. Мы видим, как в борьбе со «свинцовыми мерзостями» советской и российской действительности закалялся характер автобиографического героя.

Зачем калмыку знать свою историю? Зачем ему знать, откуда он появился, кто его предки и каких великих сынов дал этот народ? Главное, что требовалось знать молодому поколению, – это то, что до революции народы вымирали, а после залпа «Авроры» задыхаются от счастья. Общаясь в Артеке с представителями других малых народностей, я понял, что и они смутно представляют историю своего народа, нации... Как и остальные люди моего поколения, я прошел все стадии идеологической обработки, все этапы подцензурной жизни страны. Октябренок, пионер, комсомолец, член КПСС. Член совета дружины, член комитета комсомола, командир городского комсомольского отряда «Вега». Я много лет жил с запудренными мозгами и только постепенно, слой за слоем, начал очищать себя от этой лжи... (с.35-36, 40-41).

Однако, дочитав книгу до конца, ловим себя на том, что личность Кирсана Илюмжинова для нас по-прежнему загадочна и

темна. Эти откровенно идеологизированные тексты являют собой акт саморепрезентации: автор предстает перед читателем именно таким, каким хотел бы предстать, он тщательно, детально к деталям, выстраивает собственный образ. Разумеется, феномен такого рода самопрезентации не нужно отождествлять с самоидеализацией. Препарирование собственного литературного портрета не всегда превращается в затушевывание недостатков.

И все сомнения, которые мучили меня до этой поры, все мои тягостные наблюдения рассеялись как туман. Остается только патриотический восторг, слепая, яростная вера в торжество идей Ленина, в верность избранного пути, исторических предначертаний партии (с. 43).

Можно подумать, что Кирсан Илюмжинов как раз обнажает интимные и сокровенные стороны своей личности. На самом деле этот «эпатаж» по сути мало чем отличается от приемов «социальной педагогики» Максима Горького, известного по трилогии «Детство», «В людях» и «Мои университеты». Перед нами все та же саморепрезентация. Разумеется, у Кирсана Илюмжинова другие цели, но он предстает перед нами таким, каким хочет предстать: *Калмыки говорят: Лучшее яблоко черви едят (с. 45)*. «Подводная же часть айсберга – личности Кирсана – так и остается «под водой». Судить о личности Илюмжинова по герою документальной повести так же бесполезно, как понять Максима Горького с помощью его трилогии.

Совсем иное дело – исповеднический автобиографизм. Юрий Скуратов пытается проанализировать свой собственный внутренний мир. Странное дело, прочитав книгу, мы обнаруживаем, что какие-то темные уголки его загадочной души как будто высвечиваются именно благодаря тому образу, который создан на этих страницах. Конечно, герой, предстающий нам со страниц книги, не полностью автобиографичен, но он, безусловно, автопсихологичен. Юрий Скуратов, не заботясь о поддержании своего имиджа, проецирует вовне действительно самое интимное и сокровенное, то, что его мучило всю жизнь и что он, в силу своего социального статуса, вынужден был «камуфлировать».

В этой статье речь пойдет именно об исповедническом автобиографизме, бросающем свет на «подводную часть айсберга» личности политического деятеля. Интерес представляют в этой связи именно такого типа тексты, в которых представлен «внутренний человек», в отличие, повторюсь, от произведений само-

репрезентационного типа, где в основном присутствует не выставляемое автором напоказ, но, наоборот, скрываемое. Разумеется, в определенном смысле автобиографичен любой художественный текст, так как он несет на себе отпечаток личности автора. Выбранная нами для анализа книга отличается тем, что в ней количество проецируемого сокровенно-личностного переходит в качество, а установка – нередко бессознательная – на исповедь становится доминирующей.

Здесь возникает вопрос о критериях, которые способны выявить в тексте наличие автобиографического импульса. Похоже, что надежных формальных признаков такого рода не существует. Порой автобиографическая ситуация обнаруживает себя тем, что резко меняется сам ракурс письма: автор как бы теряет контроль над тестом, возникает эффект прикосновения к болевым точкам, что свидетельствует о безусловном эмоциональном отношении к пережитому.

Так ни в какую армию Сережа не попал. А я попал. И понял с той поры, что не всегда большой начальник может решить вопрос так, как надо. Порою – и это бывает часто – гораздо больше может сделать обычная сошка, винтик (с. 26).

В таких случаях, разумеется, нельзя обойтись без использования психоаналитического инструментария. Как известно, психоанализ трактует писателя как невротика, который озабочен и мучим некоей психической травмой, чаще всего полученной в детстве. Все написанные им произведения, в конечном счете, варьируют именно эту травматическую ситуацию и к ней могут быть редуцированы. Смысл текста – это потаенная драма, пережитая автором. Трудно не согласиться и с пониманием единства поэтического мира автора как системы инвариантных мотивов, реализующих некую излюбленную – навязчивую – тему [Белянин 2000; Руднев 2000].

В восьмом классе произошло событие, которое заставило меня резко пересмотреть свои взгляды на жизнь. Евгений Иванович познакомился с одной миловидной женщиной – врачом, увлекся ею и разошелся с моей матерью. Тут я понял, что надеяться мне в жизни не на кого, и изменил отношение к учебе (с. 19).

Исповедальный дискурс такого рода возникает на пересечении двух разнонаправленных тенденций: с одной стороны автор жаждет озвучить мучающее его и тем самым от этого освободиться, а с другой – стремится закамуфлировать свою тайну.

Текст, таким образом, можно уподобить сознанию, а его смысл – бессознательному.

Ну что, например, имел я – заместитель заведующего отделом ЦК КПСС? Должность, замечу, была немалая. По негласной «табели о рангах» приравнивалась к должности союзного министра, а в чем-то была даже и выше. Персональной служебной машины у меня не было, была только машина по вызову – как правило, дежурная, – часто я ездил на метро. «Роскошная» дача, которую я имел, – это была обычная трехкомнатная квартира в восьмиквартирном доме, единственное что – в сельской местности, в Усово. Конечно, по тем временам это было немало, но по сравнению с тем, что имеют нынешние чиновники, – это мелочь (с. 52).

Автор, наверное, и сам не знает, что он хотел этим сказать; написав текст, он зашифровывает в нем некое послание. Спрашивается, зачем зашифровывать, почему бы не сказать прямо? Прямо сказать нельзя, потому что в основе художественного творчества лежит травматическая ситуация, которую текст хочет скрыть – подобно тому, как сознание пациента всячески старается скрыть хранящееся в бессознательном воспоминание о травматической ситуации. Таковых можно насчитать три в тексте Юрия Скуратова: страх голода, страх остаться без крыши над головой и страх физического уничтожения.

Одно время мы вообще только на ее (бабушкины) деньги, на ее более чем скромную зарплату – двадцать семь рублей в месяц. И я, и тетя Валя – старшая мамина сестра, и Ирина Георгиевна – сестра младшая, и сама бабушка. Но – перемогались и надеялись на лучшее. Одно из самых ярких воспоминаний той поры: бабушка, возвращаясь вечером домой с бидоном парного молока и большим кульком, набитым пирожками с ливером. А мы целый день голодали, животы прилипли к хребту (с. 13).

А потом нам дали двухкомнатную квартиру в Пионерском поселке. Это было первое наше жилье – собственное, свое, не надо было мыкаться по чужим углам. Мы были счастливы (с. 35).

Позже, много позже, когда на меня стали лить грязь, я чувствовал себя очень устойчиво, – ведь все это я уже пережил. Пережил наветы, когда о партии, о тех, кто находился у власти сочиняли разные небылицы, пережил унижение, пережил страхи за свою семью. Все это было, было, было! (с.51-52).

Искренняя исповедь напрямую, без какой-либо нарративной маски, вообще вряд ли возможна. Человек так устроен, что скорее признает за собой самые причудливые и экзотические пороки «другого», чем откроет подлинную травму, составляющую суть собственной личности.

Но проработали мы с Вячеславом Александровичем недолго – начались трудности с финансами, и нас сократили. Предстояло вновь решать вопрос: куда пойти, как, каким способом зарабатывать деньги, чем кормить семью? Те, кто когда-то стоял перед подобным барьером – будто на дуэли со своим будущим, – хорошо знают, как чувствует себя в таких ситуациях человек (с. 54).

Поскольку автор исповедального текста обуреваем противоположными устремлениями, пытаюсь одновременно и обнажить, и скрыть свои персональные невротические проблемы, в произведении, естественно, возникает ряд противоречий. Нередко мы сталкиваемся здесь с очевидной рационализацией – когда писатель маскирует свои бессознательные невротические импульсы с помощью всякого рода искусственных мотивировок.

Меня пытались шантажировать, повели со мной недостойную игру, и мне, чтобы не быть уничтоженным, надлежало в эту игру вступить (с. 176).

Самобичевание и покаяние в исповеднических текстах весьма часто сочетаются с самоапологией. Автор стремится использовать возможность психологически прожить в созданном им художественном пространстве не только более достойную, но и более богатую, более естественную и разнообразную жизнь

В общем, прокуратура как важный государственный механизм была восстановлена и начала работать в том виде. В каком она должна работать. Организм задышал. Жить стало интересно (с. 87).

Уже сама по себе необычная жизненность и яркость образа в тексте сигнализирует о наличии в тексте исповедального начала.

Я не был ни разу ни в семье президента, не был с ним ни на охоте, ни на рыбалке, ни в бане. Но вместе, за одним столом, бывал неоднократно и видел его, что называется, с расстояния вытянутой руки, когда человека и рассмотреть основательно можно, и понять, что он собой являет, можно (с. 119).

Попробуем исчислить основные признаковые моменты исповедальной политической прозы, как они предстают нам со стра-

ниц книги Юрия Скуратова. Зачастую подлинная исповедь подменяется ее имитацией – чисто риторическим показательно-демонстративным актом, ритуальным покаянием с элементами мазохизма. *Я боролся не за себя. Если бы искал хорошей спокойной жизни, то давным бы давно уехал послом в Финляндию или в Данию либо стал членом Конституционного суда... Я отказался от предложения. Ведь поругана была моя честь, поругана честь моей семьи. А честь я обязан защитить. Как обязан и держать удары, какими бы сильными и болезненными они ни были. Дальше. Есть закон, и закон я обязан защищать. Ведь без соблюдения законности любое государство обречено на гибель. Уступить преступникам я просто не имел права. Если уступлю шантажу, то покажу плохой пример своим коллегам, я тогда запятнаю честь прокурорского работника. А ведь на меня смотрят многие, у многих прокуроров на периферии – такая же, как у меня, несладкая жизнь (с. 315).* Необходимым компонентом выступают самоанализ и рефлексия; рефлексия задает наиболее наглядное представление о внутреннем мире автора-политика. *Конечно же, я допустил ряд просчетов – кое-где мне не хватило воли и твердости. Особенно в начале млей работы. В частности, в ситуации с коробкой из-под ксерокса, но это – наука (с. 315).* Обязательно присутствует лейтмотив: люди себя выдумывают: придумывают себя – с одной стороны, а с другой – мучительно ищут себя настоящих и подлинных окружающих. *Много разочарований принесли мне и мои бывшие друзья. Трусость, желание усидеть в своем кресле и ради этого – готовность пойти на все, в том числе на подлость и предательство, всегдашнее стремление услужить. Не ожидал я этого от своих друзей, которым столько раз помогал. Как они не понимают, что мир не ограничивается, скажем, Покровкой, Лубянкой и Большой Дмитровкой, как же они будут мне смотреть в глаза в будущем? В то же время радуют встречи с простыми людьми, в них, и только в них, я нахожу поддержку (с. 316).* На этом фоне парадоксальной кажется борьба человека – политика с действительностью. *Режим становится все более и более криминальным. Отечество в опасности! Поэтому я решил выдвинуть свою кандидатуру в президенты Российской Федерации и включиться в новую борьбу... Сейчас, когда я пишу эти строки, в здании ЦДРИ (Центральный дом работников искусств (Москва)) собралась инициативная группа и выдвинула меня кандидатом в прези-*

денты России... (с. 317). Ни одного слова он не произносит «в простоте» – перед нами сплошная декламация. *Мои коллеги из Генпрокуратуры пригласили меня на допрос: что я имел в виду под словом «семья»? – Только то, что подазумеваает гражданско-правовое понятие: семья – это ячейка общества. – А что вы имели в виду под словом «коррупция»? – Коррупцию и имел в виду. Деньга на оплату покупок, сделанных семьей Ельцина, поставлял Паколли. За это Паколли получил очень выгодные подряды на ремонт Кремля, его лично приглашал к себе Ельцин, присвоил ему звание заслуженного строителя России.... Это и есть коррупция (с. 314).* Но неуклонный оптимизм чуждого всяким сомнениям кажется уже признаком некоторой умственной ущербности. 15 октября я выиграл судебный процесс. Мосгорсуд признал незаконным решение о продлении сроков следствия, и я через два дня попытался выйти на работу. На территорию Генпрокуратуры меня не пустили, милиционер, который раньше отдавал мне честь, лишь виновато развел руки в стороны: *Не имею права!...К этой поре в прокуратуру приехал Березовский – его пропустили (с. 314).* В тексте присутствует какая-то утрированно-лубочная «идейность». Милиционер, который задержал меня в проходной, получил месячный оклад, его начальник Бродский, отвечающий за «неприкосновенность» территории, – именное оружие, Розанов – орден. Я же от этого режима не получал ничего. Кроме одного – звание заслуженного юриста. Но эта награда – сузубо профессиональная. И дают ее не за угодничество, не за ложь – совсем за другие вещи (с. 315). Понятно, что скепсиса и сомнения в глубинах личности политика значительно больше, чем жизнелюбия и оптимизма; мучающее автора-политика реально пережитое или таящееся в глубинах бессознательного сочетается с желаемым и желанным, а горькое покаяние переходит в самооправдание и самоапологию. А если бы он отказался выполнять, то нате вам – пленочка с компроматом. Тем более, что подобная информация уже промелькнула на страницах СМИ, а с цифровой камерой можно снять любые сюжеты. То, что сейчас происходит, – покруче, чем самый крутой беспредел. Только чем все это закончится, вот вопрос. Я понимал, что времени мне отведено совсем мало, я спешил... Мне было приятно отмечать, что многие сотрудники были рады моему появлению в прокуратуре, их лица при встрече светлели, каждый стремился сказать хотя бы несколько поддерживающих

слов, меня останавливали в коридорах, желали удачи... (с. 182). Задача, характерная в целом для произведения исповедально-биографического плана, в том числе и для современной политической прозы: нужно дать выход всем внутренним коллизиям и чувствам, нужно выразить и раскрыть что-то интимно-личное, и в то же время нельзя открыть до конца, нельзя обнаружить все, все показать, нужно, показывая, обнаруживая, скрыть. В книге эксплицирован и мотив разврата, и мотив гомосексуализма. *Росинского я не знал, слышал только, что он – человек нетрадиционной половой ориентации, кое-кто даже со смешком предлагал его освободить в связи с переводом в «Голубой дом», чтобы не позорил прокуратуру, но всякий раз такие предложения отвечал отказом: мухи, мол, отдельно, котлеты – отдельно (с. 186).* Рассчитанная одновременно и на элитарное, и на массовое восприятие, книга может быть прочитана и как сложнейшая философская притча, и как образец демократического лубочного романа. Но ничего случайного и необъяснимого в тексте нет, все описываемое похоже на иллюстрацию к фрейдовскому учению об обмолвках и ошибках, отражающих глубинные бессознательные импульсы человека, его внутреннюю волю. Деятельность политика приобретает сексуально-эротический оттенок, а вся история с порновидео пленкой в деле Юрия Скуратова – это по сути фрейдовская «трагедия спальни». Не случайно весь текст пронизан мыслью о порочности человека. *Сейчас Росинский – презираемый в прокуратуре человек. Кстати, всплыла еще одна не самая лучшая для этого человека деталь: Росинского очень активно обхаживал, уговаривал Хапсироков. И в знак благодарности за содеянное, – как гонорар, – помог отремонтировать квартиру. Может быть, попросту – купил. Нет, не хотел бы я оказаться на месте Росинского (с. 192).* К признаковым моментам можно отнести и обыгрываемую оппозицию: культура/невежество, и пророческое самовосприятие. При всем том герой борется со злом, оставаясь частью ненавистной ему системы и используя ее методы и механизмы. *Вскоре состоялось заседание «моральной комиссии»... Я сказал Макарову: Ведется следствие, оно установлено, откуда взялась пленка, как была сделана запись и так далее. Все эти вопросы составляют предмет уголовного расследования. А так я не понимаю назначение вашей комиссии. Что это за комиссия по изучению морального облика? Без документов разговор будет беспочвенным... Вы – не партком,*

чтобы проводить подобные разборки (с. 189). Политик представлен в тексте как мученик, а сам текст таким образом выполняет некую имманентную терапевтическую функцию, помогая политику избавляться от своих дурных качеств путем их проецирования, воплощения в образах негативных и в то же время автopsихологических персонажей. Что касается Бориса Николаевича, то он во все времена был неуправляемым «ленинцем», во все времена что хотел, то и делал. Как только мы этого не видели! Не знаю... Надо было увидеть, а мы не увидели.... Чего только в голову не лезет, когда чувствуешь себя по-настоящему усталым, загнанным в угол, опустошенным. А я сейчас был именно таким (с. 223). Не последнее место в тексте занимает телеологичный настрой – вера в предопределенность собственной жизни, в не случайность каждого ее поворота, когда несправедливость оборачивается высшей справедливостью, даже если никакого смысла в ударах судьбы обнаружить было нельзя, все казалось фатально несправедливым, требовалось переориентироваться и, осознав ошибочность прежних представлений о собственном назначении, встать на новый путь. Кое-кто из высокопоставленных особ... считали, что со мной покончено.... Ну что же, вполне возможно, в этом есть доля истины, но до того, как это произойдет, я еще скажу несколько громких слов, и вора обязательно скажу, что они воры. И уж потом громко хлопну дверью... Когда бывает трудно, вспоминаешь прошлое, свои истоки... Где родился, там и пригодился... (с. 12). Это настойчивая вариация ситуация катастрофического боя, в котором фатально гибнут все достойные, в то время как в живых остаются мерзавцы, которых невозможно судить из-за отсутствия формальных доказательств и улик. Создается впечатление: для того, чтобы выплеснуть боль оскорбленного политика, Скуратов и взялся за перо. Все остальное – лишь обрамление, необходимое для того, чтобы иррациональному душевному импульсу придать вид «правильной» повести. Но до конца осуществить рационализацию, т.е. адаптировать спонтанный крик души к привычной системе реалистических мотивировок, не удастся: как всегда в подобных случаях возникают противоречия и нестыковки. В конце концов, шут возьми, какой из меня партийный функционер? Я и проработал-то в ЦК неполных два года. Раньше в партии я никогда не работал, горбачевскому перестроечному призыву верил – мне искренне хотелось что-то сделать для людей, для страны, и в том, что

произошло, никакой моей вины не было (с. 54). Это происходит потому, что не стремление достоверно и объективно воспроизвести увиденное и пережитое движет писателем-политиком. Он находится во власти собственного бессознательного – амбиций, гнева, страха, жалости к себе. Ведь политик до поры до времени живет в мире собственных грез, принимая желаемое за действительное: его стихией остается игра – политическая игра и некий симулятивный характер собственной жизни.

Как писал А.Жолковский, «именно сосредоточение автора на собственных экзистенциальных проблемах придает их художественным проекциям захватывающую жизненность» [Жолковский 1999: 15]. Исповедь в современной политической прозе, как мы видим, зачастую может принимать парадоксальные и неожиданные формы. Нередки случаи, когда автор открывает сокровенные глубины своей личности, даже не помышляя о каком-либо автобиографизме. Наш опыт анализа политической прозы 90-х годов показывает, что невротичный политик занят в основном своей душевной травмой и, под видом изображения внешних обстоятельств, реалий окружающей действительности, фактически воспроизводит всю ту же персональную травматическую ситуацию [Базылев 1999, 2000, 2000а, 2000б, 2001, 2002, 2004, 2004а, 2005]. Такой политик порой может пользоваться репутацией глубокого аналитика, исследователя общественных процессов, а то и пророка, сумевшего заглянуть в отдаленное грядущее. В современной политической прозе сугубая исповедь часто принимает форму мрачного пророчества.

Ныне я пришел к выводу, что обычными правовыми средствами ни оргпреступность, ни коррупцию в России не победить – справиться с ними может только власть – обладая государственной властью, можно этих гадин раздавить. Лишь власть способна решить, быть России правым государством или нет. Но если власть сама завязана на преступлениях, как это было при Ельцине, то стать нам правовым государством она не даст никогда (с. 316).

В этом случае политик, мучимый своими «демонами», проецирует их вовне, создавая апокалиптические картины. И порой возникает эффект своеобразного резонанса между персональными невротами и глубинными архетипическими пластами национального бытия: фантазийные проекции интроверта обращаются действительно пророческим взглядом в будущее страны и человечества. Столь широко распространившееся в

России произведения политической прозы, содержащие резкую критику режима – тоталитарного или демократического – в большинстве своем оказываются по преимуществу исповедями. Необходимо перечитать их именно под этим углом зрения. Весьма часто на демонизирующий образ власти переносятся собственные тревожащие и мучающие автора пороки. О механизме такого трансфера писал психоисторик Ллойд Демоз: «... все слабости и недостатки, которые индивид чувствует в себе, в иллюзорной фазе начинают проецироваться на врага, так что мир снова обретает смысл» [Демоз 2000: 20]. Ярость позиции воинствующего политика 90-х зачастую связана с постижением на бессознательном уровне своей соприродности злу и энергичным вытеснением этой страшной истины. Вообще же, ни в чем человек не раскрывает свои глубинные свойства так отчетливо, как в критике окружающих – представителей власти. Создается иллюзия предельно искреннего авторского самообнажения, но чаще всего это именно только иллюзия. Критикуемые сплошь и рядом оказываются вместилищами собственных проекций критикующего. Современные обличители не всегда способны, в отличие от Н.В. Гоголя, осознать, что в объектах своей ненависти преследуют «собственную дрянь». В этом плане политический дискурс еще ждет своего объективного исследования.

Напомню, что в данной статье мы сделали первые шаги в исследовании такой интересной темы как исповеднические тенденции в современной российской политической прозе (90-е годы XX века). Книги этого периода пытаются осмыслить трагические и грандиозные потрясения, обрушившиеся на страну за прошедшее десятилетие. Личность тогда испытала невиданное прежде, в советскую эпоху, давление бесчеловечных обстоятельств. В силу этого книги и приобретают характерные черты исповедально-автобиографического дискурса, сопровождающиеся некоторыми оригинальными и специфическими чертами, которые нами были проанализированы в первом приближении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев В.Н. Лингвистическая персонология: Ирина Хакамада // Лингвистика. Вып. 15. – Екатеринбург, 2005.
2. Базылев В.Н. Нехаризматическая популярность: Леонид Кучма // Лингвистика. Вып.13. – Екатеринбург, 2004.
3. Базылев В.Н. Сцены и персонажи, увиденные в хрустальном шаре: Аскар Акаев // Политический дискурс в России – 7. – М., 2004а.
4. Базылев В.Н. Политик в интеллектуальном контексте

эпохи // Политический дискурс в России – 6. – М., 2002.

5. Базылев В.Н. В ожидании экономического чуда: Архив высказываний от Лазаря Кагановича до Егора Гайдара // Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 54. – Wien, 2001.

6. Базылев В.Н. Политик-фраза и политик-текст // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград, 2000.

7. Базылев В.Н. Речевой имидж политического деятеля // Экспериментальные исследования устной речи и овладения языком. – М., 2000а.

8. Базылев В.Н. «История болезни»: Александр Лебедь и Валерия Новодворская // Политический дискурс в России – 4. – М., 2000б.

9. Базылев В.Н. Автопортреты политиков: от психопэтики к психополитике // Политический дискурс в России – 3. – М., 1999.

10. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: Модели мира в литературе. – М., 2000.

11. Демоз Л. Психоистория. – Ростов-на-Дону, 2000.

12. Жолковский А.К. Михаил Зощенко: Поэтика недоверия. – М., 1999.

13. Руднев В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. – М., 2000.

© Базылев В.Н., 2006

Басовская Е.Н.
Москва

ВЛАСТЬ ЯЗЫКА:

ВОЗМОЖНОСТИ И ОПАСНОСТИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

(Программа спецкурса для специальности «Журналистика»)

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Речь по природе своей имеет воздействующий характер. Среди ее функций – множество видов воздействия на адресата, от прямого побуждения к тем или иным поступкам до изменения или уточнения картины мира, существующей в сознании реципиента. Особую значимость проблема власти языка приобрела в современном информационном обществе, где человек огромное количество времени проводит в «силовом поле» средств массовой информации, рекламы и Интернета.

СМИ играют роль основных каналов воздействия на массовую аудиторию со стороны политиков и промышленно-торговых корпораций. Поэтому весьма существенно, чтобы журналисты

сознавали значимость собственного речевого поведения, чувствовали ответственность за написанное или произнесенное слово.

Кроме того, работники средств массовой информации, как и все остальные, постоянно являются объектами речевого воздействия. Одна из актуальных для современного человека задач – не стать жертвой манипуляций, не поддаться магии умело построенной речи, намеренно искажающей образ реальности. С этой точки зрения также исключительно важно понимание механизмов словесного воздействия и готовность к «интеллектуальной самообороне».

В соответствии с данными положениями, подтверждающими **актуальность** рассматриваемой проблематики, разработана программа спецкурса «Власть языка: возможности и опасности речевого воздействия», который читается для студентов 3–4 курсов факультета журналистики Института массмедиа РГГУ (специальность «Журналистика»).

Спецкурс базируется на знаниях, полученных слушателями в процессе изучения таких дисциплин, как современный русский язык, стилистика и литературное редактирование, а также история мировых цивилизаций, история России, история русской литературы, история русской журналистики, философия.

Предмет курса – язык как средство воздействия на адресата; принципы эффективного речевого поведения; технология защиты от словесных манипуляций.

Цель курса – повысить языковую компетенцию слушателей, эффективность речевого поведения; подготовить учащихся к критическому восприятию воздействующих высказываний.

Задачи курса: 1) дать студентам представление о выполняемой человеческим языком функции воздействия; 2) ввести слушателей в круг философских и лингвистических идей, касающихся влияния языка на сознание; 3) рассмотреть механизмы воздействия адресанта на адресата в процессе вербальной коммуникации; 4) представить основные виды коммуникативных барьеров и проанализировать пути их преодоления; 5) охарактеризовать манипулятивное воздействие и дать рекомендации по защите от словесных манипуляций; 6) познакомить аудиторию с понятием языковой политики; продемонстрировать на историческом материале высокую эффективность такого инструмента идеологического воздействия, как печатное и звучащее слово; 7) изучить феномен «советского новояза» и показать его

рудименты в русском языке начала XXI в.; 8) выявить важнейшие особенности современной политической речи; 9) определить специфику языка рекламы как средства воздействия на сознание и поведение реципиента; 10) отработать навыки критического восприятия политического и рекламного текста.

По завершении спецкурса студенты должны: 1) владеть рядом теоретических понятий, таких как «функция воздействия», «коммуникативный барьер», «лингвистическая прагматика», «манипуляция», «речевой акт», «имплицатура»; «пресуппозиция», «языковая политика», «новояз»; «прецедентный феномен»; 2) знать особенности политической и рекламной речи; 3) быть знакомыми с историей формирования и развития «советского новояза» и уметь обнаруживать его следы в современной речи; 4) получить представление о языковой политике ряда стран мира; изучить законодательную базу языковой политики Российской Федерации; 5) иметь навыки эффективного речевого поведения с учетом фактора адресата; 6) владеть приемами защиты от словесных манипуляций.

Основная часть **занятий** проводится в форме лекций. Кроме того, слушатели готовят сообщения, посвященные частным вопросам курса. На практических занятиях студенты под руководством преподавателя анализируют фрагменты из литературных произведений, политические и рекламные тексты. Помимо устных сообщений и участия в работе с текстами, **формой контроля знаний студентов** становится стартовое, промежуточное и итоговое тестирование.

На первом занятии проводится анкетирование (ассоциативный психолингвистический эксперимент), выявляющее устойчивые ассоциативно-вербальные связи, свойственные слушателям. Эти данные используются в дальнейшем при изучении таких вопросов, как коммуникативные барьеры и «прецедентные феномены».

Спецкурс апробирован на факультете журналистики Института массмедиа РГГУ во втором семестре 2003/2004 и 2004/2005 учебного года.

СОДЕРЖАНИЕ ПРОГРАММЫ

Раздел 1. Язык как средство воздействия.

Тема 1. Язык и мышление. Язык как вторая сигнальная система человека. Функции языка по отношению к сознанию. Сознание и мышление. Взаимосвязь языка и абстрактного мышления.

Тема 2. Язык и познание. Языковая картина мира и когнитивная функция языка. «Библиотека текстов» и «библиотека значений» (по В.Б. Касевичу). Понятие ассоциативно-вербальной сети. Гипотеза «лингвистической относительности».

Тема 3. Лингвистическая прагматика. «Трехмерное пространство языка» (по Ю.С. Степанову): семантика, синтактика, прагматика. Прагматика – наука о функционировании знаков в речи. Прагматические компоненты высказывания. Дейксис. Понятие пресуппозиции. Прагматическая установка текста. Коммуникативные цели. Прямые и косвенные высказывания. Прагматические основы восприятия. Теория речевых актов. Понятие перформатива.

Тема 4. Речевое воздействие. Речевое воздействие как регулирование поведения адресата и изменение свойственной ему картины мира. Формы речевого воздействия: убеждение и внушение. Речевые стратегии и тактики. Формы речевой агрессии. Понятие манипуляции как воздействия, не сознаваемого адресатом. Лингвистические предпосылки манипуляции: неясность значений, многозначность, историческая изменчивость семантики слова.

Критерии успешности речевого воздействия. Лингвокультурология. Прецедентные феномены (по В.В. Красных): прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентный текст. Коммуникативные барьеры. Понятие коммуникативной неудачи.

Раздел 2. Язык и власть.

Тема 1. Язык – инструмент власти. Речь как пропагандистское средство. Оценочный компонент номинации. Идеологический характер оппозиций «мы – они», «свой – чужой». Вербальная агрессия. Механизм создания политических ярлыков. Словесные клише с «пустым денотатом». Понятие мифологемы.

Тема 2. Общие принципы языковой политики. Языковая политика – теория и практика государственного решения языковых вопросов. Составляющие языковой политики (по Н.Б. Мечковской): национально-языковая политика, формирование, соблюдение, сохранение языковой нормы, языковая цензура, реформы языка, создание письменностей, создание терминологий и др. Теоретические, юридические, административные, экономические основы языковой политики. Унитарные и сегрегационные принципы языковой политики. Понятия «национальный язык», «титульный язык», «официальный язык», «государствен-

ный язык».

Языковая политика различных стран мира.

Тема 3. Языковая политика в России XX – начала XXI в.

Языковая ситуация в предреволюционной России. Национально-языковые принципы большевиков. Реформа русской орфографии 1918 г. Отказ от государственного языка. Создание письменностей в 1920-х гг. Несоответствие декларированных принципов социально-политической практике. Тотальная русификация 1930-60-х гг.

Языковые процессы периода «перестройки» и распада СССР. Закон «О языках народов РСФСР» 1991 г. Языковые вопросы в Конституции РФ. Закон «О государственном языке Российской Федерации» 2005 г. Актуальные проблемы языковой политики России.

Тема 3. Тоталитарный дискурс. Феномен «советского новояза». Признаки «новояза» на различных уровнях русского языка советского периода: десемантизация, изменение и усиление оценочности, возникновение штампов, гиперболизм, эвфемизация, экспансия грамматического пассива и безличных конструкций и др. Языковая оппозиция. Проблема «чистого языка».

Языковые явления «перестройки» 1980-90-х гг.: индивидуализация речи, размывание стилистических границ, разрушение табу, обыгрывание старых штампов. Эволюция русского языка в постсоветскую эпоху.

Тема 4. Средства речевого воздействия в современной массовой коммуникации. Политическая риторика начала XXI в. Новые мифологемы эпохи глобализации и речевые клише сегодняшней пропаганды.

Особенности речевого воздействия в рекламе: смягчение императивности, интимизация, иллюзия «собственного мнения» адресата.

Технология защиты от нежелательного речевого воздействия.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

Тема	Вид работы	Кол-во часов
1. Язык и мышление. Теория «лингвистической относительности».	Стартовое тестирование. Лекция. Распределение тем докладов. Ассоциативный эксперимент.	2

2. Лингвистическая прагматика. Теория речевых актов.	Лекция.	2
3. Речевое воздействие: убеждение и внушение. Понятие манипуляции.	Лекция. Доклад № 1. Анализ результатов ассоциативного эксперимента.	2
4. Язык и власть. Языковая политика.	Лекция. Доклад № 2. Промежуточное тестирование.	2
5. Тоталитарный курс. Феномен «советского новояза».	Лекция. Доклад № 3.	2
6. Признаки «новояза» на различных уровнях русского языка советского периода.	Практическое занятие. Анализ текста романа Дж. Оруэлла «1984» (приложения о новоязе), художественных и публицистических текстов советского периода.	2
7. Языковые явления «перестройки» 1980-90-х гг. Эволюция русского языка в постсоветскую эпоху.	Лекция. Доклад № 4. Доклад № 5. Доклад №6.	2
8. Средства речевого воздействия в современных СМИ и рекламе.	Практическое занятие. Анализ современных политических и рекламных текстов. Обобщение изученного. Итоговое тестирование.	2
ИТОГО		16

Система текущего и итогового контроля знаний студентов
Тестирование

Стартовое

1. Относится ли язык к числу биологических явлений?
2. Что такое когнитивная функция языка?
3. Что такое коннотация?
4. Что такое пресуппозиция?
5. Чем знамениты языковеды Э.Сепир и Б.Уорф?
6. Какими проблемами занимается лингвистическая прагматика?

7. Когда и кем предложен термин «новояз»?
8. В чем отличие речевого клише от штампа?
9. Каковы основные толковые словари русского языка, изданные в советский период?
10. Кто из современных лингвистов занимается изучением посттоталитарной языковой эволюции?

Промежуточное

1. В чем заключается существо гипотезы «лингвистической относительности»?
2. Назовите 2-3 импликатуры общения по П. Грайсу.
3. Приведите примеры речевых актов.
3. Что такое манипулятивное речевое воздействие?

Итоговое

Проанализируйте перечисленные ниже политические и рекламные лозунги с точки зрения технологии речевого воздействия. Какие из них можно назвать манипулятивными?

Кто не с нами – тот против нас!

Догоним и перегоним Америку!

Выше знамя социалистического соревнования!

Миру – мир!

Mulipex - надо жить играючи.

Tefal, ты всегда думаешь о нас.

L'Oreal. Ведь я этого достойна.

Россия – щедрая душа! (Реклама шоколадной фабрики «Россия», принадлежащей концерну Nestle)

Тематика докладов

1. Психологический аспект манипулятивного воздействия на сознание.
2. Языковая политика отдельных стран мира.
3. Речевой портрет «вождя народов» (лингвостилистический анализ текстов И.В. Сталина).
4. Речевой портрет лидера «перестройки» (лингвостилистический анализ текстов М.С. Горбачева).
5. Борьба идей – борьба стилей (сопоставительный анализ языка демократических и прокоммунистических изданий периода «перестройки»).
6. Новые штампы политической риторики.

Список источников и литературы

Источники

1. Конституция Российской Федерации (1993): статьи 68, 26.2.

2. О языках народов РСФСР. Федеральный закон (1991).
3. О государственном языке Российской Федерации. Федеральный закон (2005).
4. Оруэлл Дж. 1984 (Приложение «О новоязе»). – Любое изд.

Научная литература

Обязательная

1. Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – Пер. с фр. – М., 1989. – С. 297-318.
2. Грайс П. Логика и речевое общение. – Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 217-234.
3. Гумбольдт В. Характер языка и характер народа // Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – Пер. с нем. – М., 1985. – С. 370-381.
4. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М., 2000.
5. Сепир Э. Грамматист и его язык // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию. – Пер. с англ. – М., 1993. – С. 248-258.
6. Серио П. О языке власти: критический анализ. – Пер. с фр. // Философия языка: в границах и вне границ. – Харьков, 1993.
7. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку; Наука и языкознание – Пер. с англ. // Зарубежная лингвистика. 1. – М., 1999. – С. 58-105.
8. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001.

Дополнительная

1. Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917-1997. – М., 1997.
2. Арутюнова Н.Д. Оценка в механизмах жизни и языка; Проблемы коммуникации // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М., 1999. – С. 130-271; 643-683.
3. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 35.
4. Байков В.Г. Манипулятивная семантика и контрпропаганда // Функционирование языка как средства идеологического воздействия: Сборник научных трудов. – Краснодар, 1988. – С. 5-10.
5. Бэкон Ф. Новый Органон. – Пер. с англ. // Бэкон Ф. Соч. в двух томах. – Т. 2. – М., 1978.
6. Волконский С., Волконский А. В защиту русского языка. – Берлин, 1928.
7. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, меха-

низмы и защита. – М., 1997.

8. Красных В.В. Этнолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М., 2002.

9. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург-Пермь, 1995.

10. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме. – М., 1988.

11. Лурия А.Р. Проблема языка и сознания // Лурия А.Р. Язык и сознание. – М., 1979. – С. 11-30.

12. Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика «Оттепели»: материалы к изучению пропагандистской модели XX съезда КПСС. Идеологема «культ личности» // Технология власти: источники, исследования, историография. – Спб., 2005. – С. 374-402.

13. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М., 1990.

14. Речевое воздействие: психологические проблемы. – М., 1986.

15. Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М., 1986.

16. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. – Любое изд.

17. Социальная власть языка: Сборник научных трудов. – Воронеж, 2001.

18. Фельдман Д.М. Пропагандистская схема XX съезда КПСС: к истории термина «реабилитация» в советской культуре // Технология власти: источники, исследования, историография. – Спб., 2005. – С. 403-426.

19. Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при советах. – Нью-Йорк, 1955.

20. Хан-Пира Э.И. Язык власти и власть языка // Вестник АН СССР. – 1991. - № 4. – С. 12-24.

21. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград, 2000.

Справочная литература

1. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – Спб., 1998.

2. Опыт словаря нового мышления / Под ред. Ю.Н. Афанасьева и М. Ферро. – М., 1986.

3. Словарь перестройки. – Спб., 1992.

4. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. – Спб., 1998.

5. Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник. – М., 2005.

© Басовская Е.Н., 2006

ОСОБЕННОСТИ АНТИГЛОБАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА В РОССИИ

Цель данной работы – продемонстрировать особенности языка текстов – деклараций и заявлений, статей в СМИ, научных работ – тех политических групп, которые относятся к антиглобалистским. Предпринимается попытка политологической характеристики этих сил в связи с особенностями их языка.

1. Языковые характеристики политических текстов в современной России

Прежде, чем переходить к описанию анализируемого дискурса, определим инструментарий нашего исследования. Мы считаем важным для определения политических характеристик некоторого сообщества следующие языковые особенности.

А) Использование лексики и фразеологии. Здесь мы учитываем как позитивные данные – наличие в тексте определенных слов, штампов и т.п., так и отрицательные – непереносимое отсутствие какого-либо набора лексико-фразеологических единиц – кроме цитационного или иронического употребления.

Эта особенность языка определенной социально-политической группы давно известна. Специфическая лексика получала в разных школах название «Фане-вертер» (словазнамена), «либеральная» (коммунистическая) и т.п.) лексика. Мы называем такие слова «манifestативными» [Борисова 1998: 115].

Причины возникновения такого противопоставления носят, с одной стороны, онтологический характер, с другой – узуальный. Появление в речи определенной группы людей слов, характеризующих какое-либо историческое, политическое или философское понятие, означает признание этого понятия и тех реалий, которые за ними стоят. Например, коммунисты, употребляющие слова «диктатура пролетариата», «бесклассовое общество», действительно оперируют данными понятиями. Тогда как для людей иных взглядов эти словосочетания не соотносятся с какими-либо представлениями и потому не употребляются (кроме как в цитатах, при ссылках на взгляды коммунистов и т.п.).

С другой стороны, большое количество слов и словосочетаний употребляется социально-политическими группами в соответствии с традицией. Обычно такое употребление воспринимается как штамп. Оно сближает эти словосочетания с жаргоном,

который тоже служит для сохранения традиции и маркировки члена какого-либо сообщества. Таким можно считать использование традиционной демократической лексики в речах современных властей – *курс реформ, демократические преобразования, возрождение России*, которые таким образом демонстрируют властную преемственность.

Такое использование лексики было очень характерно для языка советской политической публицистики, где штампами становились слова и словосочетания, в определенный период возникшие для отражения реальности – а в дальнейшем демонстрирующие преемственность и скрывающие исчезновение этой реальности – битва за урожай, встретить решения с большим подъемом и т.п.

Обратим особое внимание на «отрицательно-манифестативную лексику» – слова, которые представители определенной политической группы никогда не будут употреблять всерьез. Невозможно представить демократов, обращающихся к выражениям *закулисное мировое правительство, всемирное братство народов, эксплуатация человека человеком*. Надо сказать, что такой отказ от определенной лексики имеет психолингвистические обоснования, потому что в противном случае говорящие стали бы «говорить на языке врага», перенимать его картину мира. Такие явления случаются, наблюдались они и в постсоветской истории России. Иногда это было проявлением идеологических изменений, а иногда действительно ошибочным приемом.

Б) Семантическая нагруженность лексико-фразеологических единиц. Различия в языке политических направлений, связанные с их мировоззренческими установками, проявляются и в вариации семантического направления лексики – преимущественно абстрактной и так называемой общественно-политической (*свобода, патриотизм, демократия*), но иногда и с более конкретным значением: *хозяйственник, богатый, льготы*.

В число таких единиц иногда попадают слова, казалось бы, из другой сферы, которые определенной политической группой – и только ей! – используются для выражения общественно-политических идей. Так можно расценить слово *вменяемый* в сочетании *вменяемый политик*. Такое употребление характерно для либералов круга СПС. Оно возникло во время становления этих сил из числа «неформалов» в 1989-91 годах, когда представители руководства разных уровней, идущие на сотрудниче-

ство с этими силами, признавались «вменяемыми», т.е. психически нормальными, а остальные не признавались.

Различия в семантическом наполнении затрагивают не только сигнификативный компонент, – как в приведенном выше примере, когда можно говорить о появлении нового значения слова. Очень часто различаются коннотативные аспекты – оценка, ассоциации, эмоциональные оттенки. Причем оценка того или иного слова может у одних групп быть прямо противоположной той, что дают другие. Это относится к названиям политических сил и явлений (*коммунизм, большевик, националист*), но также и к другим словам: *электорат* (положительная у либерально ориентированных, отрицательная у «патриотов»), *исконный* (приблизительно обратное соотношение) и т.п. Правда, немало политической лексики имеет более или менее единую оценку у всех носителей русского языка, тогда политические различия проявляются в отнесении ее к денотату. Наиболее выразительный пример здесь слово *фашизм*.

В) Стилистические характеристики речи. Практически любые политические силы используют тексты, относящиеся к разным функциональным стилям. Однако здесь наблюдаются определенные предпочтения, вызванные особенностями адресата, с одной стороны, и позиционированием автора (политика) с другой. Стал притчей во языцех нарочито книжный, преимущественно научный язык либералов «первой волны» («завлабов»). С другой стороны, язык текстов ЛДПР, речей Жириновского близок к разговорному и лексикой, и простотой синтаксических конструкций.

Можно отметить и различия в степени эмоциональности фраз (соотношения повествовательных и восклицательных предложений). В этом случае различия типов речи связаны с традициями, на которые ориентируются политики. Для либерального «западного» дискурса более характерны рассудительные, взвешенные фразы, для отечественной традиции – более темпераментные.

Имеется еще несколько характеристик, которые связаны с мировоззрением, позиционированием политической силы в мировой традиции, оценкой уровня адресата, например, использование прецедентных текстов и имен, процент «гибкой», не соотносимой с конкретным денотатом лексики и ряд других. Мы будем прибегать к ним по мере необходимости, равно как и к семиотическим особенностям текста.

2. Типы политического дискурса современной России и их характеристика

Не будем углубляться в данную тему, представляющую собой содержание, по меньшей мере, научного направления. Остановимся на более или менее общепризнанных положениях. В современной России [Борисова 1998] выделяют либеральный (демократический, западный) тип, «патриотический» (национально-клерикальный), левый (коммунистический, социальный), а также «язык власти». Либеральный дискурс связан с праволиберальными силами (демократы) и во многом стремится к копированию западных традиций с их претензией на сдержанность и объективность. Он ориентируется на современно образованного человека, изобилует заимствованиями, особенно в политологических и экономических сферах. Текст может быть довольно сложен с точки зрения синтаксиса, почти всегда высоко книжный, содержащий выводы и умозаключения, нередко иронию. Исключение, и весьма разительное, составляет политическая реклама, часто нарочито упрощенная («Хочешь жить как в Европе? Голосуй за СПС»), что связано с очевидным делением адресатов на «своих» и «быдло».

«Патриоты» представлены немногочисленными партиями («Народная воля», «За Русь святую!» и др., в последнее время «раскручиваемая» «Родина»), но их влияние высоко в интеллектуальных сферах. Их язык отличается книжностью, но западные заимствования достаточно редки, а преобладают греческие – церковные и философские термины. Тексты – и устные, и письменные – могут быть весьма экспрессивными, точнее страстными.

По заявляемым идеологемам к этим силам принадлежат ЛДПР и до какой-то степени КПРФ. Однако язык текстов и устных выступлений ЛДПР заметно упрощен, словарный запас приближается к бытовому. Что касается КПРФ, то формально она относится к левой части политического спектра, хотя в ее текстах, даже в произведениях одного человека – лидера партии Г.А.Зюганова – найти можно все. Эти два случая выпадения из традиционного деления объясняются по-разному. Если тексты ЛДПР носят преимущественно популистский характер, т.е. направлены на «овладение электоратом» и потому преднамеренно упрощены, то КПРФ действительно отражает сдвиги в политическом спектре, которые вызваны изменением эпохи и созданием новых граней размежевания сил и интересов.

Левый дискурс, с одной стороны, унаследовал особенности революционной литературы начала двадцатого века. Это страстность, совмещаемая с научностью (в части обращения к марксистским идеям), терминология марксизма: *классовая борьба, диктатура пролетариата, социал-предательство* и т.п. С другой стороны, в тексты большей части коммунистов обильно входят штампы советской эпохи.

Особняком стоят тексты властей – как официальные документы и речи руководства, так и документы и тексты «партии власти». В 90-ые годы дискурс власти довольно долго был праволиберальным, однако отмеченная нами выше тенденция проявлялась в речах Ю.М.Лужкова уже тогда [Алпатов 1996]. В основном, такому типу текстов свойственен официально-деловой стиль с неизменными штампами, среди которых нет идеологических стереотипов советской эпохи, однако остальные особенности сохранились с той поры. Отметить манифестативные слова, т.е. свойственные только для данного дискурса, практически не удается. Однако собственные штампы, употребления слов с особым значением имеются – *деловой, хозяйственник, прагматик*. Такой подбор лексики определяется ведущей идеологемой партии власти: «Не болтаем о политике, а делаем полезное дело».

Помимо этих основных типов дискурса имеются, как мы уже отмечали, различные промежуточные случаи. Есть свои особенности внутри левого дискурса, например, отличия в речи троцкистов, анархистов и ортодоксальных коммунистов, у «патриотов» и националистов и т.п., однако это уже частности.

3. Антиглобализм как направление в идеологии и общественном движении

Как мы уже отмечали, в наше время происходят заметные изменения в политической традиции. Философы говорят о конце эпохи Нового времени с ее традициями политических партий и гражданского общества.

Антиглобализм возник как движение в конце двадцатого века. Первые выступления различных сил, борющихся против транснациональных корпораций, эксплуатации человечества «золотым миллиардом», диктата «большой семерки» прошли в Сиэтле в 1999г. В области идеологии основой антиглобалистской концепции можно считать книгу Г.-П.Мартина и Х. Шумана, которые заявили о возникновении в мире единого рынка, глобальной инфосферы и вывели из наблюдаемых фактов заклю-

чения относительно пагубности дальнейшего развития в этом направлении.

В России антиглобализм возник приблизительно в 2001 году, причем сразу в нескольких видах. С одной стороны, о своем антиглобализме заявило несколько левацких группировок. Приблизительно тогда же попытку их объединения (преимущественно на базе троцкистских групп) предприняли представители французской антиглобалистской организации АТТАК. Дальнейшая деятельность этого направления (именуемого, в соответствии с западной традицией, «альтерглобалисты») связана с марксистской группой «Альтернативы» и Институтом проблем глобализации, созданным Михаилом Делягиным перед тем, как он был приглашен на должность советника премьер-министра М.Касьянова. С другой стороны, именно в то же время в православной среде возникла обеспокоенность относительно поэтапного введения системы электронного учета и отслеживания граждан, заключающаяся во введении личных номеров, электронных паспортов, а в перспективе – микрочипов. Движение, первоначально названное «За право жить без ИНН» (ибо именно ИНН тогда начали вводить), называло себя православным антиглобалистским. Наконец, в 2001-2002 годах в Санкт-Петербурге, а затем в Москве прошел ряд конференций и форумов, на которых деятели левых и патриотических организаций (включая КПРФ) заявили о борьбе против «глобализации по-американски», «нового мирового порядка» и т.п. Участники этих совещаний тоже назвали себя антиглобалистами, образовав ряд организаций, впоследствии связанных друг с другом в нечто вроде сети.

Имеется еще ряд молодежных организаций и групп, тоже называющих себя антиглобалистами, но они непостоянны и их язык в принципе не отличается от языка леворадикальной молодежи.

4. Язык антиглобалистских объединений и их политическая принадлежность

4.1. Язык «альтерглобалистов»

«Альтерглобалисты» представлены сайтом ИПРОГ, статьями в журнале «Альтернативы» и в ряде материалов конференций. В целом мы находим в них основные признаки левого дискурса в лексике. Здесь достаточно часто встречаются слова *капиталистический*, *капитал* – в значении «правящая сила общества», *общество потребления* и другие. Собственно, слова

левое движение тоже является признаком этого политического слоя. Вместе с тем, лексика, характерная для советского времени и часто встречающаяся в дискурсе КПРФ – преимущественно штампы, здесь представлена слабо. Даже выражение «бескорыстное служение идее» используется в кавычках.

Вместе с тем имеются и некоторые признаки либерального дискурса, в частности, такая лексика, как плюрализм, тоталитарный, толерантный. Вообще заимствованных из английского языка слов немало: *манипулирующий, деструктивный, локальный, мобильный* (о людях).

Практически во всех текстах мы встречаем книжную речь. Синтаксис достаточно часто отличается сложностью: адресат – грамотный человек.

В целом схожую картину мы видим в той части левого дискурса, которая связывает с себя с западными «новыми левыми», кем, собственно, в основном и являются альтерглобалисты. Мы видим сочетание марксистской терминологии с западными традициями политической речи.

4.2. Православные антиглобалисты

В этой группе оказались не просто люди верующие, а очень истовые радетели православия, что находит отражение и в их обиходной речи: обращение *братья и сестры* (не сёстры!), *спаси Господи* вместо *спасибо, во славу Божью, С Богом* и т.п. Письменные тексты тоже изобилуют церковнославянизмами, церковной терминологией, цитатами из Библии, житийной литературы: Вместе с тем, рассматриваемая тема – использование микроэлектронных технологий для сбора информации о человеке, а также вопросы воздействия на сознание – требует использования большого количества современных научных терминов, языка компьютерной науки. И это действительно находится в указанных трудах: «Современные люди без всякого смущения совести добровольно заменяют безценные (так!) титлы чад Божиих на унизительные **цифровые** клички рабов антихристов «нового мирового порядка». Но где записываются **цифровые** антиимена послушников сатаны? Ответ однозначен – в **компьютерной Книге мертвых**, которую ныне составляют предтечи антихриста. Сюда относятся различные **электронные реестры, регистры и базы персональных данных от регионального до всемирного масштаба**, в которых антиимя человека станет **уникальным ключом доступа к его досье**» (Филимонов 2005). В данном тексте нами подчеркнуты слова церковной традиции и

выделены шрифтом научные компьютерные термины. Сохранено написание прилагательного «безценный», которое вызвано нежеланием использовать приставку «бес-», совпадающую по написанию с именем «врага рода человеческого».

Как правило, такие тексты весьма эмоциональны, написаны темпераментно, в соответствии с русской аргументативной традицией.

4.3. Язык Антиглобалистского сопротивления. Особый интерес представляет язык, который отражен в публикациях организации (или ассоциации), именующей себя «антиглобалистским сопротивлением». Оно объединяет несколько партий и организаций на почве «сопротивления «новому мировому порядку» (Антиглобализм: новые повороты 2005). Соответственно, практически каждый текст – статья научная или публицистическая, декларация и т.п. – написан представителем какой-либо политической силы. Это могут быть коммунисты, левые радикалы (несколько молодежных организаций), патриоты-державники, умеренные националисты, наконец, те же православные. Однако в совместных выступлениях антиглобалистов текст приобретает новые особенности.

С одной стороны, в текстах антиглобалистов заметно уменьшается количество манифестативной лексики, особенно такой, которая невозможна в дискурсе одного из участвующих в этой ассоциации членов. Например, в статьях православных антиглобалистов встретились только такие «православные» слова, как *приснопамятный владыка* (традиционная формула упоминания умершего церковного иерарха), а также «воцарение Антихриста» в цитате, при том, что даже название организации, которую представляли докладчики, включает «церковные» слова «За Русь святую». В статьях представителей леворадикальных организаций встречаются только такие штампы, как *антинародный режим* и *разрушители страны*, которые невозможны у либералов, (и, видимо, у партии власти), однако допустимы для патриотов.

Отсутствие «противоборствующей лексики» можно объяснить желанием найти общий язык с союзниками. Другие характеристики дискурса тоже являются более или менее общими для патриотов и левых: умеренная темпераментность, в основном, небольшая сложность синтаксиса.

Но помимо «усреднения», имеются и некоторые черты, которые присущи именно текстам антиглобалистов. В лексике это

слова и выражения *новый мировой порядок, транснациональный (наднациональный), мировая закулиса, манипуляция сознанием масс, растление детей, электронный концлагерь* и некоторые другие. В системе ценностей заметное место занимают независимость, сохранение традиций, собственный путь нации в истории. Хотя при этом в основном имеют в виду именно русских, но исключительность и доминирование русских, в основном, не подчеркиваются. Представленные тексты, в основном, выдержаны в публицистическом стиле, есть колебания – от разговорного до научного. То же можно сказать и о степени сложности языка с точки зрения понимания. При том, что большинство статей написано доступным языком, в них немало терминов, есть англоязычные заимствования.

Итак, можно сделать вывод, что общественно-политическая сила, называемая антиглобалистской, во многом сохраняет особенности дискурса тех организаций, которые в нее входят или с ней сотрудничают. Однако имеются явные тенденции формирования собственного языка. С одной стороны, он вобрал в себя особенности языка каждой из политических сил – те, которые не противоречат особенностям языка соратников. Это отражает этап становления сообщества, который называют «поиск общего языка». С другой стороны, возникают пока еще немногочисленные общие особенности, свойственные именно данному сообществу (хотя они не исключены и в иных, собственных текстах вошедших в сообщество организаций). Это уже следующий этап – выработка единого идеологического базиса.

Дальнейшее развитие антиглобализма в России – если такое состоится – может привести к укреплению собственного языка, его отрыву от дискурса входящих в него политических сил (аналогично тому, как оторвался язык левых от языка власти в начале девяностых). Однако такое развитие событий необязательно. Сами антиглобалисты говорят о сетевой организации сообщества. В таком случае входящие в сеть силы сохраняют достаточно большую автономность, и их языки не подвергаются нивелированию.

Для лингвиста наблюдения над языком политической силы в процессе становления представляет несомненный интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. Использование языка в целях манипуляции // Обозреватель. – 1996 – № 6.
2. Альтернативы. – 2003 – № 3.
3. Антиглобализм: новые повороты. – М. 2005.

4. Борисова Е.Г. Особенности типов политического дискурса в России // Политический дискурс в России – 2. Материалы рабочего совещания. М., 1998. с.17-18.

5. Карасик В.И. Религиозный дискурс – Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999. – с. 5-19.

6. Мартин Г-П., Шуман Х. Западная глобализация. Атака на демократию и процветание. М. 2001.

7. Паршин П.Б. К определению понятия «политическая лингвистика» // Диалог-96. Труды семинара по искусственному интеллекту. 1996.

8. Филимонов В.П. Святое православие и тайна беззакония. XXI век. М., 2005.

9. Borisova E. Opposition discourse in Russia: Political Pamphlets 1989-91 // Political Discourse in Transition in Europe 1989-91. – Amsterdam–Philadelphia. 1998. p. 111-130.

© Борисова Е.Г., 2006

**Будаев Э.В.,
Чудинов А.П.**
Екатеринбург

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: АМЕРИКАНСКИЙ, ЕВРОПЕЙСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ВАРИАНТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основе современной теории и практики когнитивного исследования политической метафоры лежит классическое исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [Lakoff, Johnson 1980] (в русском переводе [2004]). Как справедливо отмечает А.Н.Баранов, названная книга очень быстро была признана специалистами «библией когнитивного подхода к метафоре – своеобразным аналогом соснуровского «Курса общей лингвистики» в когнитивизме лингвистического извода» [Баранов 2004: 7]. Помимо общей характеристики теории концептуальной метафоры (иллюстрированной преимущественно материалами бытового общения), авторы классического труда обратились к политическому дискурсу, детально рассмотрев милитарную метафору Дж.Картера и ее следствия (entailments). Названное исследование показало также, что, казалось бы, совершенно лишенная эмоциональной оценки метафора ТРУД – ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической по-

литики государств как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой. Подобные факты служат ярким аргументом для выдвинутого Дж. Лакоффом и М. Джонсоном постулата, в соответствии с которым идеологии в значительной степени формируются на основе концептуальных метафор.

В конце прошлого века рассматриваемая теория и практика исследования концептуальных политических метафор получает широкое признание в науке [Chilton 1996; Chilton, Ilyin 1993; Chilton, Lakoff 1995; Frankowska 1994; Howe 1988; Lakoff 1991; 1996; Lakoff, Johnson 1987; Kuusisto 1998; Milliken 1996; Musolf 1995; Rohrer 1995; Santa Ana 1999; Semino, Masci 1996; Schäffner 1995; 1996; Straehle et al. 1999; Thornborrow 1993 и др.]. Вместе с тем вполне закономерно, что отдельные положения теории концептуальной метафоры со временем уточнялись и развивались (ср. теорию первичных и сложных метафор [Grady et al. 1996], когерентную модель метафоры [Spellman et al. 1993], модель концептуальной проекции [Ahrens 2002; Chung et al. 2003], коннективную теорию метафорической интерпретации [Ritchie 2003a, 2003b, 2004a, 2004b] и др.), что постоянно появлялись публикации, отражающие значительное разнообразие подходов и вариантов исследований концептуальной метафоры в политическом дискурсе.

В последние годы исследования концептуальной политической метафоры ведутся на всех континентах, соответствующие публикации появляются в столь различных государствах, как Новая Зеландия, Тунис, Корея и Уругвай. Как известно, наука не признает границ, и российский ученый по своим лингвистическим взглядам и методикам может быть ближе к американским специалистам, чем к коллегам с соседней кафедры. Вместе с тем специальные наблюдения позволяют выделить три основных субрегиональных центра исследований в сфере политической метафоры – Северную Америку, Европу (преимущественно в рамках ЕС) и постсоветское пространство. Общность исходных постулатов теории концептуальной метафоры вовсе не препятствует формированию в каждом из названных субрегионов некоторых особенностей в исследовании политических метафор. В предложенном ниже обзоре акцентированы именно различия между представителями трех названных центров.

1. Североамериканские исследования политической метафоры. Преобладающая часть исследований метафоры в американской политической лингвистике выполнены в рамках

классического варианта **теории концептуальной метафоры**. Значительную часть этих исследований составляют работы, авторы которых выясняют, какие сферы-источники актуализируются при метафорическом осмыслении той или иной понятийной сферы-мишени. Например, в монографии О. Санта Аны [Santa Ana 2002] рассматривается метафорическое представление иммиграции из Латинской Америки по материалам калифорнийской газеты The Los Angeles Times. Автор подразделяет выявленные метафорические модели (исследователь называет их метафорическими системами – *metaphoric systems*) на три группы: окказиональные (ИММИГРАЦИЯ – ЗАГРЯЗНЕНИЕ СРЕДЫ или ОГОНЬ), вторичные (ИММИГРАЦИЯ – ВТОРЖЕНИЕ, БОЛЕЗНЬ или БРЕМЯ) и доминантные (ИММИГРАЦИЯ – ОПАСНЫЕ ВОДНЫЕ ПОТОКИ, ИММИГРАНТЫ – ЖИВОТНЫЕ).

Значительная часть американских публикаций рассматриваемого направления связана с исследованием концептуальных метафор в политическом нарративе. Под политическим нарративом понимается совокупность политических текстов, тематически сконцентрированных вокруг определенного политического события (выборов, референдума и т.п.) [Чудинов 2003: 162]. Хотя сами авторы публикаций термин нарратив не используют, выбранный для классификации исследований критерий вполне применим. Как известно, количество метафор увеличивается в периоды политических кризисов, а поэтому вполне закономерно, что политический нарратив «Вторая война в Персидском заливе» вызвал повышенный интерес среди американских исследователей политической метафоры. Первое исследование было опубликовано Дж. Лакоффом [Lakoff 2003b] еще до начала военных действий. Проанализировав метафоры, актуализированные администрацией и СМИ США для оправдания второй войны в Персидском заливе, Дж. Лакофф выделил базовые метафорические (метонимические) модели, которые, дополняя друг друга, занимают центральное место в осмыслении внешней политики в американском сознании:

1. *Государство – это индивид*. Развертывание метафоры «Ирак – это Саддам Хуссейн» в американских СМИ позволяет представлять войну в Ираке, как войну против одного человека, и оттеняет тот факт, что тысячи бомб, которые будут сброшены на Ирак (исследование опубликовано в преддверии войны), будут сброшены не на одного человека. Согласно американским СМИ государства-взрослые, т.е. экономически развитые госу-

дарства, имеют полное право учить и дисциплинировать государства-детей, тем более, если ребенок становится *вооруженным подростком-хулиганом*.

2. *Модель Рациональной Личности*. Рациональная личность (государство) всегда стремится приумножить доходы и минимизировать расходы. В американской прессе война в Ираке представлялась, как торговая сделка, в которой доходы превышают расходы (чужие расходы, т.е. жизни иракцев, в расчет не принимаются).

3. *Сказка о справедливой войне*. По Дж. Лакоффу, метафорическая сказка о войне, в которой всегда есть Герой, Жертва, Злодей и Злодеяние, реализуется в двух вариантах. «История о спасении» была реализована при осмыслении первой войны в Персидском заливе (Ирак – Злодей, Кувейт – Жертва, Злодеяние – изнасилование, Спаситель - США). Для оправдания второй войны американская администрация и СМИ актуализировали «Историю о самозащите», в которой Жертва и Герой совпали (США).

Дж. Льюл [Lule 2004] на материале дискурса новостей NBC рассмотрел базовые метафоры, актуализированные для осмысления отношений Ирака и США в преддверии второй войны в Персидском заливе. Метафоры «Ирак – это Вьетнам Буша» и «вьетнамское болото» в американских политических дебатах проанализированы Дж. Гуднайтом [Goodnight 2004].

Детальный анализ «метафорической войны» по косовской проблеме в американском политическом дискурсе представлен в работе Р. Пэриса [Paris 2001]. Как показывает автор, в выступлениях администрации Б. Клинтона и дебатах членов Конгресса доминировали четыре группы исторических метафор: «Вьетнам», «Холокост», «Мюнхен» и «балканская пороховая бочка». Р. Пэрис выделяет два уровня метафорического противостояния политических мнений. Участники дебатов спорили не только об уместности исторических метафор применительно к ситуации в Косово (первый уровень), но и об оценочных смыслах используемых метафор (второй уровень). Например, если мюнхенское соглашение в большинстве случаев рассматривалось, как пример нежелания остановить агрессора, то на уроки вьетнамских событий ссылались как противники, так и сторонники военного вмешательства. Противники говорили о невинных жертвах и других ужасах войны, а сторонники считали, что во Вьетнаме американская армия воевала «со связанной рукой за спиной»,

поэтому не следует повторять вьетнамских ошибок в Косово.

С исследованиями метафор в нарративе войны тесно связаны публикации, посвященные метафорическому представлению событий 11 сентября 2001 г и их последствиям. Так, К. Халверсон [Halverson 2003] анализирует метафоры в политическом нарративе «Война с террором (11 сент. 2001 – янв. 2002)» и выделяет две основные метафоры, моделирующие осмысление терроризма в американском политическом дискурсе: *Антропоморфизм ценностей* и *Сказка о справедливой войне*. Анализ корреляции метафор в американском сознании и событий 11 сентября 2001 г. в сочетании с осмыслением социо-культурных причин терроризма представлен в публикации Дж. Лакоффа [Lakoff 2001b].

Отдельное направление американских исследований связано с изучением метафорического представления тех или иных политических нарративов в определенном штате. Например, в диссертации В. Харди [Hardy 2003] рассматриваются метафоры, связанные с законопроектом об ограничении образования на испанском языке и установлении английского языка в качестве единственного официального языка штата Калифорния. Используя материалы СМИ и данные психолингвистических экспериментов, В. Харди выявил, что при осмыслении иммигрантов-латиноамериканцев сторонники этого закона использовали помимо метафор войны и водных потоков концептуальную метафору АМЕРИКАНСКАЯ НАЦИЯ – ЭТО ТКАНЬ (ткань может порваться, если многие нити будут другого состава, размера и качества). Похожее исследование провел Э. Джонсон, рассмотрев метафоры противников и сторонников аналогичного закона в штате Аризона [Johnson 2005].

Многие американские исследования направлены на выявление ингерентных характеристик и типичных прагматических смыслов политических метафор определенной сферы-источника. Так, К. Мэлоун [Malone www] указывает на широкую распространенность спортивной метафоры в американской политической речи и выводит из этого факта два негативных следствия для американской демократии. Во-первых, если политика – это соревнование, рассуждает автор, то избиратели – болельщики. Регулярное использование спортивной метафоры в политической речи формирует у избирателей психологию пассивного наблюдателя, формирует 'couch-potato electorate' (домоседливый электорат, букв. «диван-картофель избиратели»),

т.е. электорат, предпочитающий «лежать на диване» и наблюдать за происходящим, вместо того, чтобы принимать активное участие в политических выборах. Во-вторых, спортивная метафора акцентирует внимание на тактике и стратегии политического соревнования, лишая избирателей «жизненно важной информации» о сущности политических программ и об интенциях политиков. Автор отмечает, что для избирателей эта информация намного важнее, чем особенности проведения предвыборного соревнования. Когда спортивная игра (выборы) подходит к концу, политики продолжают оказывать реальное влияние на повседневную жизнь американских граждан.

Метафоры со сферой-источником «Женитьба» в американском политическом дискурсе рассмотрены в учебнике по политической коммуникации Д.Ф. Хана [Hahn 2003]. С. Хайден [Hayden 2003] исследовал политическую эффективность метафор с исходной понятийной областью «Семья». Дж. Лакофф [Lakoff 2004] анализирует две модели со сферой-источником «Семья» во внутриполитическом американском дискурсе. Согласно *Модели Строгого Отца* дети рождаются плохими, потому что стремятся делать то, что им нравится, а не то, что правильно, поэтому нужен сильный и строгий отец, который может защитить семью от опасного мира и научить детей различать добро и зло. От детей требуется послушание, а единственный способ добиться этого – наказание. Модель устанавливает прямую взаимосвязь дисциплины и морали с благополучием. *Модель Воспитывающего Родителя* несет смысл гендерной нейтральности: оба родителя в равной степени ответственны за воспитание детей. Дети рождаются хорошими, а задача родителей воспитать их таким образом, чтобы они могли улучшать мир и воспитывать других. Анализируя развертывание этих моделей применительно к различным вопросам внутренней политики (налоги, образование и др.), Дж. Лакофф соотносит политическое доминирование консерваторов с использованием *Модели Строгого Отца*, а неудачи либералов связывает с особенностями актуализации *Модели Воспитывающего Родителя* [Lakoff 2004: 5-34].

Экспериментальное исследование по проверке гипотезы Дж. Лакоффа о том, что в основе «левого» и «правого» американского политического дискурса лежат две метафорические модели семьи, провел А. Ченки [Cienki 2004]. На материале текстов из предвыборных теледебатов Дж. Буша и А. Гора (2000 г.) А.

Ченки и его коллега независимо друг от друга анализировали две группы выражений: собственно метафоры и метафорические следствия (entailments), апеллирующие к моделям Строгого Отца (SF) и Воспитывающего Родителя (NP). Как показал анализ, Дж. Буш в четыре раза чаще использовал метафоры модели SF, чем А. Гор. В свою очередь А. Гор в два раза чаще апеллировал к метафорам модели NP. Проанализировав метафорические следствия, А. Ченки указывает, что Дж. Буш опять же в 3.5 раза чаще обращался к модели SF. Вместе с тем исследование показало, что частотность обращения к модели NP у обоих оппонентов была очень близкой с небольшим перевесом у А. Гора (у Дж. Буша – 221, у А. Гора 241). Также А. Ченки, проанализировав жесты оппонентов во время дебатов, пришел к выводам, что жесты Дж. Буша и А. Гора сильно различаются и соотносятся у Дж. Буша с моделью SF, а у А. Гора с моделью NP. При этом различия в апелляции к моделям семьи на паралингвистическом уровне еще более показательны, чем на вербальном. Следует, однако, отметить, что, излагая результаты, автор не приводит бесспорных критериев соотнесения жестов с концептуальными метафорами двух анализируемых моделей.

Проблеме генезиса политической метафоры посвящена публикация Д. Янова [Yanow 2005]. Автор задается вопросом, являются ли метафоры заранее заданной моделью, привлекаемой для осмысления ситуации (model of), или моделью для действия, формирующейся из самой ситуации (model for), и приходит к выводу, что функционирование метафор характеризуется интерактивным взаимодействием обеих моделей.

Особый интерес представляют межкультурные сопоставительные исследования метафор в политическом нарративе. Например, Дж. Лакофф [Lakoff 2001a] показал, что при осмыслении войны в Югославии американские СМИ (автор проводил исследование на примере газеты The New York Times) апеллировали все к той же *Сказке о справедливой войне* (Милошевич – Злодей, албанцы – Жертва, США – Герой) и модели *Государство – это индивид*, а сербы использовали совсем другие метафоры. В сознании сербского народа Косово - исконно сербская, но завоеванная мусульманами территория, на которой к тому же расположены главные сербские святыни. С. Милошевич представил вытеснение албанцев из Косово посредством метафоры *Христианского Рыцаря*, идущего в *крестовый поход* ради возвращения сербам святой земли. Метафоры С. Милошевича - еще

одна (сербская) разновидность сказки о справедливой войне [Lakoff 2001a: 32].

Как заметила Ш. Линд, «сильные мира сего с равным успехом навязывают свои метафоры и в национальной политике, и в повседневном общении» [Лакофф, Джонсон 2004: 185]. Если учитывать, что метафоры несут в себе значительный прагматический потенциал, способны изменять понятийную систему человека и влиять на поведение, то вполне понятен давний интерес исследователей к метафорам в речи политиков.

В этой группе исследований заслуживают внимания попытки найти практическое подтверждение того, как метафоры в речи политика воздействуют на массовое сознание и побуждают к принятию определенных политических решений. Так, Д. Берхо [Berho 2000] задается вопросом о причинах высокой популярности аргентинского президента Х.Д. Перона и в связи с этим сопоставляет метафорику аргентинской политической элиты, отражающую презрение высших слоев общества к основной массе населения, с метафорами идиолекта Х.Д. Перона. А. Берхо наглядно показывает, как регулярное разворачивание метафоры *Politics Is Work* (Политика – это труд) в политическом дискурсе принесло указанному политическому лидеру огромную популярность среди миллионов лишенных избирательских прав и работающих в тяжелых условиях аргентинцев, которые и привели Х.Д. Перона к власти. Показательные примеры дает анализ осознанного «риторического фрейминга» политической картины мира в речи политиков. Например, В. Бенуа [Benoit 2001] рассмотрел такую тактику на примере анализа метафор в предвыборных обращениях Б. Клинтона и Б. Доула 1996 года. Б. Доул обещал построить «мост к прошлому», в котором когда-то царили стабильность и спокойствие. Две недели спустя его оппонент пообещал избирателям помочь построить «мост в будущее». Б. Клинтон указал на преимущества своего видения перспектив развития страны и выставил свою позицию в более выгодном свете в рамках метафорического фрейма оппонента. Известно, какая из двух метафор показалась избирателям более привлекательной. Осознание того, что метафора обладает значительным аргументативным потенциалом приводит исследователей к поиску типовых метафор в дискурсе лидерства. Такое исследование провели Т. Оберлехнер и В. Майер-Шенберген [Oberlechner, Mayer-Schönberger 2002], выявившие доминантные метафоры в идиолекте британского промышленного «гuru» Дж.

Харви-Джонса.

Следующая группа публикаций отличается стремлением к уточнению и развитию традиционной методик. Так, модифицированный вариант концептуальной метафоры предложен Д. Ричи в **коннективной теории метафорической интерпретации** (Ritchie 2003a, 2003b, 2004a, 2004b). Принимая тезис о базовой опосредованности мышления телесным опытом, исследователь отмечает, что метафоры необходимо анализировать в когнитивном и коммуникативном контексте, включающем детализированную репрезентацию речевого общения и предшествующий опыт участников коммуникации [Ritchie 2003b]. Интерпретация метафор напрямую связана с фондом общих знаний и убеждений (common ground) участников коммуникации, поэтому для исследователя важно учитывать этот аспект при рассмотрении интеракции сферы-источника и сферы-мишени. Каждая метафора интерпретируется в специфичном, уникальном коммуникативном контексте и индивидуальные интерпретации могут значительно варьироваться [Ritchie 2004a, 2004b]. Более сложный характер, по мнению исследователя, носят отношения между концептуальными доменами. Например, «война» – это не обязательно первичный концепт при осмыслении спора. Существует сложный спектр интерпретаций спора (от простых дискуссий через соперничество до тотальной войны). Рассматривая такие метафоры как "defend," "position," "maneuver," or "strategy" невозможно априори определить, относится ли подразумеваемое к войне, соревнованию атлетов или игре в шахматы. Подобные метафоры отображают когнитивные ответы на прототипические ситуации, а не проекцию одного концепта на другой [Ritchie 2003a].

Большой интерес теория концептуальной метафоры вызвала у исследователей **психолингвистического направления**. Основные сомнения у психолингвистов возникали по вопросу о том, сопровождается ли актуализация стертых метафор активными операциями над концептуальными доменами. К тому же эти специалисты постоянно задают вопрос, не являются ли подобные метафоры своеобразными клише, пассивно усваиваемые носителями языка? Интересный эксперимент по верификации предположения Дж. Лакоффа о «телесном разуме» и подсознательном характере базовых концептуальных метафор был проведен в Калифорнийском университете в Санта Круз Р.В. Гиббсом и Н.Л. Вилсон [Gibbs, Wilson 2002]. В ходе эксперимен-

та было установлены корреляции между моторикой испытуемых и употреблением антропоморфных метафор. При этом корреляции не варьировались в зависимости от национальности испытуемых (в эксперименте участвовали носители португальского и английского языков – бразильцы и американцы). В этой же публикации авторы рассматривают исследования, подтверждающие взаимовлияния между активацией отвечающих за моторику участков головного мозга и лингвистическими выражениями, связанными с телесным опытом взаимодействия с окружающим миром.

Значительный вклад в развитие учения о когнитивной метафоре внесла теория блендинга [Fauconnier Turner, 1994; 1998; Turner, Fauconnier 1995; 2000]. Эвристики **теории концептуальной интеграции (блендинга)** можно продемонстрировать на примере некогда популярной в Соединенных Штатах метафоры: «Если бы Клинтон был Титаником, то утонул бы айсберг» [Turner, Fauconnier 2000: 133-134]. В рассматриваемом бленде осуществляется концептуальная интеграция двух исходных ментальных пространств, в котором президент соотносится с кораблем, а скандал с айсбергом. Бленд заимствует фреймовую структуру как из фрейма «Титаник» (присутствует путешествие на корабле, имеющем пункт назначения, и столкновение с чем-то огромным в воде), так и каузальную и событийную структуру из известного сценария «Клинтон» (Клинтон *уцелел*, а не *потерпел крушение*). В рассматриваемом примере общее пространство включает один объект, вовлеченный в деятельность и побуждаемый к ней определенной целью, который сталкивается с другим объектом, представляющим огромную опасность для деятельности первого объекта. Очевидно, что в общем пространстве результат этого столкновения не предопределен. Междоменная проекция носит метафорический характер, однако смешанное пространство обладает каузально-событийной структурой, не выводимой из фрейма источника. Если метафорические инференции выводить только из ментального пространства-источника, то Клинтон должен потерять президентский пост. Показательно, что полученные инференции не выводятся и из пространства-цели. В бленде появляется новая структура: Титаник все-таки не потопляем, а айсберг может утонуть. Эта «невозможная» структура не доступна из исходных пространств, она конструируется в бленде и приносит совершенно новые, но понятные инференции. Отметим, что исследо-

ватели блендинга анализируют единичные примеры (в основном свежие метафоры) и корпусных исследований политической метафоры в рамках этой теории не проводилось. Очевидно, это связано с большой практической сложностью корпусного описания концептуальных интеграционных сетей (уникальных для каждого конкретного случая) и отсутствием соответствующей методики.

Важно подчеркнуть стремление многих исследователей рассмотреть роль метафоры в развитии социальных процессов. С этой точки зрения особого внимания заслуживают работы американского ученого Р.Д. Андерсона, посвященные роли метафоры в процессах демократизации общества. В публикации "The Discursive Origins of Russian Democratic Politics" [Anderson 2001] автор излагает **дискурсивную теорию демократизации**, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях (под дискурсом автор понимает совокупность процедур по созданию и интерпретации текстов, под текстом – единичное коммуникативное событие), а не в изменении социальных или экономических условий. По Р.Д. Андерсону, при смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе. Всякий текст (демократический или авторитарный) обладает информативным и «соотносительным» значением. Когда люди воспринимают тексты политической элиты, они не только узнают о том, что политики хотят им сообщить о мире, но и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отдаляется от народа).

Для подтверждения своей теории Р.Д. Андерсон обращается к анализу советско-российских политических метафор [Anderson 2002a; 2002b]. Материалом для анализа послужили тексты политических выступлений членов Политбюро 1966-1985 гг. (авторитарный период), выступления членов Политбюро в год первых общенародных выборов (1989 г.) (переходный период) и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической

ориентации периода 1991-1993 гг. (демократический период). Исследовав частотность двух групп метафор (метафор размера и метафор личного превосходства и субординации), Р.Д. Андерсон приходит к выводу, что частотность этих метафор уменьшается по мере того, как население начинает самостоятельно выбирать представителей власти. Специальный анализ показал, что на смену «вертикальным» метафорам приходят метафоры «горизонтальные»: *диалог* (в авторитарный период метафора использовалась только по отношению к международной политике), *спектр*, цветовые метафоры (*коричневые, белые* и др.), ориентационные метафоры (*сторонники, противники, левые, правые*) и др. Гигантомания и патернализм метафор, характерные для дискурса авторитарного периода в СССР, присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще. Автор приходит к выводу, что пространственные метафоры субординации представляют собой универсальный индикатор недемократичности общества.

Р.Д. Андерсон [Anderson 2002a] проводит важный для своего главного теоретического вывода историко-политологический анализ, показывая, что процессы демократизации общества наблюдаются как в странах, испытывающих большие экономические трудности, так и в экономически высокоразвитых странах. Особенно подчеркивается, что смена политических метафор предшествует процессу демократизации, из чего делается вывод о том, что метафоры обладают каузальной силой. Чтобы опровергнуть это положение, отмечает автор, необходимо продемонстрировать общество, в котором процессу демократизации не предшествовали бы изменения в системе политических метафор или найти третий фактор, всегда предвосхищающий изменение системы метафор и процесс демократизации, чего никому пока не удалось сделать. Поскольку Р.Д. Андерсон отводит метафоре роль фактора, оказывающего большое влияние на общественные процессы, его теория вполне согласуется со взглядами на прагматический потенциал концептуальной метафоры в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, хотя исследователь эксплицитно не апеллирует к процедурам обработки знаний.

Рассмотренные публикации показывают, что значительная часть американских исследователей предпочитает использовать классическую методику исследования концептуальной метафоры. Вместе с тем для американских специалистов характерно

стремление к развитию названной теории с использованием идей когнитивной психологии, психолингвистики, социолингвистики и теории блендинга.

2. Европейские исследования политической метафоры.

В европейской лингвистике рассматриваемого периода, просматривается две тенденции: уточнение и пересмотр отдельных постулатов теории концептуальной метафоры и синтез методов когнитивной лингвистики и дискурс-анализа.

Первая тенденция ярко проявляется в ряде работ А. Мусолффа [Musolff 2000b, 2004a, 2004b] который отмечает, что необходимо пересмотреть тот взгляд на концептуальную метафору, при котором структура сферы-источника жестко детерминирует постижение сущностей сферы-мишени и предлагает дополнить теорию концептуальной метафоры понятием концептуальной «эволюции» (conceptual evolution) метафор. Тот факт, что в политическом дискурсе реализуются различные или совершенно противоположные по оценочному смыслу сценарии одной и той же метафорической модели, указывает на необходимость учитывать два взаимодополняющих фактора: экспериенциальную основу (традицию) и «концептуальную гибкость». Другими словами, метафора функционирует в политическом дискурсе, подобно тому, как живой организм, обладающий свойствами наследственности и изменчивости, взаимодействует с окружающей средой, т.е. «эволюционирует» и «выживает» наряду с другими метафорами. По существу, подчеркивается необходимость учета дискурсивных факторов, оказывающих значительное влияние на функционирование концептуальной политической метафоры.

Отдельное внимание исследователей привлекает осмысление и уточнение постулатов теории «телесного разума». Й. Цинкен [Zinken 2002; 2003], отмечая значимость сенсомоторного опыта человека для метафорического осмысления действительности, подчеркивает, что при анализе метафор в политическом дискурсе важно учитывать культурный, исторический опыт. Выделив в отдельную группу интертекстуальные метафоры (intertextual metaphors), исследователь показал их идеологическую значимость для осмысления политических событий в польском газетном дискурсе. Например, противники вступления Польши в Евросоюз использовали для концептуализации будущего своей страны интертекстуальную метафору *Освенцим* [Zinken 2002: 143], коммунистов в Польше в 1989 г. часто мета-

форически представляли *завоевателями-крестоносцами* [Zinken 2002: 221-223] и т.п. Такой подход перекликается с идеей финского лингвиста И. Хеллстен о необходимости различать *общие структурные метафоры* (general structural metaphors) и *исторические метафоры* (historical metaphors), при порождении которых исторические имена и события проецируются на современные политические ситуации [Hellsten 1997]. Похожую позицию занимает В. Моттьер, указывая на ограниченность исследования политической метафоры в рамках когнитивного подхода без апелляции к историко-культурному и социально-политическому контексту [Mottier 2005].

Подвергается пересмотру тезис об однонаправленности метафорической проекции. Так, группа исследователей из Бирмингемского университета указывает на то, что при анализе междоменных корреляций (inter-domain influences) в концептуальной метафоре следует учитывать обратное влияние (reverse influence) сферы-цели на сферу-источник, которое наиболее очевидно проявляется в вопросах и командах [Barnden et al. 2004].

Подход к концептуальной метафоре в *Люблинской этнолингвистической школе* проанализирован в работе Й. Цинкена [Zinken 2004b]. Автор обсуждает возможность разработки лингвокогнитивной теории метафоры, объединяющей антропологический и когнитивный ракурсы в изучении языка, и указывает на необходимость учета социокультурных условий функционирования языка и когниции, что означает включение в поле интересов исследователя реконструкции языковых картин мира, анализа социальных (национальных, профессиональных, гендерных и др.) стереотипов, количественного анализа, широкого культурного контекста. Й. Цинкен демонстрирует эвристики отдельных идей этого подхода на примере исследования корпуса текстов, отражающих метафорическое осмысление комплексных изменений в немецком публичном дискурсе конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века. Исследуя частотность метафорических моделей, автор разделяет их на две группы: основные и образные. К основным относятся модели (сигнификативные дескрипторы) Персонификации, Пространства и Объекта, которые становятся основой для развертывания остальных моделей. Например, метафора войны имплицитно подразумевает наличие поля боя (Пространство), воинов (Персонификация) и оружия (Объект). Остальные модели (сигнификативные дескрипторы)

немецкого дискурса, располагаются по мере убывания частотности следующим образом: ДВИЖЕНИЕ (период конца 80-х – начала 90-х годов получил в Германии название *Wende-Periode* – *Поворотный период*), ВОЙНА, АРХИТЕКТУРА, ДОРОГА. Далее следуют ОРГАНИЗМ и МИР РАСТЕНИЙ. Замыкают список ФАУНА, ПОГОДА, СПОРТ, МЕХАНИЗМ и др. Исходя из подобных результатов, исследователь пытается установить корреляцию между частотностью моделей и доминантной перспективой (*perspective*) (подходом к описанию ситуации). Модели по убыванию частотности объединяются в следующие кластеры:

ДВИЖЕНИЕ, ВОЙНА, АРХИТЕКТУРА, ДОРОГА – активная перспектива;

ОРГАНИЗМ, МИР РАСТЕНИЙ – естественная перспектива;

ФАУНА, РЕКА, ПОГОДА, ВОДОЕМ, РОДСТВО – перспектива недостаточного контроля [Zinken 2004b: 115-127].

И. Цинкен указывает на необходимость дифференцировать метафорический и мифологический типы осмысления действительности. То, что считается метафорой в современной картине мира, для традиционного, мифологического «типа рациональности» метафорой не является [Zinken 2004b: 131-133].

В европейской политической лингвистике синтез методов концептуальных исследований и дискурс-анализа представлен несколькими направлениями. Так, П. Друлак [Drulak 2004] предпринял попытку синтезировать эвристики концептуального исследования с методами **дискурсивного анализа социальных структур** по А. Вендту. Базовая идея подхода состоит в том, что дискурсивные структуры (в том числе и метафорические) являются отражением структур социальных. Исследователь проанализировал метафоры, которые использовали лидеры 28 европейских стран в дебатах о составе и структуре Европейского Союза (период 2000-2003 гг.). Выделив концептуальные метафоры «самого абстрактного уровня» (КОНТЕЙНЕР, РАВНОВЕСИЕ КОНТЕЙНЕРОВ и др.), П. Друлак выявил, что лидеры стран ЕС предпочитают метафору КОНТЕЙНЕРА, а лидеры стран-кандидатов на вступление в ЕС – метафору РАВНОВЕСИЯ КОНТЕЙНЕРОВ. Другими словами, лидеры стран ЕС предпочитают наделять надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств. В другой публикации П. Друлак (Drulak 2005b) на основе синтеза индуктивного и дедуктивного, количественного и качественного

методов анализа политических метафор предлагает детальную характеристику методики **герменевтического анализа метафорических моделей** в дискурсе международных отношений.

Во многих публикациях методика концептуального анализа метафор в политическом дискурсе дополняется методами **критического дискурс-анализа** и сочетается с гуманистическим осмыслением анализируемых событий. Так, в январе 1998 года резко увеличилось количество курдов-иммигрантов, ищущих убежища в Европе. Исследуя осмысление этих событий в австрийских газетах, Е. Рефайе [Refaie 2001] выявляет, что доминантные метафоры изображают людей, ищущих убежища, как нахлынувшую водную стихию, как преступников, как армию вторжения. Регулярная апелляция к этим образам во всех исследованных газетах представляется показателем того, что «метафоры, которыми мы дискриминируем» [Refaie 2001: 352], стали восприниматься как естественный способ описания ситуации.

Ирландские лингвисты Х. Келли-Холмс и В. О'Реган [Kelly-Holmes, O'Regan 2004], называя методологической основой своего исследования критический дискурс-анализ, рассматривают концептуальные метафоры в немецкой прессе как способ делегитимизации ирландских референдумов 2000 и 2001 гг. Как известно, в 2000 году в Ницце было достигнуто соглашение об институциональных изменениях, необходимых для принятия новых стран в ЕС. Ирландия – единственная страна ЕС, конституцию которой нужно было внести поправки, чтобы ратифицировать этот договор. Ирландское правительство считало вопрос решенным, однако ирландский народ проголосовал против изменения конституции на первом референдуме, что не замедлило отразиться в немецкой прессе. Недовольство тем фактом, что 3 миллиона ирландцев должны решать судьбу 75 млн. новых членов ЕС, отображалось в немецкой прессе с помощью метафор дома и родства (*ирландцы хотят закрыть дверь перед двоюродными братьями и оставить их на пороге*), криминальных метафор (*ирландцы требуют выкуп за 12 стран*) и др. При рассмотрении подобных фактов следует учитывать, что до проведения референдума ирландско-немецкие отношения носили позитивный характер и даже метафорически представлялись как любовные отношения. Накануне второго референдума, который закончился положительным голосованием, в немецкой прессе активизировались негативные смыслы метафор из са-

мых разнообразных сфер-источников: СЕМЬЯ (Германия/ЕС – *терпеливый родитель*, Ирландия - *непредсказуемый подросток, испорченный ребенок*); ШКОЛА (*ученика нужно наказать, Брюссель ставит Ирландии плохие отметки*); ДОМ (*Ирландия хочет разрушить дом*); БОЛЕЗНЬ (*Ирландия больна датской болезнью и может заразить Австрию* (датчане проголосовали против Маастрихтского договора в 1992 г.), ВОЙНА (*война за положительное голосование*) и др. Как показали исследователи, метафорическая концептуализация событий накладывается на более общий уровень категоризации (оппозиционирования): МЫ (немцы) – честные, щедрые, альтруистичные, высокоморальные, тогда как ОНИ (ирландцы) – жадные, заблуждающиеся, неблагодарные, аморальные. В этом контексте постоянно противопоставлялись «хорошая старая Ирландия» и «плохая новая Ирландия».

Важное место в европейской политической лингвистике занимает **комбинаторная теория кризисной коммуникации** (CCC-theory) К. де Ландсхеер и ее единомышленников. Исследователи указывают на возможность и необходимость объединения субституционального, интеракционистского и синтаксического подходов к анализу политической метафоры, которые не исключают друг друга, а только отражают различные перспективы рассмотрения одного феномена и имеют свои сильные и слабые стороны [Beer, De Landsheer 2004]. Некогда К. де Ландсхеер доказала на примере анализа голландского политического дискурса, что между частотностью метафор, с одной стороны, и политическими и экономическими кризисами, с другой, существуют корреляции [De Landsheer 1992]. В очередном исследовании К. де Ландсхеер и Д. Вертессен [Vertessen, De Landsheer 2005], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса (включающего такие критерии как частотность, прагматический потенциал сферы-источника и др.) увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе. В этом же исследовании авторы задаются вопросом, отличается ли использование политического метафор на телевидении (коммерческом и общественном) и в прессе (бульварной (tabloid) и серьезной (quality)).

Как показал анализ, метафорические индексы печатной прессы в несколько раз выше аналогичных показателей для телевидения, даже если сравнивать индексы газет в период между выборами с индексами телевидения в предвыборный период.

Вопросу о влиянии метафоры на процесс принятия решений в голландском политическом дискурсе посвящена интересная публикация М.Д. ван Хулста [Hulst 2005].

Теория **дискурсивного понимания метафоры** (*the discursive notion of metaphor*) разрабатывается рядом немецких лингвистов (Й. Вальтер, Й. Хелмиг, Р. Хюльссе). По мнению исследователей, метафора не столько когнитивный феномен, сколько феномен социальный. В первую очередь метафора рассматривается не как средство аргументации, а как отражение общих для определенной группы людей имплицитных категориальных структур, оказывающих значительное влияние на «конструирование социальной реальности» [Hülse 2003a, 2003b]. Так, Р. Хюльссе, проанализировав метафоры ДВИЖЕНИЕ и КОНТЕЙНЕР в дебатах о возможном вступлении Турции в ЕС в немецкой прессе, пришел к выводу, что немцы «помещают» Турцию в «между-пространство» (*in-between-space*), не считая ее ни европейским, ни азиатским государством [Hülse 2000]. Вместе с тем, согласно названной теории, сам дискурс порождает метафоры, а метафоры рассматриваются как «агенты дискурса» (другими словами, индивидуально-когнитивным особенностям участников политической коммуникации отводится малозначительная роль) [Walter, Helmig 2005].

Еще одно направление представлено исследованиями в русле постмодернистской **теории дискурса Э. Лаклау**. Теория постулирует всеобщую метафоричность всякой сигнификации, а анализ политического дискурса считается наиболее подходящим способом выявления этой онтологической метафоричности. Все «пустые означающие» (*empty signifiers*) политического дискурса конститутивно метафоричны, причем метафоричность проявляется в различной степени (соответственно невозможно говорить и о «чистой буквальности») [Laclau 1996]. При таком подходе стирается граница между метафоричностью и «буквальностью» (метафорическим может считаться, например, лозунг «We can do it ourselves» – «Мы можем сами собой управлять»), а при анализе дискурса можно говорить только о степени метафоричности «пустых означающих» [Hansen 2005]. При более широком рассмотрении этот подход включается в на-

правление *постмарксистской теории дискурса* [Howarth 2005].

По мнению В. Моттьер, адекватный анализ проблемы взаимодействия метафоры и властных отношений необходимо основывать на синтезе *герменевтического подхода* с эвристиками *дискурсивного анализа М. Фуко*, что позволит преодолеть крайности слишком широкого деконструктивизма и слишком узкого когнитивизма [Mottier 2005].

Неудивительно, что на фоне расширения ЕС вопросы межкультурного взаимодействия вышли на первый план и внимание многих европейских лингвистов сосредоточилось на *сопоставительном анализе политических метафор* в национальных европейских дискурсах. Например, Е. Семино [Semino 2002] исследовала метафорическую репрезентацию евро в итальянской и британской прессе и показала, как метафоры в дискурсе этих двух стран отображают противоположные оценочные смыслы (евро – *здоровый ребенок* и евро – *поезд, сошедший с рельс*). В работе финского исследователя М. Луома-ахо [Luoma-aho 2004] на основе анализа западноевропейского дискурса коллективной безопасности показано, что дебаты на Межправительственной конференции 1990-1991 гг. представляли собой конфликт метафор «атлантистов» (сторонников США и членов НАТО) и «европеистов» (сторонников европейской самодостаточности). Если США и страны-члены НАТО видели в Западно-европейском Союзе *опору* атлантического альянса, то «европеисты» – *защищающую руку*. Органистические метафоры сторонников самодостаточности вступали в противоречие с архитектурными метафорами «атлантистов» и представляли европейское сообщество как независимый от НАТО политический субъект.

Р. Водак и ее коллеги провели комплексное сопоставительное исследование европейского политического дискурса на материале 15 консервативных и либеральных газет 8 европейских стран. Исследователи анализировали представление Брюссельской межправительственной конференции 2003 г., которая была посвящена проекту европейской конституции. По общему мнению, конференция закончилась неудачно, но в каждой стране было свое видение того, какие субъекты политической деятельности несут ответственность за эту неудачу. Как показали исследователи, метафоричность прессы значительно варьировалась от страны к стране. Например, в австрийских газетах ме-

тафоры были очень редки, в то время как испанские журналисты активно использовали образные средства для описания и анализа тех же событий [Oberhuber et al. 2005].

А. Мусолфф [Musolff 2000] прослеживает «эволюцию» метафоры «ЕВРОПА – ЭТО ДОМ / СТРОЕНИЕ» за последнее десятилетие 20 века на материале английских и немецких газет. Вслед за рядом исследователей [Bachem, Battke 1991; Chilton, Ilyin 1993; Chilton, Lakoff 1995] автор моделирует два различных концепта: российский концепт «дом» (многоквартирный дом) и западноевропейский вариант (частный дом, обнесенный забором). При переводе метафоры Горбачева европейцы актуализировали другой прототип, что и объясняет, по мнению автора, популярность этой метафоры в европейском дискурсе. Автор выделяет два периода в развитии метафоры дома. 1989-1997 гг. - это оптимистический период, когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент, возводились столбы* и др. По мере роста противоречий в 1997-2001 гг. начинают доминировать скептические (*реконструкция, хаос на строительной площадке*) или пессимистические (*горящее здание без пожарного выхода*) метафоры. Оптимистический период характеризуется значительным сходством британских и немецких метафор. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были менее склонны к актуализации негативных сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (немцы – *оккупанты евродома* или *рабочие, считающие себя архитекторами*).

В других публикациях А. Мусолфф [Musolff 2001a, 2001b] сопоставляет метафоры со сферой-источником ДОРОГА / ДВИЖЕНИЕ / СКОРОСТЬ в британской и немецкой прессе, освещающей политические процессы в Европейском Союзе. Анализ материала обнаружил различия в эксплуатации прагматических смыслов метафор немцами и британцами, которые используют потенциал сферы-источника для отображения различных взглядов на перспективы развития ЕС: британцы критикуют Германию за излишнюю поспешность, немцы метафорически порицают Великобританию за медлительность.

Исследованию концептуальной метафоры *политическое тело (body politic)* в статьях английской и немецкой прессы 1989-2001 гг. посвящена публикация А. Мусолффа [Musolff 2004a], в которой автор выявляет, что 45 % словоупотреблений

концептуальной метафоры «ЕС – это (человеческое) тело» приходятся на метафору *сердце Европы* (*heart of Europe / herz Europas*). Немцы предпочитают использовать метафору *сердце Европы* как ориентационную, что неудивительно, если учесть, что географически Германия находится в центре Европы. Британцы намного реже используют ориентационный потенциал политической метафоры *heart* и акцентируют внимание на функциональном значении сердца для человеческого организма (Евросоюза), поскольку по сравнению с Германией Великобритания относится к географической периферии Европы. А. Мусоллф, прослеживая хронологические изменения («эволюцию») в актуализации метафоры *heart of Europe* в английской прессе, показывает, что по мере усиления разногласий между Великобританией и ЕС в британской (но не в немецкой) прессе начинают доминировать метафоры болезни сердца. Подобные образы отражают скептическое отношение британцев к политике ЕС, сменившее оптимистические настроения начала 90-х годов, когда акцентировалась значимость Великобритании в европейской политике.

Детальный анализ метафор из сферы-источника «Дом / Строительство» как средства концептуализации Европы в российском и немецком газетном дискурсе 2000 г. проведен Й. Цинкеном [Zinken 2002]. Прежде всего, Й. Цинкен разделяет рассматриваемые метафоры по сферам-источникам на две группы: «Здание» и «Строительство». Проанализировав первую группу, автор показал, что в российском дискурсе очень продуктивен фрейм «Структура здания»: для россиян важно определить, стоит ли Россия на пороге европейского дома или ее впустили в прихожую, отгородились ли европейцы от России или позволяют ей обжиться в европейском доме и т.п. В немецком дискурсе метафоры этого фрейма почти не используются, однако здесь продуктивны образы *порядка в доме, договора о найме помещения*, которые отсутствуют в российском дискурсе. Этот факт Й. Цинкен объясняет, в частности, тем, что в повседневной жизни россиян договор о найме – реалья относительно редкая и малоактуальная. Продуктивность и частотность метафор второй группы (сфера-источник «Строительство») в российском дискурсе значительно уступает аналогичным показателям в немецком дискурсе. Анализ метафор позволил смоделировать дискурсивно-специфичные (*diskursspezifische*), но устойчивые и согласованные с определенной культурой стереотипы (*Abbildungstereo-*

typen). В концептуализации Европы выделяется три таких стереотипа – Европа институциональная, Европа культурная и Европа географическая. Если представление об Европе как о культурном феномене у россиян и немцев совпадает, то в отношении двух других стереотипов выявляются значительные расхождения. Для немецкого сознания «Европа – это Евросоюз и стройплощадка» (институциональный подход), а для российского сознания такое понимание феномена Европы представляется курьезной идеей. Российский стереотип «Европа – это дом, находящийся в чужой собственности» (географический подход); именно с этим стереотипом связаны попытки определить, относится ли Россия к Европе или нет, хотя географически Европа заканчивается на Урале [Zinken 2002: 179-192].

Несколько иной подход Й. Цинкен [Zinken 2002] использует для анализа метафорического представления европейской интеграции в немецком и польском газетном дискурсе 2000 г. Исследователь выделяет три общих схемы (близких образ-схемам М. Джонсона) для концептуализации интеграционного процесса. Схемы наполняются различными метафорами и в разной степени востребованы в немецком и польском дискурсах. Первая схема представляет Евросоюз как контейнер, для проникновения в который Польша должна приложить усилия. Схема наполняется метафорами пути и школы и востребована преимущественно в немецком газетном дискурсе. Вторая схема представляет Польшу как неподвижный объект, а ЕС как расширяющуюся субстанцию. Эта схема востребована противниками вступления Польши в ЕС (в немецком дискурсе открытых возражений против расширения ЕС автор не выявил). Польша метафорически представляется жертвой расширения, а будущее изображается посредством метафор рабства. Третья схема представляет Евросоюз и Польшу как два объекта, движущихся к контейнеру «Новая Европа». Эта схема реализуется в польском дискурсе, где доминируют позитивные метафоры совместного строительства евродома и создания семьи. Вместе с тем подобные образы нередко несут заметный заряд иронии. В одних случаях поляки представляются бедным родственниками, с которыми никакой добрый дядюшка не захочет делиться своими сбережениями, а в других создается образ молодого бедного кавалера (Польша), который неудачно сватается к далеко не юной, но богатой даме (Евросоюз), не желающей объединять имущество и предпочитающей свободные связи [Zinken 2002: 192-203].

Сопоставление американских и сербских метафор в политическом нарративе «Война в Югославии» проведено словенским исследователем В. Кеннеди [Kennedy 2000]. Исследователь указывает на то, что американские метафоры мало изменились со времен первой войны в Персидском заливе. Новая война по-прежнему осмыслялась в понятиях игры и бизнеса, в сказке о справедливой войне С. Хусейна заменил «злодей» С. Милошевич, албанцы выступили в роли «невинной жертвы», а США в качестве «героя». Сербская интерпретация событий оказалась прямо противоположной и совпала с мнением итальянских и греческих СМИ. Примечательно, что сербы и американцы апеллировали к историческим событиям второй мировой войны. Американские СМИ называли С. Милошевича *Адольфом Гитлером*, которого необходимо вовремя остановить, в то время как сербы использовали метафору НАТО – это *нацисты* (соответственно сербы должны выступить в качестве югославских партизан). Вместе с тем, для каждого дискурса были характерны национально специфические метафоры. Как отмечает исследователь, понимание метафор во многом определяется фоновыми знаниями адресата. Например, апелляция сербских СМИ к *битве на Косовом поле* мало о чем говорила жителям США и Западной Европы, а связанное с историей США метафорическое выражение сенатора Б. Дуула «Милошевич снова вышел на тропу войны» может по-разному восприниматься в американском обществе. Как отмечает В. Кеннеди, эта метафора содержит амбивалентные импликатуры (сильные и слабые импликатуры метафоры по К. Форсевиллю). Миф об американской кавалерии, укрощающей непослушных индейцев и привносящей порядок на дикий Запад, в 90-е гг. сильно пошатнулся в результате деятельности общественно-правовых организаций и деятелей искусства, поэтому по представлениям части американцев укрощать необходимо американскую кавалерию.

Большой интерес представляют сопоставительные исследования метафорического мировидения политических феноменов в исторически гетерогенных культурах, но, к сожалению, подобные исследования единичны. Попытку сопоставить метафоры, легитимирующие социально-политическое единство в Европе, Китае и Японии, предпринял Э. Рингмар. Если в Европе в разные исторические периоды доминировали метафоры тела, механизма и семьи, то для восточной Азии, по мнению исследователя, характерны метафоры музыки и танца. Как указывает Э.

Рингмар, базовые метафоры варьируются не только в географическом измерении, но и в хронологическом: так, до 90-х годов 19 века в Японии императора не называли отцом, но с усилением милитаристских настроений появляется необходимая для легитимации жертвенности японских солдат метафора семьи [Ringmar 2005].

Отдельного внимания заслуживают попытки исследователей выявить посредством метафорического анализа базовые ментальные представления, лежащие в основе категоризации политического мира. В рассматриваемый период подобное исследование провел Э. Сандикциоглу, который показал, что американские политические метафоры, актуализированные для осмысления первой войны в Персидском заливе, отражают базовую оппозицию «Мы-Запад» – «Они-Восток» через такие частные оппозиции как цивилизованность – варварство, сила – слабость, зрелость – незрелость, рациональность – эмоциональность, стабильность – нестабильность, сотрудничество – родство, азартная игра – базар [Sandikcioglu 2003].

Точкой отсчета для исследования политических метафор может служить сфера-источник метафорической экспансии. Например, морбиальную метафору и ее прагматический потенциал в дискурсе европейской безопасности исследовала М. Луомаахо [Luoma-aho 2002]. Дж. Гоггин рассмотрел корреляции между игровыми метафорами периода кризиса в Персидском заливе, историей карточных игр и тем фактом, что американским военным выдавали карточные колоды с изображениями С. Хуссейна и его сторонников [Goggin 2005]. Анализ метафор родства и дружбы в политическом дискурсе солидарности представлен в публикации И. Хонохана [Honohan 2005].

При более детальном рассмотрении анализу подвергаются отдельные концепты сферы-источника. Так, А. Чаглар [Çaglar 2001], исходя из анализа дебатов, посвященных вопросам об иммигрантах в современном Берлине, относит метафору *gemto* к базовым метафорам немецкой политической культуры. Метафору *slippery slope* и смежные метафоры в норвежском политическом дискурсе рассматривает Д. Стенволл [Stenvoll 2005].

В ряде публикаций А. Мусолффа [Musolf 2000a, 2000b, 2001a, 2001b, 2003, 2004a, 2004b] проводится идея о том, что одни и те же метафорические модели реализуются в политическом дискурсе для привнесения как пейоративных, так и мелиоративных смыслов. Конкретная сфера-источник – это точка от-

счета для развертывания разнообразных метафорических сценариев, для отражения оценок и интенций участников коммуникации. А. Мусолфф не отрицает частичную детерминацию осмысления событий структурой сферы-источника, но показывает, что значительное влияние на функционирование политической метафоры оказывают не только языковые и когнитивные факторы, но и экстралингвистическая среда.

При другом подходе за основу берется сфера-магнит метафорической экспансии. Например, в публикациях И. Цинкена [Zinken 2004a, 2004b] представлена широкая панорама метафорических моделей в политическом нарративе «Переходный период в Германии» (*Wende-Periode* - конец 80-х – начало 90-х гг.) на материале немецкой прессы. Метафорическому представлению второй войны в Персидском заливе посвящена публикация Дж. Андерхилла [Underhill 2003], автор которой выявляет в британской прессе 13 метафорических моделей. Шведские концептуальные метафоры в ситуации политического протеста рассмотрены Ш. Фридольфссон [Fridolfsson 2005].

Точкой отсчета для исследования может служить не концептуальная сфера, а адресант политической коммуникации. В исследовании И. ван дер Валка, которое посвящено сопоставлению речевых стратегий в франко-голландском расистском дискурсе, выявлены ведущие метафоры в идиолекте А. Ле Пена. Для негативной репрезентации иммигрантов лидер Народного Фронта использует метафоры водного потока и войны. Соответственно Франция выступает в роли жертвы, которую освободитель А. Ле Пен (сравнивающий себя с Ж. Д'Арк и У. Черчиллем, а деятельность своей партии с анти-фашистской борьбой) должен спасти. Для положительной самопрезентации Ж.. Ле Пен активно эксплуатирует мелиоративные смыслы метафоры родства [Valk 2001]. Самостоятельный интерес в этой группе представляют корпусные исследования метафор в идиолектах известных политиков, что позволяет выявить общие закономерности метафорического моделирования действительности и стандартные сценарии, актуализируемые в речи политиков для манипуляции общественным сознанием. Так, Дж. Чартерис-Блэк [Charteris-Black 2004], проанализировав риторику британских и американских политиков (У. Черчилля, М.Л. Кинга, М. Тетчер, Б. Клинтона, Т. Блэра, Дж. Буша), показал, как метафоры регулярно используются в их выступлениях для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и создания политических мифов о мон-

страх и мессиях, злодеях и героях. Особое место среди публикаций этого направления занимают экспериментальные исследования, направленные на выявление потенциала метафор к переконцептуализации политической картины мира в речи политиков. Так, скандинавские исследователи [Heradstveit, Bonham 2003], изучая влияние политической метафоры Дж. Буша «Ось зла» на иранское сознание, рассмотрел интервью с 32 представителями иранской политической элиты (в том числе оппозиционной) в 2000 и 2002 годах. В процессе исследования было обнаружено, что метафора вызвала недоумение большинства респондентов и была воспринята как «удар в спину» (Иран помогал США в войне в Афганистане), «убийство нарождающегося диалога между США и Ираном». Метафора Дж. Буша сплотила иранское общество и вместе с тем создала удобные условия для усиления ультра и консервативных сил.

Исследователи сходятся во мнении, что метафора в речи политика – значимый инструмент манипуляции общественным сознанием. Вместе с тем, как показал еще Дж. Лакофф (1991), предлагаемые политиками метафоры лишены аргументативной силы, если они не согласуются с концептуальными прототипами того или иного общества. В этом отношении показательна работа П. Друлака (Drulak 2005c), в которой автор анализирует кризис словацко-чешских отношений накануне распада Чехословакии. В конце 1991 году чешский премьер министр Петр Питхарт, пытаясь ослабить националистические разногласия, выступил по телевидению с речью, в которой он признал, что в прошлом к словакам относились не совсем справедливо, и предположил, что обе нации могли бы в будущем жить в своего рода «двойном доме». Метафора «двойного дома», не использовавшаяся до этого в чехословацком политическом дискурсе, вызвала бурные споры, а менее чем через год лидеры Чехии и Словакии пришли к решению о невозможности дальнейшего сосуществования в рамках одного государства. Следуя за П. Чилтоном и Дж. Лакоффом, исследователь отмечает, что метафора дома как контейнера с четким разграничением внутреннего и внешнего пространств доминировала в осмыслении государства на протяжении столетий. Предложенный политиком концепт должен был стать альтернативой представлениям о едином чешском доме или двух отдельных домах для каждой нации, но П. Питхарт не смог объяснить, как выглядит такой «двойной дом» (DVOJDOMEK), поэтому ни чехи, ни словаки ее просто не поня-

ли и предпочли прототипический вариант собственного дома для каждой нации. В другой публикации П. Друлак (Drulak 2005c) отмечает, что и прототипические представления о доме в разных культурах ведут к различным оценкам политической реальности. По мнению исследователя, метафора М. Горбачева «Европа – это общий дом» в разной степени высвечивала проблематичность вопроса об объединении Германии для русских, с одной стороны, и немцев и англичан, с другой. Российский прототип о многоквартирном доме в целом не противоречил тому, что Германия разделена на две части. Опираясь на свой прототип о частном, одноквартирном доме, европейцы были склонны рассматривать вопрос о единой Германии как более насущный и проблематичный.

Подводя итоги представленного сопоставления, отметим, что существуют достаточные основания для выделения американского и европейского направлений в публикациях, посвященных политической метафоре. Американские лингвисты проводят исследования в рамках классического варианта теории концептуальной метафоры и ориентированы преимущественно на укорененные в сознании метафоры и ингерентные характеристики сфер-источников; во многих американских исследованиях ощущается влияние методик когнитивной психологии, психолингвистики, социолингвистики. Европейские ученые активно развивают собственную версию когнитивной политической метафоры, дополняя традиционную теорию эвристиками европейских школ дискурс-анализа и критического анализа.

3. Российские исследования политической метафоры.

Уже на первом этапе изучения политической метафоры российскими специалистами обнаружили существенные особенности отечественного подхода к рассматриваемому феномену, важнейшей из которых стало стремление к полноте и многоаспектности описания, к детальности систематизаций, к использованию корпусных методик, предполагающих значительный объем исследуемых языковых фактов. Показательно, что уже в начале 90-х годов прошлого века А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов подготовили два весьма обширных словаря, в которых были представлены политические метафоры эпохи перестройки и первых лет президентства Б.Н. Ельцина [Баранов, Караулов 1991, 1994]. Описание комплекса метафорических моделей, характерных для последнего десятилетия прошлого века, на основе многотысячного корпуса контекстов представлено в диссертации Ю.Б.

Феденевой [1998] и монографии А.П. Чудинова [2001], система метафорических моделей начала нового века представлена в диссертации А.А. Федосеева [2004]. В публикации А.Н. Баранова политические метафоры периода августовского кризиса 1998 года рассмотрены основе корпуса в 750000 словоупотреблений [2003]. Во всех названных исследованиях проявилось стремление авторов детально представить сферы-источники и сферы-мишени метафорической экспансии, подробно охарактеризовать ведущие фреймы и слоты каждой из рассматриваемых моделей, подсчитать частотность использования ведущих моделей в российском политическом дискурсе.

В начале текущего десятилетия появилось множество публикаций, посвященных детальному описанию отдельных метафорических моделей, функционирующих в отечественной политической коммуникации [Вершинина 2002, Ряпосова 2001, Солопова 2005, Сурина 2005, Чудакова 2005, Чудинов 2001–2004, Шехтман 2004, и др.]. Другая группа российских специалистов рассматривает закономерности метафорического моделирования в зарубежных политических текстах [Желтухина 2003, Керимов 2005, Орлова 2005, Сорокина 2004]. Если ранее специалисты по политической метафоре стремились представить весь инвентарь моделей, предложить их классификацию, выявить закономерности взаимодействия, то в названных работах нередко рассматривается только одна модель, но зато делается это максимально детально. Авторы подобных работ не только дают описание рассматриваемой модели (характеристика фреймов и слотов сферы-источника и сферы-мишени, выявление концептуальных векторов и прагматических смыслов), но и анализируют закономерности реализации данной модели в конкретных текстах, нарративах и дискурсах, стремятся выявить причины активизации соответствующих метафор в определенных политических условиях, сопоставляют вербальные и визуальные компоненты метафоры в креолизованных текстах.

Характерной чертой российской политической лингвистики является стремление к сопоставлению метафорических моделей в политическом дискурсе различных государств [Бакумова 2002, Будаев 2004, Желтухина 2003, Каслова 2003, Красильникова 2005, Муране 2001, Перескокова 2004, Санцевич 2004, Скребцова 2003, Степаненко 2002, Стрельников 2005, Телешева 2004, Шаова 2005, Шмелева 2001 и др.]. Отметим, что подобные исследования весьма характерны и для многих европейских ме-

тафорологов, однако сопоставительный подход в значительно меньшей степени типичен для американцев, которые в большинстве своем интересуются только политическим дискурсом собственной страны.

Сопоставительные исследования позволяют отчетливее дифференцировать «свое» и «чужое», случайное и закономерное, общечеловеческое и свойственное лишь отдельным национальным политическим дискурсам. Материалы конкретных публикаций показывают, что в современных политических условиях действительно сложился своего рода интердискурс (термин Т.В.Шмелевой), поскольку современные политики и журналисты в различных странах Европы и Америки нередко используют очень похожие метафорические образы. Нетрудно заметить, что концептуальные метафоры с такими сферами-источниками, как «война», «театр», «спорт», «дорога», «мир животных», «мир растений», «погода», «болезнь», «механизм», «дом», активно используются едва ли не в каждом национальном политическом дискурсе.

Вместе с тем специалисты постоянно фиксируют и национальные особенности политической метафоры. Например, столь типичное для России метафорическое представление президента и его приближенных как монарха (царя) и его двор, совершенно нехарактерно для США. Это же можно сказать и о столь типичной для нашей страны криминальной метафоре, в соответствии с которой политическая элита образно представляется как своего рода преступное сообщество со своими «паханами» и «шестерками». С другой стороны, так характерная для США метафорическая модель со сферой-источником «бизнес» лишь в последние годы завоевывает определенное место в российском политическом дискурсе, а метафорический образ «справедливый полицейский» совершенно не воспринимается российским сознанием.

Важно подчеркнуть, что различия в использовании метафорических моделей чаще всего проявляются лишь на уровне отдельных слотов и концептов. Так, и в России и в Соединенных Штатах весьма распространены метафоры, образно представляющие политическую жизнь как футбольный матч, в котором каждая из команд стремится одержать победу. Однако в политическом дискурсе США источником метафор служит американский футбол, который лишь в некоторой степени напоминает игру, столь любимую в России, тогда как в нашей стране (а так-

же в других европейских странах) сферой-источником служит совсем иная игра, следствием чего может оказаться взаимное недопонимание. Показательно, что в современной российской политической коммуникации весьма продуктивны образы, входящие к концепту «коммунальная квартира», но такие метафоры понятны лишь немногим американцам, немцам или французам.

Специфика метафорического моделирования политической деятельности в значительной степени связаны с социально-культурными условиями жизни страны, идеологией и национальными традициями. Теоретическое осмысление подобных взаимосвязей в контексте общих проблем политической лингвистики представлено в публикациях В.Н. Базылева [2005], А.Н. Баранова [2003, 2003а, 2004, 2004а], И.М. Кобозевой [2001], Т.Г. Скребцовой [2003], А.П. Чудинова [2003] и других специалистов.

Сопоставление американского, российского и европейского варианта теории концептуальной метафоры позволяют обнаружить их несомненную зависимость от национальных традиций. Американцы склонны к классическому варианту теории концептуальной метафоры или к ее модификациям с использованием идей когнитивной психологии, психолингвистики, социолингвистики и теории блендинга. Европейцы традиционно опираются на собственные школы дискурс-анализа и критического анализа, идущие от философских традиций европейской мысли. Российские исследователи объединяют зарубежные идеи с традициями российской (советской) лингвистики (теория регулярной многозначности, работы по языковой (наивной) картине мира, другие современные идеи лингвокультурологии и т.п.).

Характерная черта современных российских исследований – разработка интегрального, когнитивно-дискурсивного подхода к анализу метафоры, объединяющего описание роли метафоры в категоризации и концептуализации политического мира с рассмотрением особенностей ее функционирования в реальной коммуникации. В основе этого подхода лежит тезис о невозможности четкого разграничения когнитивного и дискурсивного измерения метафоры. Соответственно только когнитивная или только дискурсивная трактовка метафоры препятствует адекватному описанию реального феномена.

В российском варианте теория концептуальной метафоры была значительно развита в **дескрипторной теории метафоры** [Баранов, Караулов 1991, 1994, Баранов 2003, 2004] и в

теории метафорического моделирования [Чудинов 2001, 2003]. По существу только в российской лингвистике разработана методика последовательного и детального описания когнитивной структуры метафорических моделей и инвентаризированы сферы онтологии, задействованные в метафорических проекциях. Показательно, что понятие метафорической модели в зарубежной лингвистике почти не используется, а во многих исследованиях вопрос о системности междоменных корреляций ограничивается ссылками на знаменитую монографию Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1980].

Отметим также, что в российских исследованиях доминирует дескриптивный подход к анализу политических метафор. Превагирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом собственной (особенно связанной с политическими убеждениями субъекта исследования) идеологической оценки, что, конечно, связано не с отсутствием гражданской позиции, а с представлениями о критериях научной объективности исследования. В зарубежной лингвистике доминируют установки критического дискурс-анализа и критического анализа языка. Даже те, кто не относят себя к этим направлениям по методологическим соображениям, близки к этим направлениям по занимаемым оценочным позициям, нередко связанным с конкретными политическими убеждениями.

Важно подчеркнуть, что национальность и место проживания ученого далеко не всегда определяют его принадлежность к тому или иному направлению в исследовании концептуальной метафоры. Например, можно обнаружить, что концепции некоторых европейских ученых ближе взглядам американских специалистов, чем к типично европейским представлениям. Показательным примером служит исследовательский проект по решению вопроса о соотношении лингвистической и концептуальной метафоры, получивший название «Pragglejaz» по первым буквам имен десяти ведущих специалистов по метафоре из США, Гонконга и стран Европы (P. Crisp, R. Gibbs, A. Cienki, G. Steen, G. Low, L. Cameron, E. Semino, J. Grady, A. Deignan, Z. Kovecses) [см. Steen 2002].

При всем различии рассмотренных выше подходов к политической метафоре (с апелляцией к процедурам обработки знаний или без нее, с использованием методов дискурс-анализа или без такового, с детальной классификацией или обращением лишь к наиболее ярким фактам) американских, европейских и

российских исследователей объединяет понимание метафоры как феномена мышления, играющего важную роль в осмыслении и преобразовании политической действительности. Представленный обзор свидетельствует, что в последнее десятилетие как в Европе, так и в Северной Америке наблюдается активное развитие теории концептуальной метафоры и ее превращение в ведущее направление когнитивного исследования политического дискурса. Подобные процессы наблюдаются и в России, но отечественная политическая метафорология – это совершенно особое направление, существенно отличающееся как от американских, так и от западноевропейских исследований, что, несомненно, связано с национальными традициями лингвистической науки и социальными условиями ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев В.Н. Политический дискурс России // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. Выпуск 15. Екатеринбург, 2005.
2. Бакумова Е.В. Взаимопонимание в политическом дискурсе и метафора // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур. Воронеж, 2004.
3. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.
4. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
5. Баранов А.Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Под ред. М.Н.Володиной. М., МГУ, 2003.
6. Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
7. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.
8. Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Сер. Литературы и языка. 2004а, Т.63, № 1.
9. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003а, № 2.
10. Будаев Э.В. О системности и среде в ракурсе теории когнитивной метафоры // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 14. Екатеринбург, 2004.

11. Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: Автореф... дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

12. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: М.-Волгоград, 2003.

13. Каслова А.А. Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Федеральные выборы» в США и России (2000 г.). Автореф... дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

14. Керимов Р.Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе. Автореф... дис. канд. филол. наук. Барнаул, 2005.

15. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 2001, № 6.

16. Красильникова Н.А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии. Автореф... дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

17. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

18. Муране С.Н. Лексика военной сферы в постсоветском политическом дискурсе // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб, 2001.

19. Орлова О.Г. Актуализация концепта «RUSSIA» («РОССИЯ») в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника «NEWSWEEK»). Автореф... дис. канд. филол. наук. Кемерово, 2005.

20. Перескокова А.Ю. Манифестация власти в метафорическом контексте СМИ // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2004, Т. 14.

21. Ряпосова А.Б. Милитарная метафора в современном агитационно-политическом дискурсе // Лингвистика. Т. 6. – Екатеринбург, 2001,

22. Санцевич Н.А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции). Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Москва, 2004.

23. Скребцова Т.Г. Наивные картины глобализации: взгляд лингвиста // *Respectus philologicus*. Vilniaus universiteto, 2003, №

4(9).

24. Солопова О.А. Метафорическое моделирование прошлого, настоящего и будущего в политическом тексте // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2005, Т. 15.

25. Сорокина М.В. Манипулятивный потенциал метафорической модели ВОЙНА В ИРАКЕ – это АМЕРИКАНСКИЙ футбол // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2004, Т. 12.

26. Степаненко А.В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков). Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2002.

27. Стрельников А.М. Метафорическая оценка пролитического лидера в дискурсе кампаний по выборам президента в США и России. Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

28. Сурина А.В. Метафорическая самооценка в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. Том 15. Екатеринбург, 2005.

29. Телешова И.В. Политическая ситуация как сфера-магнит для морбиальной метафоры в российских и американских СМИ // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 14. Екатеринбург, 2004.

30. Феденева Ю.Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века. Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.

31. Федосеев А.А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе. Автореф. дис... канд. филол. наук. Челябинск, 2004.

32. Чудакова Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000 – 2004 гг.). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

33. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003.

34. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. №№ 1, 3, 4; 2002. №№ 1, 2, 3; 2003 №№ 1, 2, 4;

2004, № 4.

35. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т., Екатеринбург, 2001.

36. Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

37. Шехтман Н.Г. Зрелищные искусства как источник метафорической экспансии в политическом дискурсе России и США // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 14. Екатеринбург, 2004.

38. Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001, Т. 7.

39. Anderson R.D., Jr. The Causal Power of Metaphor in Politics // [www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson /Metaphors Causes. htm](http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/MetaphorsCauses.htm) – 2002a.

40. Anderson R.D., Jr. The Discursive Origins of Russian Democratic Politics // Anderson R.D., Jr., Fish M.S., Hanson S.E., Roeder P.G. Postcommunism and the Theory of Democracy. Princeton: Princeton University Press, 2001 // [http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/Anderson /AFHRChapter. htm](http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/Anderson/AFHRChapter.htm) – 2001.

41. Anderson R.D., Jr. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // [http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/ faculty/anderson/Metaphor13.htm](http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/Metaphor13.htm) - 2002b.

42. Bachem R., Battke K. Strukturen und Funktionen der Metapher Unser Gemeinsames Haus Europa im aktuellen politischen Diskurs // Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik Opladen / Ed. F. Liedtke, M. Wengler, K. Boke. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1991.

43. Barnden J.A., Glasbey S.R., Lee M.G., Wallington A.M. Varieties and directions of inter-domain influence in metaphor // *Metaphor and Symbol*. 2004. Vol. 19. № 1.

44. Beer F.A., De Landsheer C. Metaphors, Politics and World Politics // *Metaphorical World Politics* / Eds. F.A. Beer, C. De Landsheer. – East Lansing: Michigan State University Press, 2004.

45. Benoit W.L. Framing through temporal metaphor: The "bridges" of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance

addresses // *Communication Studies*. 2001. Vol. 52.

46. Berhó D.L. Working Politics: Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity // *Rocky Mountain Review of Language and Literature*. 2000. Vol. 54. № 2.

47. Çağlar A.S. Constraining metaphors and the transnationalisation of spaces in Berlin // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2001. Vol. 27. № 4.

48. Cienki A. Bush's and Gore's language and gestures in 2000 US presidential debates: A test case for two models of metaphors // *Journal of Language and Politics*. 2004. Vol. 3. № 3.

49. Charteris-Black J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.

50. Chilton P.A., Ilyin M. V. Metaphor in Political Discourse: The Case of the "Common European House" // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4. № 1.

51. Chilton P., Lakoff G. Foreign policy by metaphor // *Language and Peace* / Ed. Ch. Schäffner, A.Wenden. Aldershot: Dartmouth, 1995.

52. Chilton P. *Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House*. – New York; Bern; Frankfurt/M.: Peter Lang, 1996.

53. De Landsheer K. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // *Communication and Cognition*. 1991. Vol. 24. № 3/4.

54. Drulak P. Co nam metafory mohou řici o politice? // *Mezinárodní politika*. 2005a. № 2.

55. Drulak P. Identifying and assessing metaphors: the discourse on European future // eis.bris.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Drulak.pdf – 2005b.

56. Drulak P. *Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identity. Working Paper Series. Working Paper No. 3*. // www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc – 2005c.

57. Drulak P. *Metaphors Europe Lives by: Language and Institutional Change of the European Union*. EUI Working Papers, SPS No. 2004/15. Florence: European University Institute, 2004 // www.arena.uio.no/events/documents/Paper_001.pdf - 2004.

58. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // *Cognitive Science*. 1998. Vol. 22. № 2.

59. Fauconnier G., Turner M. *Conceptual Projection and Middle Spaces* //

<http://www.cogsci.ucsd.edu/research/files/technical/9401.ps> - 1994.

60. Frankowska M. Frazeologia i metaforyka w tekstach politycznych lat 1989-1993 // *Język a kultura*, Tom 11. *Język polityki a współczesna kultura polityczna* / Pod red. J. Anusiewiczza; B. Sicińskiego – Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1994.

61. Fridolfsson C. Political Protest and Metaphor // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/w s14/fridolfsson.pdf – 2005.

62. Gibbs R.W. Jr., Wilson N.L. Bodily action and metaphorical meaning // *Style*. Vol. 36. № 3. 2002.

63. Goggin J. Metaphor and Madness: Stacking the Deck on Iraq // bad.eserver.org/reviews/2005/goggin.html – 2005.

64. Goodnight G. T. "Iraq is George Bush's Vietnam". Metaphors in Controversy: On Public Debate and Deliberative Analogy // www.usc.edu/dept/LAS/iids/docs/Iraq_and_Vietnam.doc – 2004.

65. Grady J., Taub S., Morgan S. Primitive and compound metaphors // *Conceptual structure, discourse and language* / Ed. A. Goldberg. – Stanford, CA: Center for the study of Language and Information, 1996.

66. Hahn D.F. Political Communication: Rhetoric, Government, and Citizens / 2nd ed. – New York: New York University, 2003.

67. Halverson C. M. Lifting the Dark Threat: The Impact of Metaphor in the War Against Terror // *Journal of Undergraduate Research*. 2003. Vol. 6.

68. Hansen A.D. Politics and metaphor – a discourse theoretical analyses. Paper to be presented at ECPR conference 2005, Granada. Draft version // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/w s14/Hansen.pdf - 2005.

69. Hardy V. Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics. A Thesis for the degree of Master of Arts. Washington: Georgetown University, 2003.

70. Hayden S. Family Metaphors and the Nation: Promoting a Politics of Care through the Million Mom March // *Quarterly Journal of Speech*. 2003. Vol. 89. № 3.

71. Hellsten I. Door to Europe or outpost towards Russia? Political metaphors in Finnish EU journalism // *Journalism at the crossroads: perspectives on research* / ed. J. Koivisto, E. Lauk. - Tartu: Tartu University Press, 1997.

72. Heradstveit D., Bonham G. M. Changes Iranian Images of

How the Axis of Evil Metaphor the USA. Paper No. 655. — Oslo: Norsk Utenrikspolitisk Institutt, 2003.

73. Honohan I. Metaphors of Solidarity // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Honohan.pdf – 2005.

74. Howarth D., Griggs S. Metaphor, Catachresis and Equivalence: The Rhetoric of Freedom to Fly in the Struggle over Aviation Policy in the United Kingdom. Draft paper // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Howarth.pdf – 2005.

75. Howe N. Metaphor in Contemporary American Political Discourse // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1988. Vol. 3. № 2.

76. Hulst M. J. van. The Heart of the Matter: Decision Making Caught in Metaphors // <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vanhulst.pdf> – 2005.

77. Hülse R. Looking beneath the surface – invisible othering in the German discourse about Turkey's possible EU-accession. Paper presented at the Ionian Conference, Corfu, Greece, May 19-22, 2000 // www.lse.ac.uk/collections/EPIC/documents/ICHuelsse.pdf - 2000.

78. Hülse R. Metaphern der EU-Erweiterung als Konstruktionen europäischer Identität. –Baden-Baden: Nomos, 2003a.

79. Hülse R. Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern // *Zeitschrift für internationale Beziehungen*. 2003b. Vol. 10. № 2.

80. Johnson E. Proposition 203: A Critical Metaphor Analysis // *Bilingual Research Journal*. 2005. Vol. 29. № 1.

81. Kelly-Holmes H., O'Regan V. "The spoilt children of Europe". German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland // *Journal of Language and Politics*. 2004. Vol. 3. № 1.

82. Kennedy V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo // *Metaphor and Symbol*. 2000. Vol. 15. № 4.

83. Kuusisto R. The Fairy Tale and the Tragedy? The Western Metaphors of War in the Persian Gulf and in Bosnia // *Argument in a Time of Change. Definitions, Frameworks, and Critiques* / ed. J.F. Klumpp. – Annandale: NCA/AFA, 1998.

84. Laclau E. Why do Empty Signifiers Matter to Politics? // *Emancipation(s)* / ed. E. Laclau. London: Verso, 1996.

85. Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. –

White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing, 2004.

86. Lakoff G. Metaphor and War, Again // www.alternet.org/story.html?StoryID=15414 – 2003b.

87. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // <http://metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm> - 1991.

88. Lakoff G. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. – Chicago: University of Chicago Press, 1996.

89. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.

90. Lakoff G. Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters. December 1999. P. 1-40 // www.frameworksinstitute.org/products/metaphoralthought.pdf – 2001a.

91. Lakoff G. Metaphors of Terror // www.press.uchicago.edu/News/911lakoff.html – 2001b.

92. Lakoff G., Johnson M. The Metaphorical Logic of Rape // *Metaphor and Symbolic Activity*. Vol. 2. 1987.

93. Lule J. War and its metaphors: news language and the prelude to war in Iraq, 2003 // *Journalism Studies*. Vol. 5. № 2. 2004.

94. Luoma-aho M. "Arm" versus "pillar": The politics of metaphors of the Western European Union at the 1990-91 Intergovernmental Conference on Political Union // *Journal of European Public Policy*. 2004. Vol. 11. № 1.

95. Luoma-aho M. Body of Europe and Malignant Nationalism: A Pathology of the Balkans in European Security Discourse // *Geopolitics*. 2002. Vol. 7. № 3.

96. Malone C. The Sport of Politics // www.inthemix.org/shows/show_politics5.html.

97. Milliken J. L. Metaphors of Prestige and Reputation in American Foreign Policy and American Realism // *Post-Realism: The Rhetorical Turn in International Relation*. East Lansing: Michigan State University Press, 1996.

98. Mottier V. Meaning, Identity, Power: Metaphors, Mini-Narratives and Foucauldian Discourse-Theory // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/w_s14/Mottier.pdf – 2005.

99. Musolff A. Cross-language metaphors: obstacles or pathways of international communication? Paper held at the conference: Language, the media and international communication, at St Catherine's College, Oxford, Sponsored by the Faculty of

English, University of Oxford, 29 March - 1 April 2001 // www.dur.ac.uk/modern.languages/depts./german/Musolff/crosslang.doc – 2001a.

100. Musolff A. The Metaphorisation of European Politics: Movement on the Road to Europe // Attitudes towards Europe. Language in the Unification Process / Eds. A. Musolff, C. Good, P. Points, R. Wittlinger. – Aldershot: Ashgate, 2001b.

101. Musolff A. Metaphor and conceptual evolution // *Metaphorik.de*. 2004a. № 7.

102. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004b.

103. Musolff A. Metaphor scenarios in political discourse in Britain and Germany // *Sinnformeln. Linguistische und soziologische Analysen von Leitbildern, Metaphern und anderen kollektiven Orientierungsmustern* / Ed. S. Geideck, W. Liebert. – Berlin: W. de Gruyter, 2003.

104. Musolff A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. – Munich: iudicium, 2000a.

105. Musolff A. Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2000b. Vol. 21. № 3.

106. Musolff A. Promising to End a War = Language of Peace? The Rhetoric of Allied News Management in the Gulf War 1991 // *Language and Peace* / Ed. C. Schäffner, A.L. Wenden. – Aldershot: Dartmouth, 1995.

107. Nasalski I. Die politische Metapher im Arabischen. Untersuchungen zu Semiotik und Symbolik der politischen Sprache am Beispiel Ägyptens. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2004.

108. Oberhuber F., Bärenreuter C., Krzyzanowski M., Schönbauer H., Wodak R. Debating the European Constitution: On representations of Europe/the EU in the press // *Journal of Language and Politics*. 2005. Vol. 4 (2).

109. Oberlechner T., Mayer-Schönberger V. Through Their Own Words: Towards a New Understanding of Leadership through Metaphors // [www.ksgnotes1.harvard.edu/.../9bd08de6da05da6b85256c5b006f0987/\\$FILE/Leadership-1022.doc](http://www.ksgnotes1.harvard.edu/.../9bd08de6da05da6b85256c5b006f0987/$FILE/Leadership-1022.doc) – 2002.

110. Paris R. Kosovo and the Metaphor War // *Political Science Quarterly*. 2002. Vol. 117. № 3.

111. Refaie E. Metaphors we discriminate by: Naturalized

themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // *Journal of Sociolinguistics*. 2001. Vol. 5. № 3.

112. Ritchie D. "ARGUMENT IS WAR" – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors // *Metaphor and Symbol*. 2003a. Vol. 18. № 2.

113. Ritchie D. Categories and Similarities: A Note on Circularity // *Metaphor and Symbol*. 2003b. Vol. 18. № 1.

114. Ritchie D. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation // *Metaphor and Symbol*. 2004a. Vol. 19. № 3.

115. Ritchie D. Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation // *Metaphor and Symbol*. 2004b. Vol. 19. № 4.

116. Ringmar J. Metaphors of Social Order in Europe, China, and Japan // eis.bris.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Ringmar.pdf – 2005.

117. Rohrer T. The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. Vol. 10. № 2.

118. Sandikcioglu E. More metaphorical warfare in the Gulf: Orientalist frames in news coverage // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / Ed. by A. Barcelona. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.

119. Santa Ana O. *Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse*. – Austin: University of Texas Press, 2002.

120. Santa Ana O. 'Like an animal I was treated': anti-immigrant metaphor in US public discourse // *Discourse and Society*. 1999. Vol. 10. № 2.

121. Schäffner C. Building a European House? Or at Two Speeds into a Dead End? Metaphors in the Debate on the United Europe // *Conceiving of Europe — Unity in Diversity* / Ed. A. Musolff, Ch. Schäffner, M. Townson. – Aldershot: Dartmouth Publishers, 1996.

122. Schäffner C. The 'Blance' Metaphor in Relation to Peace // *Language and Peace* / C. Schäffner, A.L. Wenden (eds). – Aldershot: Dartmouth, 1995.

123. Semino E. A sturdy baby or a derailing train? Metaphorical representations of the euro in British and Italian newspapers // *Text*. 2002. Vol. 22. № 1.

124. Semino E., Masci M. Politics is football: metaphor in the discourse of Silvio Berlusconi in Italy // *Discourse and Society*. 1996.

Vol. 7. № 2.

125. Spellman B., Ullman J., Holyoak K. A Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War // *Journal of Social Issues*. 1993. Vol. 49.

126. Steen G. J. Identifying metaphor in language: a cognitive approach // *Style*. 2002. Vol. 36. № 3.

127. Straehle C., Weiss G., Wodak R., Muntigl P., Sedlak M. Struggle as metaphor in European Union discourses on unemployment // *Discourse and Society*. 1999. Vol. 10. № 4.

128. Stenvoll D. Metaphors in Sexual Politics // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Stenvoll.pdf – 2005.

129. Thornborrow J. Metaphors of security: A comparison of representations in defence discourse in post-cold-war France and Britain // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4. № 1.

130. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. Vol. 10. № 3.

131. Turner M., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy, and Binding // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / Ed. A. Barcelona. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.

132. Underhill J.W. The Switch: Metaphorical Representation of the War in Iraq From September 2002 – May 2003 // *Metaphorik.de*. 2003. № 05.

133. Valk I. van der. Political Discourse on Ethnic Issues, a Comparison of the Right and the Extreme-Right in the Netherlands and France (1990-1997). Paper for the ECPR-conference, Grenoble, 6-11 April, 2001 // <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/grenoble/ws14/valk.pdf> – 2001.

134. Vertessen D., De Landsheer C. A Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vertessen.pdf – 2005.

135. Yanow D. Cognition Meets Action: Metaphors as Models of and Models for // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Yanow.pdf – 2005.

136. Walter J., Helmig J. Metaphors as Agents of Signification. Towards a Discursive Analyses of metaphors. ECPR Granada Workshop on Metaphors in Political Discourse. April 2005 // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions

/paperarchive/granada/ws14/Helmig.pdf – 2005.

137. Zinken J. Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse // *Discourse and Society*. 2003. Vol. 14. № 4.

138. Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld: Universität Bielefeld, 2002.

139. Zinken J. Metaphoric Practices in the German Wende Discourse // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2004a. Vol. 25. № 5/6.

140. Zinken J. Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin // *Metaphorik.de*. 2004b. № 07.

© Будаев Э.В., Чудинов А.П., 2006

Гаврилова М.В.

Санкт-Петербург

КОНЦЕПТ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В НОВЕЙШЕМ РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Основная лингвистическая проблема русского политического дискурса начала XXI века, по нашему мнению, заключается в различном семантическом наполнении слов, выражающих ценности русского социума и основные политические термины, в различной трактовке слов с ценностными значениями политическими лидерами и политическими партиями. В качестве примера рассмотрим смысловое наполнение одного из концептов русской ментальности, являющегося также ценностной категорией русского общества, – справедливость. С этой целью мы сравним толкование концепта в программных выступлениях действующего президента России (инаугурационные речи и послания Федеральному собранию) и программных документах основных политических партий России, в частности, коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ), либерально-демократической партии России (ЛДПР), политической партии «Родина», Всероссийской политической партии «Единое Отечество» – «Единая Россия», российской демократической партии «Яблоко». Программные документы выбраны нами в качестве материала исследования, поскольку программа политической партии представляет собой идеологический документ, определяющий принципы деятельности политической партии, ее цели и задачи, а

также методы реализации целей и решения задач.

Наши наблюдения показали, что одним из обязательных элементов тематической структуры программ российских политических партий является провозглашение ценностей. Партии стремятся объединить людей на основе классических политических ценностей: свобода, демократия, справедливость, равенство и т.п. При этом каждая партия позиционирует себя как носительница *истинных, реальных, настоящих* ценностей, употребляя в программе прилагательные с семой 'подлинность' (см. таблица 1).

Таблица 1

КПРФ	«обеспечение <u>подлинного</u> народовластия в Российской Федерации»; «это (социализм – М.Г.) общество <u>подлинной демократии</u> »; «КПРФ выступает за <u>действительную</u> реализацию прав и свобод человека, провозглашенных нормами международного права»; «КПРФ будет всячески содействовать осознанию рабочим классом его <u>подлинных</u> интересов»; «борьба за <u>истинный</u> социализм не прекращалась никогда»; «в целях обеспечения <u>подлинного</u> народовластия в Российской Федерации».
«Родина»	«основа <u>реального</u> самоопределения и самоорганизации российского общества»; «восстановление на деле <u>подлинного</u> народовластия»; «развитие <u>реальной</u> демократии»; « <u>реальные</u> способы обеспечения и поддержки достаточного уровня своего благосостояния и защиты»; « <u>реальное</u> воплощение в жизнь провозглашенных ранее целей», «обеспечение <u>подлинной</u> демократии в Российской Федерации»
«Единая Россия»	«мы положили начало <u>подлинной</u> демократии»; «люди смогут выбирать своих представителей в органы самоуправления, требовать <u>реальной</u> защиты своих интересов»; « <u>реальные</u> полномочия»
ЛДПР	«ЛДПР – партия <u>истинных</u> патриотов», «достижение <u>подлинной</u> свободы», «ЛДПР добивалась проведения <u>подлинной</u> патриотической национальной политики в международных делах»

«Яблоко»	«обеспечение <u>подлинной</u> политической стабильности»; « <u>подлинная</u> демократия»; «они (гражданские инициативы – М.Г.) позволяют создать не формальную демократию, когда после выборов от избирателя уже ничего не зависит, а <u>истинную</u> , основанную на гражданском участии»
----------	--

Анализируя программные документы, мы пришли к выводу, что концепт «справедливость» играет важную роль в тематической организации политического дискурса. Вероятно, это обусловлено значимостью концепта в системе представлений различных общественных групп, поскольку «справедливость – основной принцип нравственности, лежит в основе комфортных представлений соответствующей (суб)культуры, критерий комфортного состояния. Справедливость – идеал гармоничного мира. Он включает модель распределения в обществе различного вида благ, личный статус, престиж, место, занимаемое в социальной группе, в обществе и т.д. Справедливость несет в себе определенный вектор конструктивной напряженности» [Ахиезер 1991: 376].

Справедливость занимает существенное место в системе универсальных человеческих ценностей, потому что «в современной этике ценностей справедливость является предварительным условием осуществления остальных ценностей и состоит в том, чтобы быть справедливым по отношению к чужой личности как таковой, уважать ее и не вторгаться в сферу ее свободы, чтобы сохранить ее свободу действий и не препятствовать созданию культурных ценностей» [КФЭ 1994: 435].

В русской ментальности «справедливость» тесно связана с «правдой» как категорией этической. Прилагательное *справедливый* стоит в одном синонимическом ряду с такими словами как *правый, правдивый, праведный, искренний, верный* [Колесов 2004, The Russian mentality 1995]. «Желание справедливости – это то чувство, которое в большой степени определяет способ восприятия окружающего мира русским человеком. Идея справедливости происходит от христианского учения о правде. Божественный закон находится на более высоком уровне, чем справедливость человека, основанная на человеческих взаимоотношениях – несовершенных и неполных. Этим объясняется предубеждение русских людей по отношению к юридическим учреждениям, несовершенство которых по определению детерминировано человеческим измерением. Величайший авторитет

для русского – праведный человек. «Суровый, но справедливый» – так измеряется авторитет начальника в армии, на государственной службе, в церкви и т.п. [The Russian mentality 1995: 103]. Правда – справедливость как категория этическая, связанная с моралью и нравственностью, имеет отношение к экономике. Как отмечает А.С. Ахиезер, «экономика как всеобщее опирается на нравственное основание, на нравственный идеал. Каждый акт экономической деятельности всегда преодолевает дуальную оппозицию: справедливо – несправедливо. Каждый акт осмысливается через представление о справедливой цене, несправедливости эксплуатации и т.д. Экономика внутренне разделена по нравственному принципу, т.е. на нравственно оправданную, легальную и несправедливую, неправедную экономику, например, связанную с наемным трудом частными лицами, с производством для нелегальной продажи и т.д. Между ними может быть конфликт, разрешаемый с помощью закона, судов и т.д., но они могут одновременно и взаимопроникаться друг другом» [Ахиезер 1991: 448-449].

Вместе с тем справедливость является центральной ценностной категорией, под которой мы понимаем «когнитивный конструкт, определяющий поведение человека и его восприятие действительности, формирующий оценки происходящих событий и распределяющий наше окружение на друзей и врагов. Ценности и их иерархии образуют концептуальную основу политического языка» [Баранов 1990а: 42].

В программах различных политических партий справедливость является ценностным ориентиром деятельности партии (см. таблицу 2).

Таблица 2

КПРФ	народовластие, справедливость, равенство, патриотизм
ЛДПР	«Если вы против происшедшей в нашей стране "криминальной революции", если вы хотите жить в обществе процветания, культуры, социальной справедливости, правопорядка и патриотизма, вам нужно поддерживать ЛДПР».

«Родина»	Манифест «За Родину и справедливость», справедливость и патриотизм
«Единая Россия»	«нас, членов Всероссийской партии «Едиство и Отечество», объединяют общие ценности: Свобода, Закон, Справедливость и Согласие»
«Яблоко»	«Наши ценности – свобода и справедливость»

Проследим изменение лексического значения слова *справедливость* в русском языке. В к. XIX – н. XX вв. слово означало состояние и свойство по прилагательному *справедливый*, т.е. правильный, сделанный законно, по правде, по совести, по правоте. Таким образом, ведущими семами являлись 'правда' и 'правосудие' (ТСЖВЯ, т.4). В XX веке *справедливость* в основном значении толковалось как беспристрастность действия и соответствие истине, а также соответствие человеческих отношений, законов, порядков и т.п. морально-этическим, правовым и т.п. нормам (МАС, т.4: 231). В начале XXI века лексическое значение слова *справедливость* не претерпело значительных изменений (СТСРЯ: 785). В программах политических партий актуализируется неосновное значение 'соответствие человеческих отношений, законов, порядков нормам и требованиям'. При этом слово распространяется прилагательным *социальный*, и словосочетание *социальная справедливость* является устойчивым выражением в новейшем русском политическом дискурсе.

В политическом дискурсе справедливости соответствует ситуация распределения материальных и нематериальных ресурсов: «*вместе мы решим главную патриотическую задачу - вернём богатства страны народу и восстановим социальную справедливость*» («Родина»), «*справедливое распределение материальных благ*» («Единая Россия») и др. Тем самым, «в семантической структуре Справедливости выделяются следующие переменные: 1) субъект распределения, 2) адресат распределения, 3) распределяемый ресурс, 4) параметр распределе-

ния» [Баранов 1990б: 47]. Важно отметить, что «семантическая структура категории Справедливости поддерживает целый комплекс представлений о существовании внешнего врага (враг всей ситуации справедливого распределения), и внутреннего врага (стремление персонифицировать любые сложности на пути социального, политического и экономического развития нашего общества). Типологические характеристики «внутренних врагов» оказываются связаны с субъективной и адресной позициями фрейма Справедливости – врагов ищут именно там» [Баранов 1990б: 52]. Наши наблюдения показали, что наиболее семантически разработана и эксплицитно представлена категория «свой – чужой» в программах партий КПРФ и ЛДПР. Например, в программе КПРФ многочисленны дуальные оппозиции: *«правящий режим – народно-патриотические силы, силы социального и национального освобождения»; «власть мафиозно-компрадорской буржуазии – власть трудящихся, патриотических сил»; «углубляются противоречия между трудом и капиталом, между горсткой новых толстосумов и огромным большинством народа»; «в оценке современной ситуации КПРФ исходит из убеждения, что принципиальный спор между капитализмом и социализмом, под знаком которого прошло XX столетие, не завершен»; «истинные партийцы – перерожденцы»; «пролетарские и мелкобуржуазные тенденции в КПСС»; «мировой капитал – Россия»; «режим национальной измены – люди труда»; «формируемый правящим режимом класс "стратегических собственников". Его основа – банковско-спекулятивный капитал, экономически тесно связанный с Западом. Такой же компрадорский характер носит и экспортно-сырьевой капитал. ... На другом полюсе – огромная масса людей труда, задавленных обнищанием, угрозой безработицы, страхом неуверенности в завтрашнем дне»* и др. Семантика противопоставления создается с помощью идеологем советского политического дискурса, используются идеологические наслоения в значении слова, получающего в политическом дискурсе яркую оценочную окраску. В программе ЛДПР преобладает префиксальный способ образования семантической оппозиции при помощи префиксов анти-, псевдо-, лже- (*«наиболее откровенные антироссийские министры», «прозападные псевдодемократы», «лжереформаторы и лжедемократы», «антинациональные компрадорские силы»* и др.), а также используется семантика негативной оценочности, содержащаяся в слове

(«националистические элиты», «засилье злобных, враждебных внутренних и внешних сил» и др.).

Как показывают исследования А.Н. Баранова, в политическом дискурсе перестройки были «отчетливо противопоставлены два ценностных полюса: на одном из которых находятся категории Справедливости и Равенства, а на другом – концепт Свободы. Категории Справедливости и Равенства, имеющие глубокие корни в русской культурной традиции (ср., например, концептуальный мир русской общины), одновременно являются органичной частью системы ценностных представлений «общества развитого социализма» и предшествующего ему (в том числе и революционного) периода. В современном политическом языке Равенство и Справедливость часто выступают в форме социальной справедливости, органично совмещающей в себе принцип уравнительного распределения с идеей равенства людей» [Баранов 1990б: 43]. Отметим, что подобная дискурсивная ситуация характерна и для политического дискурса начала XXI века. Партии «Яблоко» и «Единая Россия» связывают концепты «справедливость» и «свобода», располагая их в синонимическом ряду своих политических ценностей. Однако содержательной центром концепта «справедливость» в программах этих партий является равенство возможностей граждан России. В программах партий ЛДПР, «Родина», КПРФ «справедливость» соположена в синонимическом ряду с «патриотизмом». Кроме того, как и в прежние десятилетия «справедливость» и «равенство» выступает в качестве «социальной справедливости».

Показательно, что существительное *справедливость* не употребляется в программных выступлениях президента страны. Однако В.В. Путин использует прилагательное *справедливый*: «Сегодня наш стратегический приоритет – это рациональное, справедливое обложение природных ресурсов» (ПФС 2001). Наши наблюдения показали, что В.В. Путин преимущественно связывает прилагательное *справедливый* с семантической категорией «международные отношения» в совместных заявлениях с зарубежными лидерами, в выступлениях перед зарубежной аудиторией: «И мы выступаем здесь как партнеры и единомышленники, вносим свой вклад в строительство справедливого миропорядка»; «главная задача - достижение в регионе прочного, справедливого мира»; «мирное и справедливое урегулирование локальных конфликтов»; «очевидно, что за каждым таким решением должна стоять не общеполити-

ческая риторика, не просто слова о так называемой "справедливой" политике... урок "школы ООН" состоит в том, что другой альтернативы, как сообще строить более безопасный, справедливый и благополучный мир, у человечества нет». Справедливость является контекстуальным синонимом демократии: «с несколькими инициативами, направленными на то, чтобы сделать мир более безопасным, более справедливым, более демократическим».

У **«Единой России»** справедливость наряду с порядком, законностью и развитием выступает в качестве признаков цивилизованности, к которым и должна стремиться Россия и ее граждане. В программных документах партии справедливость связана как с распределением материальных благ, что было характерно для советского мышления (*«справедливое распределение материальных благ»*), так и с *«уверенностью в том, что судьба каждого человека не безразлична обществу в целом»*.

КПРФ, провозглашая ценности советского периода, справедливость связывает с основными правами гражданина СССР (*«справедливость, предполагающая гарантированное право на труд и его вознаграждение по конечным результатам, на доступное всем бесплатное образование и бесплатную медицинскую помощь, благоустроенное жилье, отдых и социальное обеспечение»*).

Партия **«Яблоко»** справедливость связывает со свободой, ведущей содержательной характеристикой концепта является равенство возможностей (*«свобода – такая же абсолютная ценность, как и человеческая жизнь... свобода не может сохраниться в обществе, не стремящемся к справедливости...справедливость требует стремиться не только к равенству прав, но и к равенству возможностей граждан в реализации своих способностей, а также гарантировать достойное существование тем, кто их лишен»; «справедливость, подразумевающая, что выигрыш одних социальных групп или граждан не должен достигаться за счет потерь других»*).

Партия **«Родина»** рассматривает «социальную справедливость как основное условие любых реформ, напрямую затрагивающих интересы наименее защищенных слоев населения» и декларирует в качестве основной задачи «восстановление исторической социальной справедливости», которая связана с возвращением богатства народу (*«вместе мы решим главную патриотическую задачу – вернём богатства страны народу и вос-*

становим социальную справедливость») и борьбой с олигархической системой под руководством партии (*«начать восстановление социальной справедливости можно лишь путём создания партии ответственной политической оппозиции. Массовой профессиональной партии как инструмента борьбы с олигархией, как способа взять власть и ею достойно распорядиться в интересах всего общества»*).

Для **ЛДПР** главным в концепте справедливости является создание равных условий, при которых человек может честным путем (а не трудом – как у КПРФ) добиваться благосостояния («ЛДПР является сторонницей общества социальной справедливости, она отвергает не только коммунизм, но и дикий капитализм. Партия выступает за создание равных условий для реализации каждым гражданином своих способностей. В обществе социальной справедливости должно поощряться стремление людей честным путем добиваться высокого уровня благосостояния. В России не должно быть голодных, бездомных и безработных»).

Иными словами, в русском политическом дискурсе начала XXI века «справедливость» сближается преимущественно с «равенством», понимаемым партиями левого крыла (КПРФ, «Родина») прежде всего как уравнительное распределение материальных благ, однако наряду с этим пониманием в программах других партий (ЛДПР, «Яблоко», «Единая Россия») в концепте «справедливость» актуализируется значение 'равенство возможностей' для граждан страны. Мы наблюдаем борьбу между двумя векторами справедливости, между уравнительностью и соревновательностью, а также стремление изменить соотношение между ними, поскольку уравнительность оказывается в противоречии с политикой экономического прорыва, удвоения ВВП, конкурентноспособности России. Следует отметить, что в истории России «периодически возникает попытка усилить соревновательную справедливость, чтобы вызвать к жизни потоки социальной энергии. Однако господство уравнительной справедливости сохранилось, хотя и выявило своё творческое бесплодие и социальное бессилие» [Ахиезер 1991: 376].

Подводя итоги, можно отметить, что в русском политическом дискурсе начала XXI века «справедливость» продолжает сохранять национальную специфику концепта (справедливость – правда – нравственность), а также восприятие, сложившееся в советский период нашей истории (справедливость – равенство

материальных благ). Однако через значение 'равенство возможностей' возможна перспектива семантического продвижения к пониманию «справедливости» как «свободы», что характерно для современных обществ, в которых «справедливость понимается как высшая степень совместимости многообразных интересов. Основным критерий справедливости – максимум свободы для возможно большего числа индивидов» [Категории политической науки 2002: 103]. Следует помнить, что «выбор возможных альтернатив решения проблемы при ориентации на справедливость существенно сужается как для отдельного индивидуума, так и для всего общества в целом. В рамках ценности Свободы общественный организм способен более гибко реагировать на вызовы действительности» [Баранов 1990б: 43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 3-х т., т.3. – М., 1991.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход). Автореф. дис...д-р.филол. наук. – М., 1990а.
3. Баранов А.Н. Что нас убеждает? (речевое воздействие и общественное сознание). – М., 1990б.
4. Категории политической науки. – М., 2002.
5. Колесов В.В. Концептуальная адаптация внешних терминов // Язык и ментальность. Текст и концепт. Вып.1. – СПб., 2004.
6. Краткая философская энциклопедия. – М., 1994
7. Словарь русского языка: В 4-х т. – М., 1982.
8. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2004.
9. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1994.
10. The Russian Mentality. Dictionary / Ed by A.Lazari. Katowice. 1995.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1982.
2. КФЭ – Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
3. ПФС – послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию
4. СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб., 2004.
5. ТСЖВЯ – Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Программа КПРФ утверждена на IV съезде КПРФ 20.04.1997.

2. Программа ЛДПР принята на XIII съезде ЛДПР 13.12.2001.

3. Программные документы партии: Программа партии «Родина» принята съездом 08.09.2002, изменения и дополнения внесены Третьим Внеочередным Съездом 15.02.2004 г.; Заявление съезда партии «Родина» принято съездом Политической партии «РОДИНА» 06.07.2004 г.; Манифест «За Родину, за справедливость» принят съездом Политической партии «РОДИНА» 06.07.2004 г.

4. Программные документы партии: предвыборная программа Всероссийской политической Партии «Единство и Отечество» – «Единая Россия» (утверждена 20.09.2003 на III Съезде Всероссийской политической Партии «Единство и Отечество» – «Единая Россия»), Программа Всероссийской политической Партии «Единство и Отечество» – «Единая Россия» (утверждена в окончательной редакции 29.04.2003 на II Съезде Партии), Манифест Всероссийской политической Партии «Единство и Отечество» – «Единая Россия» (принят 23.04.2003 на II Съезде Партии).

5. Программные документы: демократический манифест – программа Российской Демократической Партии «Яблоко», Основы государственной политики на 2003 – 2005 гг. М., ЭПИ центр, 2003.

© Гаврилова М.В., 2006

Гришаева Л.И.

Воронеж

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОМИНАТИВНЫХ И ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Помещение в фокус лингвистического анализа дискурсивной деятельности (под дискурсом здесь понимается, вслед за Н.Д. Арутюновой, «связный текст, взятый в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова 2000: 136-137]) как основного на сегодняшний день объекта языковедческого исследования при особом внимании к закономерностям, регулирующим использование языка коммуникантами, имеет в качестве следствия переориентирование научных задач в том числе и привлечение в качестве научного инстру-

ментария некоторых категорий, которые ранее не принимались в расчет как обуславливающие результат дискурсивной деятельности.

К таким параметрам следует отнести, во-первых, изучение того, как факторы (названные факторы являются в полном смысле таковыми, ср.: «фактор – существенное обстоятельство способствующее какому-либо процессу, явлению» [Кузнецов 1998: 1414]) «свой», «чужой», «другой» (О разграничении оппозиций «свой – чужой» и «свой – другой» см. подробнее [Гришаева 2003], а также [Гришаева, Цурикова 2003; 2004: 154, 156, 158]) влияют на использование коммуникантами тех или иных языковых средств в разных дискурсивных условиях, а также, во-вторых, описание способов активизации некоторых сведений о мире и, прежде всего, авто- и гетеростереотипов. Применительно к исследованию политического дискурса названные ракурсы анализа представляются наиболее значимыми в силу следующих соображений.

Факторы «свой», «чужой», «другой» задают рамку восприятия, что, учитывая феноменологические свойства восприятия: селективность, субъективность, аффективность, телеологичность, контекстную обусловленность (см. подробнее в психологии, например [Солсо 2002; Рубинштейн 2002]), – является основой для профилирования информации, т.е. в конечном счете для формирования когнитивного фона и когнитивной фигуры (Ср.: «Обязательность различения фигуры и фона при любом восприятии позволяет читателям интерпретировать некоторые части текста как более заметные, **значимые/релевантные** <...>, т.е. выступающие как фигура по отношению к своей основе – всему остальному тексту» [Лузина, 1997: 186]). Благодаря этому один и тот же объект восприятия получает различные характеристики, следствием чего становится различный перлокутивный эффект от информации, воспринимаемой и обрабатываемой субъектом познания и коммуникации в конкретных дискурсивных условиях.

Высказанные идеи положены в основу ряда конкретных исследований, о результатах которых сообщается ниже для того, чтобы проиллюстрировать объяснительную силу соответствующей концепции.

Для результатов социальной перцепции вообще и для исследования особенностей политического дискурса в частности описанные процессы приобретают особую значимость, поскольку стержнем для политического дискурса является, бесспорно, оппозиция «свой – чужой» (см. работы исследователей политического дискурса, прежде всего, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал и их

учеников). Сферой, в которой профилируются соответствующие сведения, является, по сути своей, совокупность прямых и переносных авто- и гетеростереотипов, актуализируемых тем или иным способом.

Приведенные соображения стали побудительным мотивом для изучения различных способов взаимодействия номинативных и дискурсивных стратегий применительно к политическому дискурсу. При этом под номинативными стратегиями понимается выбор коммуникантами из совокупности всех потенциально возможных изофункциональных гетерогенных средств именованья как отдельных элементов картины мира (предметов, процессов, признаков, отношений, состояний, лиц и т.д.), так и ее фрагментов (ситуаций или комплексов ситуаций, которые могут быть связаны друг с другом причинно или адитивно, постоянно или спорадически, обязательно или случайно). Дискурсивные стратегии представляют собой выбор коммуникантами способа аранжировки средств именованья, т.е. номинативных стратегий, в зависимости от тех или иных дискурсивных условий.

Характеризуя номинативные и дискурсивные стратегии, следует иметь в виду их конвенциональность и известность в силу инкультурации – в идеале – для всех членов лингвокультурной общности. Поэтому субъекты познания и коммуникации сознательно и/или неосознанно обращаются именно к тем способам овнешнения своей интенции, которые с их точки зрения максимально адекватны сложившимся актуальным дискурсивным условиям и максимально надежны для реализации их целей в процессе той или иной интеракции. Важно заметить также, что для реализации одной дискурсивной стратегии коммуниканты располагают множеством изофункциональных номинативных средств, которые, однако, в одних дискурсивных условиях являются первичными, а в других – вторичными; ср. первичный (финитной конструкцией) и вторичные (инфинитивной группой, разнородными партиципальными конструкциями, субстантивной группой, адъективной группой) способы именованья одной и той же пропозиции, которые имеют явную специализацию на тип дискурса, в первую очередь на бытовой или на научный.

Интерпретировать соотношение между дискурсивными и номинативными стратегиями можно соответственно как потенцию и ее реализацию, мотив для определенной деятельности и план ее реализации, план реализации деятельности и реальное его воплощение.

Разводить использование языковых средств по номинативным и дискурсивным стратегиями целесообразно уже в силу того, что «исходным для каждого речевого высказывания является наличие мотива, или замысла» [Лурия 2002: 108]. Соответственно «каждая лексическая единица (и, в частности, слово) фиксирует место соответствующего представления в целой системе связей» [там же: 109] (Сделанное умозаключение согласуется с выводами когнитивных психологов, полученных при решении иных задач, ср. мнение Фр. Кликса, высказанное еще в 80-е годы прошлого века: «Поскольку абстрактные понятия формируются из более низких, наглядных понятий, которые входят в новую категорию в качестве признаков, последние привносят в новый концепт также и свои старые связи. Так, в особенности у весьма абстрактных понятийных образований могут наличествовать чрезвычайно гетерогенные межпонятийные связи» [Klix 1984: 68]. Когнитивные психологи сериями экспериментов, нацеленных на выявление механизмов памяти, кодирования информации и связей между понятиями, определили, что у многоместных глаголов имеется латентная соактивация отношений иных аргументов с соответствующими между ними отношениями [ibidem: 14]. Другими словами, отношение *SIEGEN (KÄMPFEN, BESIEGEN, GEGNER)* интерпретируется когнитивными психологами как трехместное $xR_{1,2,3}(yzu)$ [ibidem] (Когнитивная интерпретация валентности понятия не тождественна лингвистической интерпретации валентных свойств соответствующего признакового слова=глагола.). Чрезвычайно важным в контексте данных рассуждений является также вывод о том, что понятия в памяти кодируются через их признаки, что кодирование фиксирует не понятия, а **определенный тип отношений между понятиями** [ibidem: 15] – (Выделено мною. – Л.Г.). Анализ в указанном направлении позволяет говорить о том, что в памяти присутствуют понятийные конфигурации, сводимые затем к образованиям более высокой уровня абстракции [ibidem: 69]. Следовательно, при использовании того или иного слова имеет место одномоментная активизация всего набора признаков, которыми обладает соответствующее понятие в памяти (ср. [Klix 1984: 69 и далее]). Это объясняется тем, что «при формировании модели внешней мира действует принцип этажной переработки, т.е. когда верхний уровень иерархии является сверткой нижнего уровня» [Сухих 2004: 111].

В политическом дискурсе субъект осуществляет свой выбор номинативных и дискурсивных стратегий, как правило, сознательно – по причине стремления максимально эффективно воздействовать тем или иным способом на своего интерактанта при достижении цели своей деятельности. Не исключено также, что коммуникант выбирает средства реализации своей интенции и неосознанно – в силу овладения коммуникативной практикой в процессе инкультурации (и/или аккультурации). Однако и в том, и в другом случае выбор номинативных и дискурсивных стратегий субъектом отражает наличие у представителей каждой лингвокультуры «норм ожидания» и схем развития той или иной интеракции в разных дискурсивных условиях.

Следовательно, задачей изучения особенностей использования языка становится анализ соответствующих «норм ожидания» и способов воздействия на интерактанта.

Для решения поставленной задачи необходимо учитывать в теоретической модели и в практическом анализе языковых средств четыре положения.

Первое. Выбор коммуникантами номинативных и дискурсивных стратегий зависит от ряда дискурсивных факторов, модифицирующих деятельность интерактантов, в том числе и выбор средств и способов овнешнения внеязыковой действительности. К такого рода дискурсивным факторам следует отнести и факторы «свой», «чужой», «другой», влияние которых заключается в профилировании воспринимаемой адресатом информации. Следствием этого становится активизация у адресата определенного комплекса сведений об обсуждаемой действительности, который не обязательно будет идентичен таковому у адресанта.

Второе. Взаимодействие номинативных и дискурсивных стратегий подчинено адаптации к актуальным дискурсивным условиям, что не может не отражаться на выборе средств оязыкования интенции адресанта. Так, О.В. Кашкина пришла к выводу о причинной зависимости от дискурсивной среды и дискурсивной стратегии выбора номинативных стратегий, а также механизмов вербализации отдельных компонентов суждения одного и того же типа в различной дискурсивной среде [Кашкина 2005] (Самопрезентация, осуществляемая в рамках определенного формата общественной коммуникации – интервью – нацелена на сохранение имиджа политика, что возможно благодаря адекватной дискурсивной стратегии, выбранной в соответствии с дискурсивными условиями интервью. Функциональный потенциал самооценочных высказываний, реализуемый политиком в рамках ассертивной стратегии, позволяет последнему как субъекту самооценки укреплять свой имидж. Использование самооценочного высказывания в дефензивной стратегии дает ему возможность защищать и сохранять имидж.

Выбор средств оязыкования объекта самооценочной структуры подчинен определенной номинативной стратегии, реализация которой позволяет говорящему оказывать влияние на прочтение самооценочного высказывания адресатом. Первичным средством вербализации объекта самооценки служит местоимение 1-го л.ед.ч., будучи средством реализации стратегии прямой идентификации. Стратегия дефокусации предполагает использование вторичных средств для обозначения объекта самооценки и позволяет изменить у адресата рамку восприятия личности говорящего=объекта самооценки и, тем самым, модифицировать коммуникативный фокус высказывания. Стратегия деперсонализации позволяет преломить чужую оценку в самооценку.

Выявлена устойчивая тенденция к использованию определенных синтаксических структур при вербализации положительных/отрицательных сведений о собственной личности. (1а) Первичными средствами вербализации положительной самооценки оказываются адъективные и субстантивные структуры позитив-

ного типа, предикатив в которых выражается частнооценочными лексемами положительной семантики. (1б) К вторичным средствам вербализации положительной самооценки относятся глагольные, адъективные и субстантивные структуры негативного типа с оценочными лексемами отрицательной семантики, в которых средство негации участвует в реализации положительной оценочности. (2а) Отрицательная самооценка вербализуется в первую очередь адъективными, а также глагольными и субстантивными структурами позитивного типа с частнооценочными лексемами отрицательной семантики соответственно в обстоятельственной позиции или предикативной. (2б) К вторичным средствам оязыкования отрицательной самооценки относятся структуры негативного типа с оценочными лексемами положительной семантики, оценочное значение которых трансформируется средствами негации.

Изучение механизмов вербализации предмета самооценки позволяет выявить, какой комплекс языковых средств опредмечивает актуальные для определенной коммуникативной ситуации сведения Я-концепта. К первичным средствам вербализации сведений о чертах характера относятся адъективные структуры позитивного типа, предикатив которых выражен частнооценочными лексемами. Вторичными средствами вербализации самооценки с таким предметом оказываются субстантивные структуры позитивного типа, а также адъективные и субстантивные структуры негативного типа с оценочными лексемами соответственно в предикативной позиции и позиции атрибута.

Дискурсивная стратегия, избранная говорящим, существенным образом влияет на выбор номинативных стратегий для вербализации оценочных сведений, хранимых в когнитивной структуре Я-концепта. Ряд номинативных стратегий обеспечивает наиболее эффективную реализацию дефензивных стратегий: стратегия дефокусации, предпочтение глагольных и адъективных структур негативного типа, содержащих частнооценочные лексемы, использование средств, позволяющих снизить категоричность самооценки. Другие номинативные стратегии обеспечивают успешное осуществление ассертивной стратегии: стратегия прямой идентификации, употребление субстантивных и адъективных структур позитивного типа с общеоценочными и частнооценочными лексемами в предикативной позиции, предпочтение средств, усиливающих категоричность самооценочного высказывания.

Применение различных дискурсивных стратегий позволяет вербализовать сведения из разных уровней и проекций Я-концепта, что обеспечивает политику сохранения и защиту имиджа. Ассертивный характер дискурсивной стратегии оказывается решающим фактором при отборе средств оязыкования самооценки, цель которой – сохранение и восстановление имиджа. Дефензивная стратегия предопределяет выбор тех номинативных стратегий, которые позволяют опредмечивать сведения Я-концепта, необходимые для защиты имиджа. Самооценочное высказывание, понимаемое как разновидность оценочного высказывания, обладает такими структурными, содержательными и функциональными параметрами, которые позволяют по-разному опредмечивать сведения Я-концепта и представлять в процессе коммуникации личность адресанта в соответствии его коммуникативным целям [Кашкина 2005]).

Третье. Вербальными и невербальными способами в конкретных дискурсивных условиях активизируются гетерогенные, гетерохронные, гетеросубстратные сведения о мире, в том числе и культурно специфические стереотипы. Соотношение вербальных и невербальных способов кодирования сведений о

мире в политическом дискурсе (в особенности в его письменной форме существования) приобретает особую значимость, поскольку в последние десятилетия креолизованный текст как форма бытования политического дискурса стал наиболее эффективной формой организации сведений, транслируемых в коммуникации [Анисимова 1999].

Четвертое. Существование вербальных и невербальных маркеров, по которым коммуниканты отчасти распознают, какие номинативные и дискурсивные стратегии реализуются в актуальных дискурсивных условиях, позволяют исчислить сами дискурсивные и номинативные стратегии, с одной стороны, а также определить, какие номинативные стратегии являются изофункциональными, с другой стороны. Своего рода побочным продуктом исследования становится фиксирование тех самых мало осознаваемых «норм ожидания», которые существенным образом сказываются на успешности коммуникации.

Материалом для изучения взаимодействия номинативных и дискурсивных стратегий могут стать средства и способы овнешнения культурно релевантных стереотипов (см. подробнее исследование текстоорганизующих потенций прямых и переносных авто- и гетеростереотипов [Мануковский 2005] с точки зрения выполняемых ими функций в письменно зафиксированном тексте в газетных публикациях [там же: 39-53], а также в плане описания текстоорганизующих потенций языковых средств овнешнения содержания стереотипов [там же: 54-70]. Названный ракурс исследования необходим для того, чтобы выяснить, насколько адекватным в политическом дискурсе является восприятие адресатом информации, каким образом средства массовой коммуникации воздействуют на адресата, конструируя образ различных политических субъектов: личности (=политика), социальной группы (например, партии), наконец, страны («своей» или «чужой»).

Возможным является также выявление взаимодействия дискурсивных и номинативных стратегий при описании того, как в политическом дискурсе политики могут достигать своих целей, в частности конструировать определенный имидж на микро-, макро- и мегауровнях: т.е. на индивидуально-личностном, групповом и при конструировании образа страны соответственно. В результате подобного исследования становится возможным выявить, каким образом политики сознательно или неосознанно используют стереотипы сознания для манипулирования воспри-

ятием адресата в тех или иных целях и в различных коммуникативных условиях (см., к примеру, уже цитировавшееся исследование М.В. Мануковского).

Это обстоятельство обусловлено тем, что номинативная деятельность каждого коммуниканта связана с индивидуальной и неповторимой интерпретацией воспринимаемой им актуальной внеязыковой ситуации, коммуникативного контекста, а также всего контекста взаимоотношений между конкретными коммуникантами. Другую сложность представляет собой наличие значительного количества изофункциональных средств, потенциально возможных в соответствующих дискурсивных условиях, перлокутивный эффект от использования которых, однако, не тождественен. Еще одним из препятствий для гармонизации интерпретаций со стороны каждого коммуниканта является несовпадение «норм ожиданий» у коммуникантов даже в тех случаях, когда они оба принадлежат к одной и той же культуре или же к одной и той же субкультуре. Ведь в когнитивном и коммуникативном арсенале каждого из коммуникантов имеется знание о наличии различных стратегий организации дискурса, а также умений варьировать на том или ином этапе дискурсивными стратегиями. Под влиянием конкретных дискурсивных условий каждый коммуникант решает для себя, какая из имеющихся в его распоряжении стратегий представляется максимально адекватной сложившимся дискурсивным условиям. На любом их этапов организации интеракции этот выбор остается актуальным, он может быть описан в терминах «инвариант – вариант». Партнер либо соглашается с предложенным решением, либо прибегает к иной стратегии.

Одним из серьезных барьеров при межкультурной коммуникации является негативный образ «своей» культуры в «своей» и «чужой» культурах. Сейчас в России доминирует негативный образ о своей стране, что катастрофически сказывается на реальной практике осуществления тех или иных экономических, политических, социальных проектов. Практика убеждает, что без наличия положительного имиджа страны в «своей» и в «чужих» культурах никакой цели в социальной практике достичь невозможно. Отечественные политтехнологи и политики на внутривнутриполитической и внешнеполитической арене обращаются к довольно жестким и потому неэффективным моделям, задействуют такие средства воздействия на индивидуального и массового коммуниканта, используют такие мало эффективные приемы,

что они более вредят, нежели помогают созданию и поддержанию у единичного и коллективного субъекта восприятия и коммуникации (т.е. у каждого гражданина России) положительного имиджа России в стране и за ее рубежами.

Названный эффект от реализации того или иного варианта модели образа «своей» страны, сложившегося под влиянием разнородных и разнонаправленных факторов, в ряде случаев усугубляется тем, что он находит поддержку в том, что в таком виде он тиражируется в условиях «чужой» культурной действительности, когда многие значимые для конструирования коллективной идентичности параметры вырываются из адекватного для них контекста осмысления. Зачастую в подобных случаях образ страны в «своей» и/или «чужой» культурах вступает в явное или неявное противоречие с основополагающими параметрами коллективной идентичности носителей определенной культуры или же мало согласуются с ней.

Процесс конструирования социальной реальности усугубляется к тому же неэффективным использованием языка как основного средства кодирования, хранения и передачи культурно специфической информации, как одного из краеугольных камней при формировании личностной и коллективной идентичности. В результате использования номинативных и дискурсивных стратегий, не адекватных актуальным дискурсивным условиям ни при внутрикультурном, ни при межкультурном взаимодействии коммуникантов, страдает и образ «своей» страны, и ставится под вопрос успешность сохранения культурной континуальности и культурного типа.

В связи с этим возникает необходимость осмысления ряда проблем

- феномена этнической самоидентификации, включающей представления об консолидирующих и дифференцирующих признаках, которые содержат в себе разную политическую направленность;

- содержания и особенностей авто- и гетеростереотипов как основы для восприятия социокультурно значимой информации и для выбора способов организации интеракции между коммуникантами. Это поможет установить, какими средствами формируется позитивный/негативный образ страны и насколько значимым для социального самочувствия является соответствующий образ;

- особенностей механизма воздействия политического дис-

курса на представителей других культур, влияющих в конечном итоге на формирование образа о «своей» стране у «своего» и «чужого» коллективного субъекта восприятия.

Противоречивая игра прямых и переносных инокультурных (немецких/английских/американских и др.) и русских авто- и гетеростереотипов, влияние которых отражается на организации информации о «чужой» для читателей СМИ стране, перемещается в таком случае в центр исследования. Сопоставление содержательного и формального аспектов в политическом дискурсе на примере сообщений о российской реальности в российской и зарубежной прессе, с одной стороны, и ожиданий зарубежных читателей в той же сфере, с другой, позволяет установить, сколь тесно взаимосвязаны оба участника политического дискурса – пресса и ее читатель, что, очевидно, имеет как свои позитивные, так и негативные последствия для коллективного субъекта в обеих культурах (см. конкретные результаты в исследовании М.В. Мануковского и М.А. Бойко).

Наличие мощного коммуникативного фона, то есть всего того, что составляет когнитивный, социальный, политический и культурный контексты при порождении и бытовании данных текстов, поставило их в последней трети 20 века в центр внимания когнитивно-дискурсивных исследований. Значимость же деятельности средств массовой информации для современного общества проявляется в первую очередь в том, что они влияют на формирование общественного мнения, создание определенного идеологического фона, состояние национальной культуры, пропагандируют определенную систему ценностей. Пресса как одно из основных средств массовой информации играет ключевую роль в распространении социально-политических и культурных идей, все еще является барометром общественных перемен, несмотря на существование и иных способов доступа к общественному мнению.

Активизации авто- и гетеростереотипов, хранящихся в индивидуальной картине мира адресата медиа-текстов с его индивидуальной идентичностью, происходит в опоре на интерпретацию сведений о мире обоими коммуникантами. Упомянутое обстоятельство приобретает особый вес при анализе дискурса СМИ потому, что наиболее значимыми феноменологическими особенностями восприятия являются его селективность, телеологичность, субъективность, аффективность и контекстная обусловленность.

В результате фильтрации и интерпретации информации тексты прессы представляют собой готовый продукт, который может оказывать влияние на ментальную сферу реципиента, подтверждать или трансформировать сложившиеся стереотипы в зависимости от особенностей восприятия того круга читателей, на который рассчитаны данные сообщения. Адекватное коммуникативной установке автора понимание газетных сообщений возможно лишь при условии наличия общего фонда фоновых знаний, установок и стереотипов восприятия как у адресата, так и адресанта, а также при условии её представления в привычной для адресата форме и организации в соответствии с нормами, структурами и моделями, присущими языку общения.

Таким образом, тексты прессы, являясь социально значимыми текстами, представляют собой интересный материал для исследования национально-культурной специфики мироприятия, проявляющейся как в особенностях создания текстов продуцентом, так и в особенностях понимания их реципиентом, то есть их социальных, психологических, коммуникативных позициях.

Для межкультурно ориентированных исследований устойчивый интерес к газетным публикациям вызван тем, что одной из составляющих текста газеты является информация о зарубежных странах; таким образом, он непосредственно участвует в формировании образов и представлений в отношении «чужих» политических реалий и серьезно трансформирует образ «своего». Сложная, противоречивая игра «своего» и «чужого» в медиа-текстах основывается на том, что дискурс прессы, будучи сложным информативно-насыщенным конгломератом, фильтрует и отображает события и факты действительности сообразно намерениям и установкам его отправителя и обладает информационным и воздействующим потенциалом.

Анализ позволяет выявить два комплекса дискурсивных стратегий при сообщении фактов из инокультурной реальности: профилирование информации как о «чужой» или же как о «другой», с одной стороны, а также стратегию на пейоризации или же мелиоразацию облика «своей» для читателей страны (см. статью М.А. Бойко в данном издании). На реализацию названных стратегий специализируются различные номинативные стратегии: стратегии прямой идентификации, дескриптивных, стратегии фокусации, дефокусации, сгущения негативных смыслов, акцентирование определенного признака, стратегии кос-

венной номинации, контрастивного позиционирования и др.

Каждая из названных номинативных стратегий реализуется совокупностью тех или иных механизмов вербализации: лексико-семантических, словообразовательных, морфологических, синтаксических, текстограмматических. В результате при обозначении одного и того же референта – в особенности инокультурных реалий, стран, политических лидеров, политических институтов и/или приписываемых им признаков – могут, к примеру, доминировать аксиологически заряженные единицы (лексико-семантические механизмы вербализации сведений о мире), поддерживаемые использование стилистических фигур, к примеру, антитезы (синтаксические (=порядок слов) и лексико-семантические в вероятном комплексе со словообразовательными), что позволяет констатировать реализацию стратегии на гущение негативных смыслов.

Номинативные и дискурсивные стратегии взаимодействуют друг с другом. Их взаимодействие проявляется в том, что при реализации одной дискурсивной стратегии адресант предпочитает одни механизмы вербализации как средства реализации номинативной стратегии, а при других – другие. В результате, как уже говорилось выше, у адресата активизируются определенные комплексы сведений о мире и в конечном итоге складывается образ действительности, который в ряде случаев не является тождественным таковому у адресанта и может не совпадать с прогнозируемым адресантом.

Имидж субъекта коммуникации – индивидуального и/или коллективного – конструируем сознательно и/или бессознательно усилиями обоих коммуникантов с помощью отбора языковых и неязыковых средств в креолизованном тексте, особенно активно используемых в средствах массовой коммуникации. Имидж конструируется как результат взаимодействия номинативных и дискурсивных стратегий в конкретных дискурсивных условиях.

Подводя итог рассуждению о взаимодействии номинативных и дискурсивных стратегий в политическом дискурсе следует акцентировать ряд положений:

- выбор номинативных и дискурсивных стратегий коммуникант осуществляет сознательно – по причине стремления максимально эффективно воздействовать тем или иным способом на своего интерактанта при достижении цели своей деятельности – или неосознанно – в силу овладения коммуникативной

практикой в процессе инкультурации и/или аккультурации, что отражает наличие у представителей каждой лингвокультуры «норм ожидания» и схем развития той или иной интеракции в разных дискурсивных условиях,

- выбор номинативных и дискурсивных стратегий зависит от ряда дискурсивных факторов, модифицирующих деятельность интерактантов, в том числе и выбор средств и способов овнешнения внеязыковой действительности. К такого рода дискурсивным факторам следует отнести и факторов «свой», «чужой», «другой», влияние которых заключается в профилировании (изменению соотношения когнитивных фона и фигуры) воспринимаемой адресатом информации. Следствие этого становится активизация определенного комплекса сведений об обсуждаемой действительности, который не обязательно будет идентичен таковому у адресанта,

- взаимодействие номинативных и дискурсивных стратегий подчинено адаптации к актуальным дискурсивным условиям, что отражается на выборе средств оязыковлений интенции адресанта, т.е. на предпочтении коммуникантом одних механизмов вербализации определенных сведений о мире другим,

- вербальными и невербальными способами в конкретных дискурсивных условиях активизируются гетерогенные, гетерохронные, гетеросубстратные сведения о мире, в том числе и культурно специфические стереотипы,

- вербальные и невербальные маркеры, по которым коммуниканты, с одной стороны, распознают, какие номинативные и дискурсивные стратегии реализуются в актуальных дискурсивных условиях, с другой стороны, свидетельствуют о существовании мало осознаваемых «наивным» коммуникантом «норм ожидания». Поэтому изучение средств и способов активизации стереотипов позволяет сформулировать ряд серьезных обобщений относительно теоретически значимых дискуссий, в частности о структуре концепта, о соотношении концептуальной и языковой картин мира, о принципах кодирования сведений о мире, о механизмах вербализации этих сведений и т.д.

Таким образом, изучение взаимодействия номинативных и дискурсивных стратегий в определенной дискурсивной среде представляется, с одной стороны, чрезвычайно актуальным и важным, и, с другой стороны, все еще практически не изученным и продуктивным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е.Е. Креолизованные тексты – тексты XXI века? – Воронеж: ЦЧКИ, 1999. – 148 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 136-137.
3. Бойко М.А. Роль дискурсивных факторов «свой», «чужой», «другой» в процессе формирования коллективной идентичности средствами массовой информации – Екатеринбург, 2005.
4. Гришаева Л.И. Образование как условие, средство и способ инкультурации личности // Мир образования – образование и в мире. – 2003., № 1. – С. 41-51.
5. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 369 с.
6. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Изд. второе, исправленное. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 426 с.
7. Кашкина О.В. Функциональный анализ самооценочных высказываний как средства вербализации Я-концепта (на материале интервью немецкой прессы) // Диссертация ... канд. филол. наук.– Воронеж, 2005. – 212 с. –
8. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. – М.: Норинт, 1998. – 1536 с.
9. Лузина Л.Г. Фигура – фон (основа) // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1997. – 185-186.
10. Лурия А.Р. Письмо и речь. Нейролингвистические исследования. – М.: Academia, 2002. – 352 с.
11. Мануковский М.В. Стереотипы сознания в межкультурной коммуникации. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 100 с.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: Новое тысячелетие, 2002. – 720 с.
13. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. – М.: Триволта, Либрия, 2002. – 600 с.
14. Сухих С.А. Личность в коммуникативном процессе. – Краснодар, 2004. – 156 с.
15. Klix, Fr. Gedächtnis. Wissen. Wissensnutzung. Berlin, 1984. – 262 S.

© Гришаева Л.И., 2006

ОЦЕНОЧНЫЙ АСПЕКТ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИКОВ В СМИ

Интерес к языковым аспектам самопрезентации политиков продиктован возросшим вниманием современной лингвистики к языку как орудию действия и воздействия. В дискурсе СМИ, в частности в его политическом секторе, роль языка как способа воздействия на адресата ощущается особенно остро [Глухова 2001; Шейгал 2001]. Самопрезентация рассматривается как одна из возможностей манипуляции восприятием окружающих, поскольку индивид пытается руководить тем впечатлением, которое он производит на других людей. Именно по этой причине, для политиков самопрезентация в СМИ играет значимую роль [Laux 1996: 14]. В дискурсе СМИ самопрезентация политика заключается, как правило, в реализации его имиджа. Вслед за В.Холли, мы понимаем под имиджем типичную картину о себе, описанную в терминах социально признанных качеств [Holly 2000: 1387]. Имидж – это социально обусловленный типичный образ личности, который строится на основе Я-концепта – той ментальной картины, которая объединяет в целостную структуру разнообразные сведения и представления индивида о самом себе. (На современном этапе когнитивных исследований Я-концепт понимается как ментально представленная картина о собственной личности, как особое содержание памяти [Drews 1993; Filipp 1984; Hannover 1997; Markus 1987; Petersen 1994 и др.]). Так В.Фридлмайер определяет ЯК как комплексную, рефлексивную, идиосинкретичную структуру сведений о своей личности с аффективными компонентами. Комплексность подразумевает интеграцию широкого спектра различных сведений о себе. Рефлексивный характер обусловлен субъектно-объектным статусом индивида в процессе формирования и развития ЯК. Идиосинкретичность ЯК определяется субъектно ориентированным характером хранящихся представлений. Аффективность отражает ценность и значимость этой структуры сведений и ее элементов для самого субъекта [Friedlmeier 1993: 15]. С такой позиции имидж можно рассматривать как трансформированную часть Я-концепта, пропущенную сквозь призму определенных общественных (или групповых) представлений о данном типе личности; как социально значимую проекцию Я-концепта, включающую в себя как реальные, так и потенциальные характеристики личности [Кашкина 2005: 51].

Имидж, принимаемый и поддерживаемый окружающими, должен отличаться такими важными характеристиками, как правдоподобность, целостность и рядом других [Почепцов 2000: 44-45]. Очевидно, именно поэтому общественные деятели стремятся к созданию целостного имиджа как социальной ценности,

поскольку такой имидж делает его носителя предметом самоуважения и вызывает уважение других. Однако общественные оценки могут варьироваться и меняться в зависимости от ряда факторов. По этой причине имидж, тем более в такой нестабильной сфере, как политика, постоянно находится под угрозой и должен поддерживаться и укрепляться посредством определенной стратегии поведения [Holly 1979: 43; Langner 1994: 66]. Эта стратегия направлена в первую очередь на гармонизацию социальной идентичности и тех впечатлений, которые нужно произвести в определенной коммуникативной ситуации на две группы субъектов восприятия: на журналиста и на публику (читателей то есть, в конечном счете, на избирателей), мнение которой и стремится предопределить политик. Поэтому успешная реализация имиджа оказывается непременной задачей, требующей высокого мастерства; неслучайно И. Гоффман сравнивает процесс самопрезентации с актерской игрой на театральных подмостках [Goffman 1983: 9]. В выполнении этой задачи особая роль возлагается на дискурсивное поведение коммуниканта, а именно, на правильно выбранную, адекватную сложившимся условиям, дискурсивную стратегию, которая обеспечит гармоничное восприятие имиджа и его успешное воздействие на окружающих. Дискурсивная стратегия понимается как «выбор аранжировки средств именования в зависимости от тех или иных дискурсивных условий» [Гришаева 2004: 254].

Исследователи выделяют два типа стратегий, используемых в дискурсе СМИ: ассертивные и дефензивные [Laux 1996: 46-50]. Ассертивные стратегии направлены на создание, стабилизацию и расширение положительных впечатлений об индивиде, на увеличение его влияния и силы. Дефензивные стратегии нацелены на защиту от негативных впечатлений, а также на спасение и восстановление подвергшихся критике аспектов имиджа.

Важным средством реализации имиджа являются самооценочные высказывания (В данном исследовании СВ выделяются на основании комплексного критерия, согласно которому учитываются логико-семантические (наличие эксплицитной или имплицитной логико-семантической структуры самооценки: субъект (Я) оценочное отношение объект (Я)), содержательные (пропозиция $P_{(x)}$, с семантикой «приписывание личностью себе как отдельному индивиду или как члену некоторой группы статического или динамического признака, качества, состояния, действия, которые соотносятся с оценочными представлениями, оценочными категориями и концептами, имеющими связь с ЦКМ индивида») и формальные параметры СВ, а также контекстуальные условия, связь СВ с пред- и посттекстом). С помощью самооценочных высказываний индивид передает определенные сведения, хра-

нящиеся в когнитивной структуре Я-концепта, снабжая их личностной оценочной интерпретацией. Именно поэтому самооценочное высказывание оказывается важным коммуникативно значимым действием, посредством которого индивид может презентовать с заданной для окружающих перспективой восприятия те или иные грани своей личности в соответствии со своим коммуникативным намерением и складывающимися условиями коммуникации.

Поскольку выбор адресантом средств, оформляющих самооценочные высказывания, обусловлен рядом факторов, влияние которых в различных типах ситуаций проявляется по-разному, то целесообразно изучить, как зависит реализация функционального потенциала самооценочных высказываний от дискурсивных факторов. Для этого анализируется влияние на модификации номинативных и дискурсивных стратегий интервью разного типа, формат которого во многом определяет как стратегию журналиста, так и стратегии интервьюируемого.

Исследование речевых аспектов самопрезентации политиков представляется наиболее интересным в дискурсивной среде журналистского интервью, поскольку интервью является специфическим (Интервью, характеризуется специфическими чертами как на семантическом, так и на структурном уровне. Для интервью показательна как двойственность коммуникативных ситуаций, так и двойственность форм его существования: коммуникативный процесс «журналист – интервьюируемый» и создающийся в нем устный текст являются вторично «сообщением» в другом коммуникативном процессе «медиум – публика». С коммуникативно-функциональной точки зрения специфичность интервью заключается в сосуществовании как характерных черт стиля прессы (социальная референтность, информативно-аналитическая и пропагандистская направленность), так и разговорной диалогической речи (непосредственный контакт, смена ролей слушающего/говорящего, относительная спонтанность, оценочная эмоциональность и пр.) [Мытарева 1994: 81]) типом дискурса среди других жанров СМИ. Характерной чертой коммуникативной ситуации интервью оказывается ориентированность его непосредственных участников на не присутствующего адресата – публику, ради потребностей которой и осуществляется интервью. В этой связи дискурсивная среда интервью создает особое поле для самопрезентации политика – он может выгодно представить себя публике, выстроить и укрепить свою позицию либо позицию своей группы по отношению к предмету разговора, а также увеличить степень известности своей личности и своей деятельности [ср. Куликова 2004; Почецов 2000: 37; Holly 2000: 1387].

Для дискурсивного анализа была составлена выборка пол-

ных текстов интервью с видными политиками Германии, опубликованных в известных немецких еженедельниках “Der Spiegel”, “Stern”, “Focus”, газет “Die Zeit” и ряда других. Эмпирическая база представлена двумя типами интервью – контроверзным и имиджеобразующим. Такой выбор обусловлен возможностью проследить особенности функционирования самооценочных высказываний как средства самопрезентации политика в контрастных с позиции по отношению друг к другу условиях для реализации имиджа, что позволит установить степень влияния дискурсивных факторов на особенности реализации имиджа интервьюируемого.

Наиболее благоприятная среда для осуществления самопрезентации политика создается в имиджеобразующем интервью, поскольку журналист руководствуется имиджеподтверждающей стратегией; в его задачи входит подтверждение и укрепление имиджа интервьюируемого, а также усиление его влияния на публику [Ecker 1977; Friedrichs 1999]. С этой целью журналист реализует различные коммуникативные ходы, открывающие возможность для самопрезентации интервьюируемого.

Проведенный анализ позволил выделить две основные группы реплик журналиста, инициирующих самооценочные высказывания политика.

1. Прямые вопросы о самооценочной позиции интервьюируемого типа *Wie schätzen Sie sich ein? Wie sehen Sie sich?* Их доля в изученном материале составляет 4%. Tagesspiegel 8.10.02: *Wie würden Sie sich selbst beschreiben? Weiss: Ich bin ein sehr intensiv lebender Mensch. Sehr gesellig und grenzenlos neugierig.* Стоит подчеркнуть, что аналогичные вопросы были отмечены только в имиджеобразующем интервью.

Как представляется, основная задача таких прямых вопросов заключается в создании свободного поля для самопрезентации интервьюируемого. С помощью аналогичных реплик журналист фокусирует внимание публики на личности интервьюируемого, в частности, на его самооценке. В контекстных условиях, создаваемых обозначенными выше вопросами, самооценочное высказывание реализует главным образом функцию передачи оценочной информации.

2. Альтернативные оценочные вопросы, содержащие частные оценки в адрес интервьюируемого типа *Sind Sie ein eifersüchtiger Mensch? Sind Sie eine glückliche Frau?* (96%)

Такие вопросы могут содержать не только положительные, но и отрицательные оценки. Интервьюируемый может реагировать

на них по-разному: подтверждать высказанную оценку, преломляя ее тем самым в самооценку, снабжать ее дополнительной интерпретацией или же, напротив, опровергать и использовать созданный эвалюативный контекст для реализации самооценочного высказывания как альтернативы высказанному оценочному предположению. В качестве отдельной подгруппы альтернативных оценочных вопросов следует выделить реплики, в которых журналист ссылается на оценки третьих лиц в адрес интервьюируемого. Stern 30.00\43: *Ulrich Merkel, Ihr erster Mann, hat Sie so beschrieben: "Sie ist eine Kämpfernatur." Merkel: Ist doch nicht schlimm, oder? Ich empfinde das als ein Kompliment. Ein Politiker muss machtbewusst sein. Er muss ehrgeizig sein.*

Благожелательный климат общения имиджеобразующего интервью снимает необходимость в реализации разных приемов, направленных на защиту и сохранение имиджа интервьюируемого. Очевидно, именно поэтому в проанализированных интервью политики руководствовались ассертивной стратегией. Реализация дефензивной стратегии не зафиксирована, что объяснимо отсутствием необходимости в защите имиджа. Гармоничность намерений журналиста и его собеседника – укрепление имиджа политика – обуславливает гомогенный способ реализации ассертивной стратегии интервьюируемого.

Анализ реплик интервьюируемого на альтернативные оценочные вопросы позволил выделить следующие варианты ответных ходов самопрезентации политика.

1. Подтверждение оценки без дополнения (6%).

Stern: *Sind Sie eine bodenständige Frau?* Becker: *Ja.*

2. Подтверждение с кратким уточнением (3%).

Focus: *Sind Sie selbstsicher?* Fischer: *Ja, immer.*

Языковое оформление самооценочных реплик первых двух вариантов характеризуется рядом черт: а) реализация номинативной стратегии деперсонализации (исключение объекта самооценки из структуры высказывания), б) наличие аффирмативных единиц (*ja*), выступающих в роли субститута соответствующего оценочного высказывания, в) наличие темпоральных (*immer, manchmal*), локальных (*nur zu Hause*) и иных (*mit meinen Freunden*) конкретизаторов. Как представляется, такие самооценочные высказывания выполняют контролирующую функцию и направлены на подтверждение сложившегося публичного образа политика.

3. Подтверждение с развертыванием полного СВ (53%).

Focus: *Sind Sie ein optimistischer Mensch?* Ortmann: *Ja, ich bin*

ein ungebrochener Optimist. Für mich ist die Flasche immer halbvoll.

Самооценочные высказывания такого типа отличаются большим разнообразием языкового оформления. Однако для всех них показательно наличие аффирмативных частиц, а также доминирование позитивного типа предложений. Наряду с контролирующей функцией, самооценочные высказывания этой группы могут выполнять функцию воздействия на адресата, что особенно показательно для СВ, отличающихся экспрессивным характером.

4. Отрицание оценки без дополнения (4%). Focus: *Sind Sie ehrgeizig?* Müller: *Nein.*

5. Отрицание оценки с дополнением (3%). Stern: *Nein, überhaupt nicht.*

Самооценочные реплики пятого и шестого вариантов являются результатом преломления оценки в самооценку, в процессе которого происходит отрицание оценочной посылки журналиста и, следовательно, имплицирование противоположной альтернативы. Усеченная форма таких самооценочных высказываний представлена маркерами негации *nein, keineswegs, niemals*. СВ, оформленные неразвернутой эллиптической структурой с маркерами отрицания (*nein*) выполняют, как правило, корректирующую функцию.

6. Опровержение с противопоставлением своей самооценочной альтернативы. Stern: *Sind Sie egoistisch?* Bellmann: *Nein, im Gegenteil ich lebte immer für meine Familie und meine Freunde.* Самооценочные высказывания этой группы отличаются сочетанием негативных и позитивных конструкций. Первая часть содержит отрицательные частицы и позволяет отрицать высказанную журналистом оценку. Вторая часть реплики представлена позитивной конструкцией, в которой конкретизируется оценочная позиция интервьюируемого, что направлено на создание однозначных представлений о нем у публики.

Изучение самооценочных высказываний политика в преломлении к иницирующим репликам журналиста показывает, что интервьюируемый может по-разному использовать предоставляемый шанс для самопрезентации: ограничиться лаконичным подтверждением/отрицанием оценки журналиста (варианты 1-2, 4-6) или же в развернутом виде представить ту или иную оценочную информацию о своей личности (варианты 3, 6). Более высокая частотность последних двух вариантов свидетельствует о важности самооценочных высказываний в описываемых дискурсивных условиях.

Изучение основных параметров самооценочных высказываний, зафиксированных в изученных интервью имиджеобразующего типа, позволило установить следующие тенденции. Для вербализации объекта самооценки (т.е. самого себя как носителя оцениваемого признака или состояния) адресант предпочитал использовать личное местоимение 1-го л. ед.ч. *ich* (86%), которое является первичным способом обозначения говорящего как объекта самооценки. Müller: *Ich bin immer entspannt.* (F 51'99/48) 16% самооценочных высказываний исследуемой группы представляют собой эллиптическую форму, объект самооценки в таких структурах не вербализуется, что оказывается следствием использования адресантом номинативной стратегии деперсонализации. Sn: *Sind Sie immer so pünktlich?* Fischer: *Ja, natürlich.* (Sn 18'01/34)

В 3% СВ объект самооценки вербализовывался с помощью местоимения *wir*. Schulze: *Wir waren immer höflich.* (S 39'98/143) Использование такого номинативного средства позволяет адресанту произвести эффект солидаризации с некоторой группой и, тем самым, несколько снизить категоричность самооценки.

Дискурсивные особенности имиджеобразующего интервью позволяют политику демонстрировать с целью самопрезентации не только свою профессиональную позицию, но и многие другие грани своей личности, информация о которых способна благотворно повлиять на имидж политика. Очевидно, именно поэтому наиболее частотным предметом самооценки в имиджеобразующем интервью оказались черты характера (51%) Kühn: *Ich war immer verlässlich.* (F 14'01/125), межличностные отношения (29%) Jürgens: *Ich bin sehr gesellig und kommuniziere gern mit den Menschen.* (S 12'97/45) Профессиональная деятельность оценивалась лишь в 9% самооценочных высказываний. Благоприятная атмосфера имиджеобразующего интервью позволяет политику высказывать не только положительные, но и отрицательные самооценки с таким предметом. Naumann: *Eigentlich fühle ich mich noch als Lehrling im Beruf des Politikers.* (F 4'99/98) Koch: *Leider sind wir drittklassige Schauspieler, weil Politiker in der Regel ja Laiendarsteller sind.* (WW 43'99/21) Однако стоит подчеркнуть невысокую степень категоричности таких самооценочных утверждений. 6% самооценочных высказываний оязыковляли оценку физического состояния: Stoiber: *Ich hoffe, dass ich so fit bleibe, wie noch ich es momentan bin.* (Sn 4'01/36) самооценочные высказывания с другими предметами не столь частотны.

Показательно, что самооценочные высказывания, вербали-

зующие положительные самооценки, оформлялись, как правило, позитивными структурами разных типов: адъективными, субстантивными и глагольными. Стоит отметить преобладание адъективных (55%) и субстантивных (34%) структурных типов. Такие высказывания в своем подавляющем большинстве содержат различные факультативные элементы, позволяющие адресанту усилить степень категоричности самооценочных высказываний. В качестве основных групп средств усиления категоричности высказывания можно выделить интенсификаторы (41%) Weiß: *Ich bin ein **sehr** intensiv lebender Mensch. **Sehr** gesellig und **grenzenlos** neugierig.* (TS 8.10.02), генерализаторы (11%) Kluge: *Ich bin **immer** optimistisch.* (F 34'98/32), а также модальные слова с семантическим признаком <уверенность> (7%) Westerwelle: ***Sicher** bin ich ein ehrgeiziger Mensch.* (Sn 15'00/98). Описанные тенденции позволяют прийти к выводу, что положительные самооценки, вербализуемые политиком в процессе реализации ассертивной стратегии, в имиджеобразующем интервью оформляются достаточно категорично.

Отрицательные самооценки, напротив, чаще оязыковлялись с помощью негативных предложений глагольного (56%) и адъективного (38%) типов. Beck: *Ich ließ dann den Kopf hängen und blieb ziemlich **unkonzentriert** und **unruhig**.* (F 8'99/56) Künast: *Wahrscheinlich bin ich etwas **miß**trauisch.* (Sn 23'97/49)

Самооценочные высказывания, вербализующие отрицательную самооценку, содержат довольно часто факультативные элементы, снижающие степень категоричности высказывания. К таким средствам относятся деинтенсификаторы (15%) Meinrad: *Als Kind war ich **ein bisschen** ängstlich.* (F 41'99/78), модальные слова с семантическим признаком <неуверенность> (21%) Reiger: ***Vielleicht** war ich manchmal nicht so tapfer, wie ich es wollte.* (Sn 13'97/102)

Обращает на себя внимание относительно высокая, по сравнению с группой положительных по характеру самооценочных высказываний, частотность высказываний, в которых отражаются сведения из ретроспективной зоны Я-концепта. Müller: *Ich war ziemlich einsam und litt darunter.* (Sn 18'99/96) Высказывания, аналогичные приведенному выше примеру, являются, как правило, реакцией на вопрос журналиста о прошлом политика.

Изучение отрицательных по характеру самооценочных высказываний позволяет сделать вывод о их невысокой категоричности.

Таким образом, ситуация имиджеобразующего интервью побуждает политика отдавать предпочтение ассертивной стратегии, которая обеспечивает эффективную реализацию его самопрезентации. Положительное влияние дискурсивных факторов позволяет интервьюируемому демонстрировать разнообразные оценочные сведения о самом себе и оформлять положительные самооценки более категоричным способом, воздействуя тем самым более активно на адресата.

Контроверзное интервью характеризуется достаточно агрессивной позицией журналиста по отношению к интервьюируемому [Friedrichs 1999: 202]. Журналист старается получить спонтанную реакцию собеседника на высказываемые в его адрес критические замечания. С этой целью журналист активно использует критику, содержащую негативные оценки различной этимологии (общественное мнение, политический противник и пр.). Политик может реагировать на подобную ситуацию по-разному: от ухода от темы и переключения на другую тему до ответной агрессии. Ситуация, складывающаяся в контроверзном интервью, нестандартна, в ней наблюдается нарушение принципов вежливости, которая обычно определяет формат официального общения. Конвенциональные нормы официального общения требуют от журналиста в интервью с известными людьми соблюдения вежливости. Однако в контроверзном интервью журналист, напротив, сознательно нарушает этот принцип, используя высказывания, угрожающие имиджу его собеседника.

Учитывая поведение журналиста в контроверзном интервью, реализацию самопрезентации следует признать достаточно сложной. В таких дискурсивных условиях самооценочные высказывания оказываются одним из главных способов сохранения, защиты и восстановления имиджа, поскольку они содержат оценочную информацию о личности говорящего: это взгляд изнутри, задающий для окружающих формат восприятия говорящего и корректирующий их мнение и представление о нем.

Необходимо дать краткую характеристику основным способам реализации дискурсивной стратегии журналиста, чтобы иметь представление о том, каким образом журналист влияет на имидж политика. Для реализации агрессивной стратегии журналист использует отдельные элементы софистического спора, который имеет целью ослабить позицию собеседника. Одним из средств достижения подобной цели являются психологически непозволительные с точки зрения нравственности приемы, обозначаемые в

специальных работах по проблемам конфликтологии как уловки [Панкратов 2001: 8-35]. Они основаны на психическом воздействии на эмоциональную сферу оппонента и направлены на причинение ущерба его престижу.

В изученных интервью зафиксировано 38% (Здесь и далее приводится средний показатель полученных данных. Эта цифра иллюстрирует долю контроверзных реплик журналиста от всех его реплик) реплик журналиста, содержащих психологические уловки, среди которых выделены следующие четыре основные группы:

1. Нарушение принципа нетождественности факта и мнения (27% – Данный и последующие показатели высчитывались от общего количества контроверзных реплик). Журналист в контроверзном интервью активно использует в качестве оружия мнения вместо фактов: Spiegel 39'02: *Ihr Führungsstil soll noch autoritärer geworden sein. Gerade die jungen und neuen Abgeordneten sagen das. Müntefering: Ich glaube nicht, dass ich autoritär bin. Ich weiß aber, dass demokratisch legitimierte Macht Mehrheiten braucht und dass manchmal großer Zeitdruck unvermeidlich ist.*

2. Выведение политика из равновесия с помощью насмешек, обвинений, упреков, которые нацелены на то, чтобы интервьюируемый сделал ошибочное, невыгодное для своей позиции заявление (49%). В ряде интервью эта уловка предпринималась неоднократно и охватывала до пяти реплик журналиста, создавая тем самым один длительный тематический блок: SO 21.07.02'2: *Hätten Sie das nicht absehen müssen, wenn Sie so freigebig sind? Özdemir: Ich war einfach zu naiv. Da bin ich aber nicht der erste Abgeordnete, dem das passiert ist (...)*

Spiegel Online: *Sie wollen uns also den Bundestag als Hort der Naivität verkaufen?*

Özdemir: *Nein, aber im Bundestag sitzen auch Menschen mit Fehlbarkeit, die ganz ohne böse Absicht naiv handeln können. Und einer dieser fehlbaren Menschen heißt Cem Özdemir.*

3. Перевод разговора в сферу домыслов (15%). С помощью этой уловки журналист переводит полемику в русло обличения и заставляет политика либо оправдываться, либо объяснять то, что не имеет никакого отношения к сути проблемы: Stern 28'00/115: *Aber irgendetwas müssen Sie doch falsch machen, wenn so viele Gewerkschaftler und Sozialdemokraten nicht begreifen, was Sie wollen.*

Riester: *Ich habe mir nichts vorzuwerfen.*

4. Навешивание ярлыков (9%). Эта уловка сходна со второй, поскольку здесь также применяются упреки, обвинения и даже оскорбления. Но они носят более ярко выраженную форму оценки, «ярлыка», оформлены часто категоричным способом, а также связаны со стереотипами и прецедентными феноменами с общеизвестной коннотацией: SO 21.07.02'2: *Sie sind dafür bekannt, dass Sie es noch nicht mal ertragen können, wenn in einem Ihrer Nachbarbüros unnötig Licht brennt. Wie kommt ein so sparsamer Schwabe zu so hohen Schulden?* Özdemir: *Wer mich kennt, weiß, dass ich eigentlich nur bei mir selber sparsam bin, nicht gegenüber anderen (...).*

Таким образом, реализация журналистом описанных приемов создает неблагоприятную среду для имиджа интервьюируемого.

Проведенный анализ позволил разделить попытки политика сохранить свой целостный имидж на две группы реакций, во-первых, реакция на критику без привлечения самооценки (19% – Этот и второй показатель считались от всего объема реплик интервьюируемого) и, во-вторых, защита имиджа с помощью самооценочных высказываний (81%). Первая группа представлена тремя основными способами:

1) косвенная защита имиджа за счет переключения внимания с собственной персоны на другую тему (20% – Данные в подпунктах 1)-3) считались от реактивных реплик, не содержащих самооценки). Интервьюируемый не высказывает самооценку с тем, чтобы не заострять внимание публики на складывающейся разнице оценочных позиций: TaS 01.12.2002: *Jetzt können keine neuen Hiobsbotschaften kommen?* Müntefering: *Der Himmel kann immer einstürzen. Was ein Irak-Krieg für unsere Wirtschaft bedeuten würde, weiß ich zum Beispiel nicht (...)*

2) Мягкая защита имиджа через частичную оценку сложившейся ситуации, имеющей отношение к говорящему, в частности, с помощью акцентирования положительных моментов или привлечения реабилитирующих фактов (50%): SZ 28.01.03: *Frau Weiss, in dieser Woche sind Sie 100 Tage im Amt. Sie sind im Herbst enthusiastisch begrüßt worden, zugleich wurde bedauert, dass Ihre Kompetenzen nicht ausgebaut worden sind. Ist das Amt stark genug?*

Weiss: *Die Kulturpolitik hat mit dem Bundeskultur- und Medienbeauftragten erstmal ein Gesicht bekommen, national wie international. Das ist schon ein deutlicher Fortschritt. Auch die Koppelung an das Kanzleramt ist durchaus sinnvoll.*

3) Защита имиджа путем переключения внимания на другое

лицо (30%). Благодаря нападению на другого политик переносит центр внимания публики на «новый объект критики» и создает тем самым ситуацию сравнения, в которой он пытается представить себя в более выгодном свете: TS14.07.02 (2): *Aber manche sagen, selbst bei den Grünen: Die Reformen waren nicht mutig genug. Schröder: Ja, so etwas kann man gelegentlich von einigen Grünen hören. Das sind Profilierungsbemühungen. So etwas gibt es. Ich finde solches Gerede dennoch unbegründet und zum Teil sogar unverantwortlich. Natürlich haben die Grünen tatkräftig daran mitgewirkt, dass die Leistungen der Regierung nicht überall richtig gewürdigt werden.*

В основе реакций с применением самооценочных высказываний, которые составляют вторую группу, лежит попытка убедить публику в правильности своей оценочной позиции. Насколько это убеждение будет удачным, зависит от избранной дискурсивной стратегии и языкового оформления самооценочных высказываний порождаемых в рамках этой стратегии.

В исследованных контroversных интервью самооценочных высказываний использовались с целью укрепления или защиты имиджа, о чем свидетельствует не только их повышенная частотность, но и доминирование положительных оценок. Среди проанализированных самооценочных высказываний было отмечено 85% высказываний, которые вербализовывали положительную самооценку: TS14.07.02: *Aber könnte die Regierung nicht einen Neustart oder zumindest ein besseres Image gebrauchen?* Trittin: *Ich nicht. Ich bin mit meinem Image zufrieden.*

Зарегистрировано 10% отрицательных по характеру самооценочных высказываний описываемого здесь типа: SO 21.07.02'2: *Hätten Sie das nicht absehen müssen, wenn Sie so freigebig sind?* Özdemir: *Ich war einfach zu naiv. Da bin ich aber auch nicht der erste Abgeordnete, dem das passiert ist.*

5% самооценочных высказываний вербализуют как положительные, так и отрицательные оценки в свой адрес: TS 12.01.03: *Wie gehen Sie mit dem Misstrauen um?* Schmidt: *Ich stehe unter Dauerstress, was die öffentliche Debatte angeht. Aber nicht im Kabinett, nicht beim Kanzler und nicht in der Koalition.*

Подобное количественное распределение оценок вполне понятно. Положительная самооценка – одно из основных средств восстановления имиджа, что и подтверждается ее высокой частотностью. Однако в некоторых ситуациях, которые иллюстрируются в частности примером (Spiegel online 21.07.02'2), отрицательная оценка в свой адрес неизбежна, но оформляется она, как

правило, некатегоричным способом и часто сопровождается различного рода тактическими приемами, например, проведением аналогий с другими людьми.

Л. Лаукс и А. Шюц выделяют следующие виды ассертивных стратегий, реализуемые в рамках контроверзного интервью: 1) популярный лидер»: названная стратегия направлена на создание или увеличение популярности благодаря акцентированию общей с публикой позиции и общих интересов; 2) «компетентная личность»: эта стратегия укрепляет имидж за счет демонстрации своей профессиональной компетентности, собственных достижений и способностей; 3) стратегия «пример для подражания» усиливает собственную позицию с помощью выставления напоказ важных моральных и общественно значимых качеств; 4) стратегия «опасный противник» нацелена на демонстрацию своей могущественности, силы и запугивание противника; 5) «нуждающийся в помощи»: такая стратегия пробуждает сочувствие инисходительное отношение за счет акцентирования своей зависимости от публики [Laux L. 1996: 46].

При необходимости защитить свой имидж в распоряжении говорящего имеются следующие дефензивные стратегии: 1) «опровержение критики» – эта стратегия нацелена на защиту имиджа от критики собеседника благодаря отрицанию ставящихся ему в вину фактов; 2) «перенос негатива на обстоятельства» – цель такого поведения заключается в защите и реабилитации имиджа за счет переноса ответственности и вины на сложившуюся ситуацию и ослабление негативной связи с собственной персоной; 3) «оправдание» – адресант не отрицает своей ответственности и вины, однако предпринимает попытки изменить общественное мнение с помощью оправдывающих обстоятельств; 4) «сожаление» – высказывая свое сожаление по поводу той или иной ситуации, интервьюируемый пытается смягчить общественное мнение для создания в дальнейшем шанса на восстановление своей позиции [Laux 1996: 50].

Выделенные дискурсивные стратегии обуславливают выбор номинативных стратегий (Номинативная стратегия понимается вслед за Л.И.Гришаевой как «выбор из совокупности всех потенциально возможных изофункциональных гетерогенных средств именованя как отдельных элементов картины мира (предметов, процессов, качеств и т.д.), так и ее фрагментов (ситуаций или комплексов ситуаций, связанных друг с другом причинно или аддитивно, постоянно или случайно)» [Гришаева 2004: 253]) адресанта при реализации самооценочных высказываний как средства защиты или укрепления имиджа. Такое влияние подтверждается результата-

ми проведенного исследования.

Наиболее частотной оказалась ассертивная стратегия «компетентная личность» (53%), что можно объяснить ее высокой эффективностью. Она позволяет политику противопоставить критике свою компетентность, которая в большинстве случаев подкрепляется фактами, и произвести тем самым не только выгодное, но и правдоподобное впечатление, что особенно важно в агрессивной среде контрроверзного интервью.

В описываемых дискурсивных условиях для вербализации объекта самооценки адресант предпочитал использовать номинативную стратегию дефокусации (Под дефокусацией, вслед за Д.Барт, понимается способ дистанцирования, который заключается в стирании референтной идентификации между говорящим и носителем действия в том случае, когда они являются одним лицом. Дефокусация заключается в выборе определенных языковых механизмов референции, которые позволяют говорящему вводить себя в виде члена группы ('wir') или неопределенного лица ('man') [Barth 1999: 58]), а именно такой механизм ее реализации, как местоимение "wir" в значении 'солидаризации с группой' или 'разделение ответственности': *Der Tagesspiegel am Sonntag 01.12.2002: Sehr mager, Ihre Selbstkritik. Müntefering: Selbstkritik ist gut, Selbstbewusstsein auch. Wir haben sicher zu viel und zu lange über einzelne Sparmaßnahmen diskutiert. Dennoch, was wir machen ist richtig.*

Использование *wir* позволяет говорящему, с одной стороны, избежать изоляции в ситуации оценивания и приписать оценочный признак не только себе, но и всем членам группы. Тем самым, посредством *wir* публике демонстрируется компетентность не только одного говорящего, а всей группы. Опровергнуть подобную оценку непросто, поскольку при попытке опровержения представляется сомнительной компетентность и идентичность той группы, от лица которой говорит политик.

Наиболее частотным предметом самооценок, вербализуемых в рамках изучаемой стратегии, является профессиональная деятельность говорящего, которая оценивается им, как правило, положительно. Такие самооценочные высказывания оформлены глагольными предложениями. Обращает на себя внимание крайне низкая частотность негативных структур в единицах исследуемого типа. Очевидно, говорящему достаточно важно четко сформулировать свою оценочную позицию, чтобы, с одной стороны, избежать возможных двусмысленных выводов, а, с другой стороны, произвести впечатление уверенной в себе личности. *Trittin: Ich kann nur Überzeugungsarbeit leisten, und zwar sehr gut. (S 23'97/134)*

Большинство самооценочных высказываний, реализуемых в рамках стратегии «компетентная личность», выполняли коррективную функцию: неправильному, с точки зрения интервьюируемого, мнению журналиста противопоставлялась собственная оценочная позиция адресанта, чтобы скорректировать мнение публики.

Далее по частотности следует ассертивная стратегия «опасный противник» (25%). Обращает на себя внимание повышенная категоричность СВ, представленных в этой группе. Так, для оязыковления объекта самооценки использовалось местоимение *ich* как механизм номинативной стратегии прямой идентификации. Schmidt: *Die Interessen der Patientinnen und Patienten, der Versicherten. Die vertrete ich. Und da dürfen sich die Funktionäre keine Hoffnungen machen: Ich fühle mich stark. Ich packe das jetzt an.*

В исследуемой группе СВ достаточно разнообразны синтаксические структуры, участвующие в вербализации оценочных представлений: зафиксировано употребление адъективных, глагольных и несколько реже субстантивных предложений. Следует также отметить, с одной стороны, крайне низкую частотность отрицательных конструкций, а, с другой стороны, лаконичность таких высказываний: их объем, как правило, не выходит за рамки структурного минимума предложения.

Руководствуясь стратегией «опасный противник», интервьюируемый использует самооценочные высказывания, с одной стороны, с целью оказания влияния на политического противника, а именно, для его запугивания, а, с другой стороны, с целью произвести на публику впечатление сильной, уверенной в себе личности. Очевидно, именно поэтому, многие самооценочные высказывания достаточно категоричны, что достигается с помощью употребления средств интенсификации и модальных слов с семантическим признаком <уверенность>. Wolf: *Ich bin **sicher** ein starker Gegner und kann mich **immer sehr gut** verteidigen.* (F 21'95/131)

На третьем месте по частотности оказались самооценочные высказывания, порожденные в рамках ассертивной стратегии «популярная личность» (12%).

Несмотря на количественное доминирование местоимения *ich* как средства вербализации объекта самооценки, достаточно частотным оказывается и местоимение *wir*, употребляемое в аналогичной *ich* синтаксической функции. *Wir* как элемент стратегии дефокусации позволяет адресанту оценить себя как члена группы

и использовать группу как своего рода защиту, что наиболее отчетливо прослеживается в примерах, в которых оценочное мнение журналиста касается самого интервьюируемого, однако он избегает более уместной стратегии прямой идентификации и предпочитает другое референтное средство. Spiegel: *Aber Sie haben Ihre Aufgaben angeblich ohne erwarteten Erfolg gemacht.* Klein: *Doch wir haben erfolgreich gearbeitet, und die Kommission hat unsere Leistungen sehr hoch eingeschätzt.* (F 14'98/36)

Как и в большинстве других ассертивных стратегиях, применяемых политиком в контроверзном интервью, в стратегии «популярная личность» чаще всего оценивалась профессиональная деятельность интервьюируемого. Для реализации такого предмета самооценки задействовались, как правило, глагольные предложения, реже адъективные и в единичных случаях субстантивные. Schmidt: *Aber ich war und bleibe populär.* (F 49'95/57)

Отличительной чертой самооценочных высказываний изучаемой группы является наличие в самом самооценочном высказывании или в пред- и посттексте положительных оценок других людей в адрес автора самооценки. Таким образом, говорящий старается подкрепить свою оценочную позицию, сопоставив ее с мнением окружающих. Kelch: *Meine Wähler halten mich doch für einen Mann der Tat und das bin ich auch.* (Sn 15'97/57)

Ассертивная стратегия «пример для подражания» также обусловливает особенности функционирования самооценочных высказываний. В изученном материале зафиксировано 10% самооценочных высказываний, реализуемых в рамках обозначенной стратегии. Meiler: *Ich kümmere mich immer um meine Kollegen.* (Sn 37'97/115)

Объект самооценки вербализуется в самооценочных высказываний такого типа чаще всего местоимением *ich*, которое позволяет говорящему сконцентрировать коммуникативный фокус на себе как объекте и субъекте самооценки. Предметом таких самооценок часто являлись межличностные отношения и правильный образ жизни интервьюируемого, которые оценивались им положительно и вербализовывались по большей части в позитивных глагольных структурах. Rotweiler: *Nein. Ich führe eine gesunde Lebensweise und fühle mich immer fit.*

Обращает на себя внимание, что содержание самооценочных высказываний изучаемой группы часто перекликается с общественными ценностями и стереотипными представлениями о положительном образе индивида. Апелляция к нормам общественной

морали позволяет политику использовать силу влияния стереотипов на публику и оказывать особое воздействие на адресата.

Самооценочные высказывания, порождаемые в процессе реализации стратегии «пример для подражания», выполняют функцию корректировки представлений журналиста об интервьюируемом. Такие СВ также употребляются адресантом с целью произвести положительное впечатление на публику.

В проанализированных интервью контроверзного типа преобладание дефензивной стратегии отмечено лишь в четверти случаев, что показательно для ситуаций, связанных с серьезными, например финансовыми, скандалами вокруг имени интервьюируемого. В таких случаях политик имел возможность лишь защищать свой имидж, ассертивные стратегии представляются непродуктивными, поскольку обстановка не создает шанс для расширения и укрепления имиджа.

По результатам количественного анализа изучаемого материала наиболее частотной оказалась дефензивная стратегия «опровержение критики» (57%). TS 01.12.2002: *Ihr Führungsstil soll noch autoritärer geworden sein. Gerade die jungen und neuen Abgeordneten sagen das. Müntefering: Ich glaube nicht, dass ich autoritär bin.*

Самооценочные высказывания изучаемой группы носят, как правило, положительный характер. В качестве лексического компонента в позиции предиката или обстоятельства в таких самооценочных высказываниях выступали частнооценочные лексемы, большинство которых имеет отрицательную сему в семантической структуре. Однако, функционируя в отрицательных конструкциях, такие лексемы участвуют в вербализации положительной самооценки.

Для самооценочных высказываний, реализуемых в рамках стратегии «опровержение критики», характерна высокая частотность местоимения *ich* как средства вербализации объекта самооценки. Предмет самооценки, которым, достаточно часто оказывалась профессиональная деятельность интервьюируемого, оязыковлялся с помощью глагольных предложений. Обращает на себя внимание более высокая частотность, по сравнению с другими группами, такого предмета, как «характер человека». Как представляется, для говорящего важно противопоставить отрицательной оценке журналиста свое положительное самооценочное суждение, в котором раскрываются константные личностные характеристики, оцениваемые положительно. Самооценки с та-

ким предметом оформлены чаще адъективными предложениями. Schäubele: *Ich bin aber nicht feige.* (F 3'00/28)

Существенное влияние изучаемой дефензивной стратегии на выбор говорящим средств для вербализации самооценки, подтверждает следующая тенденция: в самооценочных высказываниях данной группы очень высока частотность разноструктурных отрицательных конструкций. Schröder: *Das stimmt **nicht**, ich habe mich nur **nie** angebedert.* (S 39'98/40) Выбор такой номинативной стратегии вполне объясним влиянием дискурсивной стратегии – говорящий опровергает предшествующее мнение журналиста и отрицает приписываемые ему оценки. Отрицание одного оценочного суждения имплицитно подразумевает противоположную оценку. Как представляется, в агрессивной среде интервью такая форма самооценочных высказываний оказывается достаточно эффективной, поскольку политик одновременно с отрицанием негативной оценки журналиста осуществляет имплицитную положительную самооценку.

Обращает на себя внимание разнообразие средств, позволяющих варьировать степень категоричности высказывания, в самооценочных высказываниях данной группы. Так, половина самооценочных высказываний оформлена достаточно категорично (а), в то время как другие самооценочные высказывания имеют некатегоричное прочтение (б). а) Müller: ***Gar nicht.** Ich habe eine saubere Weste.* (Sn 44'99) б) Bergmann: *Ich würde mich so nicht bezeichnen. Im Gegenteil, ich habe **immer** ehrlich gearbeitet.* (F 35'97/48) Как представляется, выбор средств, оформляющих категоричную/некатегоричную самооценку, обусловлен рядом факторов, среди которых важными оказываются степень агрессивности критики журналиста, а также степень агрессивности и уверенности в себе политика. В процессе реализации дефензивной стратегии «опровержение» самооценочных высказываний преимущественно выполняли корректирующую функцию.

На втором месте по частотности стоит группа самооценочных высказываний, порожденных в рамках дефензивной стратегии «оправдание» (33%). В данной группе доминируют отрицательные по своему характеру самооценочные высказывания, в реализации оценочности которых участвуют, как правило, частнооценочные и квазиоценочные лексемы.

Самооценочные высказывания изучаемой группы отличаются крайним разнообразием языкового оформления, однако установление некоторых тенденций все же возможно. При общем доми-

нировании *ich* как средства вербализации объекта самооценки, высока частотность таких механизмов реализации стратегии дефокусации, как *man*, а также объектных форм (*mir*, *mich*) и посессивных (*mein*) от личного местоимения *ich*, которые используются с целью перемещения себя из семантической роли субъекта в семантическую роль объекта оцениваемого действия. Wolf: *Man kann natürlich nicht alles im Leben berücksichtigen. Man macht Fehler, wenn man darauf schlecht vorbereitet ist.* (TaS 01.11.2001) Keller: *Aber man hat mich einfach im Stich gelassen. Deshalb ist mir das alles nicht gelungen.* (Sn 12'99/43)

В исследуемой группе наиболее частотны самооценочные высказывания с предметом «профессиональная деятельность», которые оформлялись глагольными предложениями. Высокая частотность такого предмета самооценки обусловлена тематикой контроверзного интервью – в изученном эмпирическом материале критике подвергалась, как правило, профессиональная деятельность интервьюируемого.

Обращает на себя внимание высокая частотность в группе таких самооценочных высказываний, в которых проводится параллель с другими людьми. Clement: *Niemand ist unfehlbar, ich natürlich auch nicht.* (F 37'00/58) Важно подчеркнуть, что оценка других людей предшествует самооценке и служит смягчению негативного впечатления.

Как представляется в процессе реализации стратегии «оправдание» самооценочное высказывание выполняет функцию воздействия на адресата и служит для смягчения сложившихся о нем негативных представлений. Sayeh: *Ich bin doch nur ein kleiner Baustein in einem großen Theater. Ich leide darunter.* (S 3'95/77). Так, в приведенном примере адресант, сообщая о своих страданиях, которые он испытывает, будучи маленьким винтиком в большой машине политики, старается вызвать сострадание и сочувствие публики.

Группа самооценочных высказываний, порожденных в процессе реализации дефензивной стратегии «перенос негатива на обстоятельства», составила 5% от всех дефензивных СВ.

Самооценочные высказывания рассматриваемой группы отражают чаще отрицательную самооценку. Следует отметить некатегоричный характер реализуемых в такой стратегии самооценочных высказываний. Некатегоричность самооценочных высказываний достигалась разными способами: реализацией стратегии дефокусации, введением в высказывание деинтенсификаторов,

предикатов мнения, модальных средств с семантическим признаком <вероятность> и ряда других единиц.

Применяя стратегию «переноса», говорящий пытается не просто спрятаться за обстоятельствами на содержательном уровне, но и изменить четкость референтной связи между собой как субъектом и объектом оценки с помощью неопределенно-личного местоимения *man*: Müntefering: *Die Bedingungen waren sehr hart. Unter solchem Druck verliert man Kontrolle und bleibt unsicher.* (S 39'02)

Самооценочные высказывания данной группы вербализуют оценку профессиональной деятельности и поведения, и поэтому оформлялись чаще глагольными предложениями. Schäubele: *Ich habe dafür auch keine Erklärung, aber ich habe auch damals nicht gewusst. Deshalb fühle ich mich ja als Opfer.* (F 3'00/28) Как предстает, с помощью таких самооценочных высказываний говорящий старается вызвать сочувствие публики.

Реализация самооценочных высказываний при применении интервьюируемым дефензивной стратегии «сожаление» отмечена в 3% ситуаций. Wolf: *Ich bedauere meine Nachlässigkeit.* (S 31'99/28) Зафиксированные в исследуемом материале самооценочные высказывания данной группы имели отрицательный характер. В качестве компонента, участвующего в реализации оценочности высказывания выступали частнооценочные лексемы отрицательной семантики в позиции обстоятельства или предикативной позиции. Средством вербализации объекта самооценки в таких самооценочных высказываний является *ich*. Предмет самооценки, «профессиональная деятельность» оязыковлялся в глагольных предложениях. Следует отметить отсутствие в самооценочных высказываний данной группы средств негации.

В процессе реализации стратегии «сожаление» самооценочные высказывания выполняют функцию воздействия на адресата – смягчение отрицательного настроения публики по отношению к интервьюируемому.

В результатах проведенного исследования прослеживаются четкие тенденции влияния складывающейся дискурсивной ситуации на речевое поведение интервьюируемого в контроверзном интервью. Поведение журналиста провоцирует интервьюируемого на применение той или иной дискурсивной стратегии, которая в свою очередь определяет наполняемость самооценочных высказываний соответствующими языковыми средствами. Умение говорящего сочетать различные языковые единицы, оформляющие

самооценку, позволяет ему сформулировать самооценочное высказывание, которое способно сохранить, восстановить и укрепить имидж политика в контроверсном интервью.

Дискурсивный анализ выявил дискурсивные стратегии, к которым прибегает интервьюируемый для укрепления или защиты своего имиджа в различных дискурсивных условиях, а также позволил установить степень влияния ряда коммуникативно релевантных факторов на выбор средств вербализации самооценки как одной из значимых составляющих имиджа. Эти факторы обуславливают выбор дискурсивной стратегии (дефензивной, ассертивной), обуславливающих модификацию номинативных самооценочных стратегий и в конечном итоге – восприятие и интерпретацию анализируемых единиц. Применение различных дискурсивных стратегий позволяет вербализовать различные сведения из разных уровней и проекций Я-концепта, что обеспечивает сохранение и защиту имиджа. Ассертивный характер дискурсивной стратегии оказывается решающим фактором при отборе средств вербализации самооценки, цель которой – сохранение и восстановление имиджа. Дефензивная стратегия предопределяет выбор тех номинативных стратегий, которые позволяют опредмечивать сведения Я-концепта, необходимые для защиты имиджа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учебное пособие / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – 2-е изд., дополн.– Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – 424 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И.Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. Куликова Э.Г. Лингвистические аспекты стратегии и тактики создания имиджа политика / Э.Г.Куликова, Анистратенко Т.Г. – www.politstudies.ru/forum/ (48 КБ) 21.04.2004
4. Мытарева Н.В. Особенности интерперсональной коммуникации в дискурсе интервью / Н.В.Мытарева // Грамматика и речевая деятельность: Сб. науч. тр. – Вып 420. – Москва, 1994. – С. 80-89.
5. Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация – М: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 208 с.
6. Почепцов Г.Г. Имиджология / Г.Г.Почепцов. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер. – 2000. – 768 с.
7. Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации / Л.В. Цурикова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 257 с.
8. Barth D. Die Brisanz der eigenen Rolle – Referenzmittel und

Selbstdarstellung in Sprachbiographien ehemaliger DDR-Bürger / Dagmar Barth // Sprachbiographien. Sprache und Sprachgebrauch vor und nach der Wende von 1989 im Erinnern und Erleben von Zeitzeugen aus der DDR. Inhalte und Analysen narrativ-diskursiver Interviews. – Frankfurt/Main: Peter Lang 1999. – S. 55-200.

9. Drewes, Ralf. Identität: Der Versuch einer integrativen Neufassung eines psychologischen Konstruktes / Ralf Drewes. – Münster: Waxmann Verlag, 1993.- 272 S.

10. Ecker, H.P. Textform Interview / H.P.Ecker, J. Landwehr, W. Settekorn, J.Walther. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1977. –151 S.

11. Friedlmeier Wolfgang. Entwicklung von Empathie, Selbstkonzept und prosozialem Handeln in der Kindheit / Wolfgang Friedlmeier. – Konstanz, 1993. – 211 S.

12. Friedrichs, Jürgen. Das journalistische Interview / Jürgen Friedrichs, Ulrich Schwinges. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1999. – 222 S.

13. Goffman, Erving. Wir alle spielen Theater. Die Selbstdarstellung im Alltag / Erving Goffman. – München: Piper Verlag, 1983. –251 S.

14. Hannover, Bettina. Das dynamische Selbst. Die Kontextabhängigkeit selbstbezogenen Wissens / Bettina Hannover. – Bern: Verlag Hans Huber, 1997.- 179 S.

15. Holly, Werner. Imagearbeit in Gesprächen. Zur linguistischen Beschreibung des Beziehungsaspekts. – Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1979. – 270 S.

16. Holly, Werner. Beziehungsmanagement und Imagearbeit / Werner Holly // Text –und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Hrsg. von Klaus Brinker, Gerd Antos, Wolfgang Heinemann. Berlin: Walter de Gruyter, 2000, Bd. 2. – S. 1382-1393.

17. Langner, Michael. Zur kommunikativen Funktion von Abschwächungen. Pragma- u. soziolinguistische Untersuchungen / Michael Langner // Münster: Nodus Publikationen, wissenschaftlicher Verlag, 1994.- 307 S.

18. Laux, Lothar. "Wir, die wir gut sind". Die Selbstdarstellung von Politikern zwischen Glorifizierung und Glaubwürdigkeit / Lothar Laux, Astrid Schütz. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1996. –223 S.

19. Markus H. R. The Dynamic Self-Concept: A Social Psychological Perspective / H.R. Markus, and E Wurf // Annual Review of Psychology. – Vol. 38, January 1987. – pp. 299-337.

20. Petersen, Lars-Eric. Selbstkonzept und Informationsverarbeitung

/ Lars-Eric Petersen. – Essen: Verlag die Blaue Eule, 1994. – 179 S.
21. von Selbstkonzept-Forschung. Probleme, Befunde, Perspektiven /
Hrsg. von Sigrun-Heide Filipp. – Stuttgart, 1984.

© Кашкина О.В., 2006

Клочко Н. Н.

Латвия

ОБРАЗЫ ЕВРОПЫ В СОВРЕМЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ

(на примере антропоморфной метафорики)

«Каждый век имеет свою специфическую политическую мелодию», – заметил О. Розенштокк-Хюсси [Розенштокк-Хюсси 1999]. В политических дискурсах мира конца XX – начала XXI в. «европейская мелодия» стала символом глобальных перемен в мире, а для стран, вышедших из-под влияния СССР, она зазвучала как национальный культурно-политический гимн. Идея «возвращения в Европу» пронизала все области национальной жизни на постсоветском пространстве: она стала категорией политического, социального, культурного и нравственного порядка. Иными словами, о географическом, историческом и культурном пространстве, называемом *Европа*, можно говорить сегодня как о концептуализированном в современном политическом дискурсе [Клочко 2005].

Специфика ментального объекта, стоящего за именем Европа, состоит в том, что он исходно многомерен и допускает множество интерпретаций [Апанович 2002]. В политическом дискурсе это имя выступает в значении, метонимически связанном с названием континента, и обозначает государственные и военно-политические образования, находящиеся на территории Европы. В зависимости от контекста под имя *Европа* попадают все европейские страны; государства Западной Европы; Европейский Союз; военный блок НАТО. Все эти номинации, связанные отношениями синекдохи, принадлежат к категории «общество», и к ним применима метафора «Общество есть личность» [Кобозева 2001]. Эта метафорическая модель позволяет переосмыслить политические события, происходящие в странах Европы, в терминах человеческих мотиваций, характеристик и деятельности. Именно поэтому Дж. Лакофф и М. Джонсон назвали олицетворение «самой онтологической метафорой» [Lakoff, Johnson 1980:33].

Согласно когнитивной теории метафоры [Lakoff 1993] метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний –

когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain). Область источника – это более конкретное знание («знание по знакомству», по определению Б. Рассела), представленное в виде образа. Сфера цели – менее ясное, менее определенное знание, в нашем случае оно представлено неоднородной денотативной зоной, включающей в себя «старую» и «новую» Европу, т. е. страны Западной Европы, составляющие ядро объединенной Европы (Кerneuropa), а также страны Центральной и Восточной Европы («евроновички»). Два последних региона в западноевропейском и российском политическом дискурсе часто совмещаются и даже отождествляются по фактору недавнего членства в европейских структурах, но с точки зрения политической и культурной истории, между Центральной и Восточной Европой есть явные различия. Государства Центральной Европы многие столетия существовали как земли Австро-венгерской короны. «Аграм, Любляна, Будапешт, Краков и Прага, – писал в «Великих революциях» О. Розенштокк-Хюсси, – австрийские города» [Розенштокк-Хюсси 1999: 496- 497]. Государства Восточной Европы в Австро-венгерский Союз никогда не входили. После II мировой войны первые образовались как государства социалистического содружества, вторые вошли в состав СССР.

Каждая из зон различается по уровню сформированности демократических институтов, по экономическим, социальным и др. показателям. Значительные отличия наблюдаются и в сфере ментальности. «Европейскую цивилизационную матрицу составляют христианские ценности, но в ней можно выделить большие зоны специфичных культурных менталитетов, таких, например, как западно-, центрально-, и восточноевропейский, из которых особым образом выделяется балканский менталитет» [Лепавцов 1995:195]. Разница менталитетов, политических традиций и экономических возможностей создают внутри нового геополитического пространства – ЕС – неоднородное смысловое поле, которое условно может быть представлено в виде триады: Западная Европа, Центральная и Восточная. Таким образом, государства Центральной и Восточной Европы, одновременно вошедшие в Европейский Союз, представляют собой разные политические, экономические и культурные сегменты последнего.

Осмысленная в терминах метафорической персонификации обозначенная триада может быть представлена следующим об-

разом: «Западная Европа – это личность 1», «Центральная Европа – это личность 2», «Восточная Европа – это личность 3». Появление психологического конструкта «личность» в отличие от «человек» указывает направление дальнейшего исследования. Исходной посылкой для их дифференциации является мысль о существовании врожденных или благоприобретенных (сложившихся под воздействием социальных условий жизни) относительно устойчивых свойств (черт), которые выступают причиной поведения человека. Совокупность этих характеристик и есть личность, а их модификации и комбинации определяют типологию личности [Клонингер 2003]. Очевидно, что в исследовательском ключе для понятий однородной семантической области «личность», составляющих когнитивную структуру «источника» метафоризации, важными окажутся те характеристики, которые позволят говорить о дифференциации «личностей» 1, 2, и 3.

Иными словами, цель предлагаемой статьи состоит в том, чтобы **по метафорическому следу воссоздать образы разных регионов объединенной Европы**. Представляется, что обозначить, хотя бы контурно, в каких категориях оценивается новая Европа изнутри, то есть в европейских политических дискурсах (в том числе русском латвийском), и извне, то есть в дискурсе России, означает приблизиться как к пониманию новой формирующейся политической картины мира, так и к пониманию национальных логосфер – коллективных форм мысли и речи – в начале нового тысячелетия. Материалом для исследования послужили метафоры антропоморфного кода, извлеченные из российских и русскоязычных латвийских СМИ за период с 2000 г. до конца 2005 г., а также корпус метафор из европейских политических дискурсов за тот же период.

Сравнение и противопоставление европейских регионов в русле персонифицированной метафорики предопределило обращение к такой категориальной структуре человеческого сознания как оценка. Представление носителей языка о человеческой личности (в нашем случае Европа – это личность) укладываются (факторизуются) в различные виды оценочных суждений личности [Айзенк 1993]. Обобщенно личностная структура человека описывается, как известно, через факторы физической, этической, интеллектуальной и эстетической оценки [Петренко 1988]. Множество генерируемых на различных основаниях образов европейских регионов может быть в конечном счете сведено

к этим четырем универсальным типам оценки. Таким образом, каждый член семантической триады должен быть рассмотрен в указанном аксиологическом диапазоне.

В связи с тем, что оценочные экстремумы двукомпонентны [Мягкова 2004] (полюса оценок задаются с помощью вербальных антонимов), денотативная трехкомпонентность объекта исследования приводит к проблеме интерпретации среднего члена триады. Он, как правило, тяготеет к одному из полюсов и получает соответствующие оценочные характеристики с индексами «почти» и «скорее».

Конкретное рассмотрение оценочных характеристик начну с определяющего в смысловом отношении фактора физической оценки, включающей указания на возраст. Политический возраст европейских государств нового тысячелетия определяется временем их вхождения в Евросоюз. Нейтральная семантическая оппозиция старые / новые члены ЕС при метафорической развертке оказывается гораздо более содержательной в эмоциональном плане. Метафорические определения стран Западной Европы как *евростарожилов*, *евроаксакалов*, *евромудрецов* несут в своих коннотациях знак уважения и признания заслуг «старой» Европы. Русское уважительно-шутливое *старушка Европа* коррелирует с немецким *die Ami / Omi Europa*, а также ласкательным именем *Altchen* и синонимичным *Eherfrau*.

Возраст «евроновичков» и «евроновоселов», к которым причислены страны Центральной и Восточной Европы, в 2004 г. вошедшие в Европейский Союз, оказывается весьма небольшим. Приобщившиеся к «большой» Европе (вступившие в НАТО) двумя годами раньше государств Балтии Польша, Чехия, Венгрия и Словения в русском, материковом и островном, политическом дискурсе названы *стремительно взрослеющими: Успех европейской экономики создается сегодня быстро взрослеющими Чехией, Польшей, Венгрией, Словенией* (Вести, 2004). В терминах метафоры зооморфного кода эти государства названы *голубыми тиграми, быстро развивающимися под флагом Евросоюза* (АиФ, 2005). Признание усилий, совершаемых этими странами в деле развития демократии и экономики, рождает уважение, и это моментально фиксируется российским и западноевропейским политическим дискурсом. Формирование положительного образа центральноевропейских государств стало первоочередной задачей и самих национальных mass media, логическим продолжением национальной идеи «возвращения в

Европу». Накануне вступления Чехии в Европейский Союз в новогоднем обращении Президент Чешской Республики В. Клаус сказал: *Год 2004 будет годом вступления Чешской Республики в Европейский Союз... С этой минуты закончится формальный государственный суверенитет Чешской Республики, поскольку мы станем частью постоянно расширяющегося и приобретающего все больше полномочий европейского наднационального целого... Попытаемся стать сильнее, преодолев... свои традиционные разногласия и взаимное недоверие... С таким пониманием ситуации и чувством собственного достоинства постараемся сотрудничать с партнерами по Евросоюзу как равные с равными. Попытаемся не жаться в уголке и не прятаться за других* (Lid. Nov., 2004).

Создание положительного образа центральноевропейских государств в национальных СМИ может рассматриваться как целевой инструмент при формировании коллективной когнитивной установки (концептуальной схемы) «государства Центральной Европы – сегмент единого положительного образа Европы».

Совершенно иная в семантическом и эмоциональном плане картина вырисовывается в российском политическом дискурсе при обращении к третьему региону объединенной Европы – восточному, включающему Балтию. В силу определенных политических и геополитических причин, своего видения истории, дискриминационной политики по отношению к русским (русскоговорящим), проживающим в этих странах, несформированности демократических институтов, отсталой экономической системы и т.д. в этом дискурсивном пространстве действует негатив особой силы. Спектр характерологических предикатов подтверждает это: балтийские страны в русском политическом дискурсе названы «*проблемными*» новичками ЕС; политическими недорослями; *резвящимися демократическими недоростками, испытывающими терпение «большой» Европы; евромитрофанушками*. Образ капризного, заигравшегося в националистические игры ребенка частотен в российском политическом дискурсе при обращении к проблемам балтийского региона: *Балтийские страны капризно канючат: «Да-а-айте игрушку, ну да-а-айте игрушку»*. Игрушка для них – признание Европой факта оккупации стран Балтии Россией (Труд, 2005). Семантика политической незрелости стран Балтии представлена и в других метафорических руслах, например: *Глобальные тренды и готовность европейских военных структур к военно-*

террористическим актам обсуждали заслуженные страны-генералы, полковники, капралы, а также балтийский евроюгенд (М.К., 2005).

Физические характеристики человека включают в себя данные о состоянии его здоровья. Метафорика с референцией физического и психического нездоровья балтийских политиков, зафиксированная в российском и особенно в русском политическом дискурсе Латвии, отражает ситуацию политической и межэтнической напряженности на этом участке Европы. Явную оценочную компоненту несут в себе номинации такого рода: *страны и правительства, подверженные вирусу русофобии; политические уродцы, страдающие мегаломанией; балтийские карлицы, травмированные национализмом* и под.

Приведенный ряд предикаций, репрезентирующих образ Латвии в русском политическом дискурсе, не противоречит семантике представлений балтийских «евроновичков» в западно-европейских дискурсах. Однако уровень эмоциональной напряженности, создаваемый метафорическими референциями в последних, отмечен гораздо меньшей степенью агональности. Семантика отставания, эксплицированная в русском дискурсе как отставание в психическом развитии (*твердолобое правительство; фашиствующие недоумки; больные на голову нацики*), в дискурсах Западной Европы актуализирована в русле спортивной и образовательной метафорики. Ср.: *В европейском пелатоне по-прежнему ведут Франция и Германия* [Deutsche Bauer, 2004]; страны Центральной Европы названы *догоняющими*, балтийские страны – *плетущимися в хвосте гонки*. Действие закона политической корректности в значительной степени смягчает возможный резкий тон политических дискурсов относительно принятых в ЕС «проблемных» новичков. В качестве примера можно привести соотнесенное со странами Балтии ласкательное имя *der, das Doofi*, которое получило распространение в немецкой школьной среде и имеет сочувственное и утешительное значение, поскольку им обозначают самого слабого ученика в классе. Ср. русск.: *Брюссель выносит на повестку дня вопрос о восточноевропейских двоечниках, так и не пробившихся в список новых претендентов на принятие в ЕС* (МК, 2005). Ср. также семантику отставания, переданную в прецедентном высказывании: *Латвия – са-а-амое слабое европейское звено* (Час, 2004).

Фактор интеллектуальной оценки, востребованный, как пока-

зывает исследование, во всех рассматриваемых дискурсах, имеет свои специфические национальные характеристики. Так, например, в категориальной структуре восприятия балтийского «чужого» русское коллективное сознание акцентирует внимание на провинциальности, ограниченности кругозора политиков-прибалтов, ср.: *балтийские политические дички, балтийская деревенщина, хуторская серость*.

На противоположном полюсе интеллектуальной оценки в российском политическом дискурсе актуализированы *блеск немецкой философской мысли, французская дипломатическая изысканность, брюссельский столичный лоск, имперское мышление островитян* (англичан) и т.п.. Ведущие европейские государства названы *политической элитой Евросоюза, его сливками, завсегдадатами европейского интеллектуального клуба*.

Специфической особенностью политических дискурсов Центральной Европы является целевое, последовательное формирование ими положительного образа своего региона, при этом подчеркиваются те качества нации, которые «позволяют» ей называться европейской. Ср.: *Мы – народ культивированных гуманистов, в основании европейской цивилизации лежит и наш камень, имя которому чешская Реформация* (Lid. Nov, 2001); *Как бы мы не относились к войне (в Ираке), мы должны выполнить свой долг перед Европой* (Dnes, 2002).

Формирование образа Латвии как части европейского пространства в национальных mass media происходит на совершенно других основаниях. Латышские СМИ акцентируют в своем дискурсивном пространстве мифологемы «народа – сироты» и «поющей нации». Гиперболизация в русском дискурсе Латвии этнической самооценки титульной нации и имплицитное указание на бытующие стереотипы, сложившиеся у русских в отношении латышей, задают дискурсивному пространству иронический модус, ср.: *Самая поющая нация тянет одну только песню: «Мы не такие, как все, мы – особые, мы – народ – сирота, обиженный, угнетенный, несчастный. И потому пожалейте нас, помогите, кто чем может. Лучше в евро* (Час, 2003).

Карикатурный образ латвийского (по сути – латышского) политика-европейца формируется в русском политическом дискурсе через апелляцию к комплексам малого народа (подобострастие, лесть, двуличность). Те же качества приписываются Латвии как политическому субъекту на европейской арене. Непостоянство, рождаемое в результате вечного поиска «сильного

крыла», стремление угодить более сильному и богатому хозяину, холопство, униженный, просительный тон политического общения представлены в русском политическом дискурсе саркастически: *С одной стороны, Латвия – член ЕС, и Брюссель – наша столица. С другой, США – главный союзник Латвии. Но вот беда: между Брюсселем и Вашингтоном существуют бо-ольшие разногласия. Латвии придется кланяться на два направления: и Брюсселю, и Вашингтону. Но кланяться так, чтобы никому, простите, зад не показать, очень трудно. Нашему министру иностранных дел придется продемонстрировать высший пилотаж* (Час, 2005).

Паремиологические метафоры презентуют в российском дискурсе Латвию после вступления в ЕС в кардинально измененном облике: *ЕС уже догадывается, что пригрел на своей груди маленькую, но очень ядовитую змейку* (Огонек, 2004). *Проблемная, но маленькая и тихая страна оказалась не только агрессивна по отношению к России, но и не особенно чистоплотна, этакий хамелеончик* (Известия, 2005). Латвия, Литва и Эстония, которые в российском дискурсе часто воспринимаются нерасчлененно, представлены в образах политического хамелеона, двурушника, человека с двойным дном, чей Бог – Двупликий Янус.

История показала, что система политических договоров и альянсов способна разрушать представления об этических нормах существования государств. Но нравственная асимметрия, этическая диффузность личности и государства в рамках **уже выбранной** системы жизни обществом никак не приветствуется. Верность избранному пути, политическую бескомпромиссность демонстрируют центральноевропейские государства. Реализация европейской стратегии дальнейшего развития этих государств осуществляется на основе сознательной рефлексии – постоянного целевого обращения к идее европейского единства. Даже болезненный для малых стран Европы вопрос о Европейской конституции, задевающей их самостоятельность, решается в политической логосфере Центральной Европы с позиций верности «европейской клятве»: *Не соглашаться надо сейчас. После принятия Конституции нам ничего другого не останется, как закрыть рот и шагать в ногу* (Lid. Nov., 2005).

Очевидно, что балтийский (восточноевропейский) этический обрис не совпадает с центральноевропейским. Он резко контрастирует и с западноевропейским, особенно заметные расхо-

ждения наблюдаются в области семантической линии «дающий – берущий» («подающий – просящий»). Не вдаваясь в суть вопроса об «альтруизме» Запада по отношению к остальному европейскому пространству, отмечу, что образ «дающей» Западной Европы в центрально- и восточноевропейских дискурсах представлен как безусловно положительный, ср.: *Западная Европа – наша кормилица* (Jut. List, 2003). В русском дискурсе этот образ формируется такими метафорами как *страны-финансисты, страны-доноры*. Противоположный аксиологический полюс представлен метафорами *страны-попрошайки, страны-нищенки*.

В связи с необходимостью для государств Западной Европы идти на определенные экономические жертвы – *Чтобы Восток догнал, Западу надо притормозить* (Le Monde, 2003) – в российском политическом дискурсе звучат нотки скепсиса и тон сочувствия «старой» Европе: *Два миллиона польских крестьян, двадцатипроцентный уровень безработицы в стране, разбитые дороги, музейная стальная и горнодобывающая промышленность – все это делает Польшу крупнейшим «едоком» за европейским столом* (Коммерсант, 2004). Потребительское отношение к «дающей» Европе акцентировано и в самих центральноевропейских дискурсах. Так, например, в чешском дискурсе конца 90-х политический выбор в пользу вступления в НАТО был прокомментирован следующим образом: *Мы вступаем в союз с Германией, но надо признать, что это брак по расчету* (Dnes 2002).

«Экономические» репертуарные позиции европейских регионов маркированы в политических дискурсах соответствующим образом, что же касается политических и нравственных, то они определены не столь четко, ср.: *Большая Европа делает вид, что ничего не знает о государствах-мичуринцах, делающих из белых людей негров (неграждан)* (Лит. Газ., 2004). Таким образом, этические характеристики государств, метафорически зафиксированные в политических дискурсах, позволяют говорить о неоднозначной атрибутивной типажности Европы. Подобно тому, как человеческое сознание полифонично в смысле множественности Я, полифоничен и образ Европы, представленный в диапазоне от «идеального» до «безобразного».

Несостоятельность Латвии (шире – Балтии) в этическом пространстве Европы предопределила одну особенность: в политических дискурсах России и Западной Европы почти отсутствуют

прямые эстетические характеристики региона. Два других члена триады (Западная и Центральная Европа) в этом отношении не обделены. В центральноевропейских дискурсах образы бывших социалистических стран представлены в каузально-генетическом русле метафорики. В центральноевропейских дискурсах чрезвычайно продуктивной оказалось метафорическое русло с референцией бала, танца, концерта – того кортежа денотативных дескрипторов, которые ассоциативно связаны в сознании народов Центральной Европы с австро-венгерским периодом их истории. Ср.: *На европейский танец приглашены Польша, Чехия, Словения и Венгрия* (Lid. Nov., 2002); *На европейский паркет выходит красавица Венгрия* (Polityka, 2002); *Нас объединяют венские вальсы* (Dnes, 2002). Политическая ситуация обсуждения западноевропейскими государствами возможности принятия в Евросоюз государств Центральной и Восточной Европы обозначена в словенском дискурсе как «*касание Европы блестящим шлейфом еще не вошедших, но претендующих на вхождение в ЕС стран*» (Ljubljna, 2001).

Специфические метафорические русла, сложившиеся в центральноевропейских дискурсах, отражают «кровное» и культурно-историческое родство государств. Австро-венгерский союз, прочно связавший на три века теперешних членов ЕС – Чехию, Венгрию, Словению и Польшу, – создал у этих наций особое ощущение семейного сходства, отсюда частотные номинации центральноевропейских стран в русле «родственной» метафорической парадигмы: *красавицы-сестры*. Вспомним, что О. Розенштокк-Хюсси секрет Австрии, «интернациональной нации», обозначил как «брак между своими».

Спектр эстетической оценки Западной Европы в русском политическом дискурсе чрезвычайно широк: от безусловного плюса до абсолютного минуса: *красавица Европа и зажавшаяся, ленивая, бюргерствующая, равнодушная Европа*. Эстетические характеристики Западной Европы в русском политическом дискурсе часто даются через актуализацию негативного образа «проблемных» евроновичков, ср.: *Гордая, надменная Европа снизошла до общения с политической деревенщиной* (Труд, 2002); *Тело бывшей континентальной красавицы расплодилось и подурнело* (Лит. Газ., 2004). Та же семантика эмоционального отторжения теперешнего европейского (конкретней – «евросоюзного») статуса бывших союзных республик прослеживается не только в антропоморфном, но и в других метафорических

руслах, ср.: *Не всем в Европе пришлось по душе латвийских политический серый горох* (Час, 2005); *Европейская клумба выросла балтийскими сорняками* (Бизнес и Балтия, 2005); *Давно ко всему привыкшая Европа в шоке от латвийских националистических игр* (Моск. комс., 2005).

Весьма непривлекательный политический образ балтийского региона в русском коллективном сознании вызывает недоумение по поводу его «нужности» Европе. Ставящаяся под сомнение разумность такого шага, как принятие в состав Европейского Союза «проблемных» новичков, вызвала к жизни метафорику с референцией сомнения, ошибки, ср.: *Одним махом присоединить явно убыточные и политически нездоровые страны нельзя назвать никак иначе, как дурь начинающего коллекционера: всего и много, потом разберемся* (АиФ, 2005). *Европа напоминает сегодня пьяного от счастья человека, но что будет, когда придет опьянение?* (там же).

В конфликте «европейского» и «действительного латвийского» эксплицируется близость политических картин мира в русском и западноевропейском политических дискурсах. Явные расхождения в ценностных ориентациях «новой» и «традиционной» Европы вызывают негативную реакцию последней, которая фиксируется в метафорическом поясе политического дискурса: *Сам Дьявол толкает наших политиков к пространственному расширению ЕС* (Deutsche Bauer, 2004); *Последствия «большого взрыва» для старой доброй Европы могут стать смертельными* (Le Temps, 2004); *Дальнейшее расширение на восток и юго-восток означает дуэль с самими собою* (Blick, 2004).

Примечательно, что западноевропейский дискурс прибегает к яркой метафорической образности при помощи актуализации прецедентных фраз, например, из поэзии Бодлера: ***Ждем беды от увлеченья идеей ЕС*** (Le Temps, 2004); ***После принятия такой конституции нам неизбежно предстоит собрать цветы зла*** (Le Monde, 2004). Филологическое гурманство в семантическом поле «страны ЕС» проявляется и в англоязычных СМИ, характеризующихся довольно сдержанной метафорикой. Особенности англосаксонского воображения – черные тона, «пышная, причудливая, «пьяная» образность, поддерживаемая парами опиума и алкоголя» (Н. Гумилев) – оказываются запечатленными в политическом дискурсе, ср.: *Над вопросом о принятии в Евросоюз Турции заходили черные тучи Нибелунгов* (The Observer, 2003); *Европейская Конституция станет тем лиловым*

морем, в котором мы утонем, благословляя идею Евросоюза (The Independent, 2004). Безудержно расширяющаяся Европа в русле антропоморфной метафорики названа *non satiate (лат.) – ненасытившейся* (The Telegraph); *пьяной от геополитических успехов* (The Observer, 2004). Приведенные примеры иллюстрируют справедливость слов А.А. Потебни о том, что «поверхность языка всегда более-менее пестреет оставшимися снаружи образцами разнохарактерных пластов» [Потебня 1958: 31]. Очевидно, что и в национальных политических дискурсах в зонах семантического и эмоционального напряжения воспроизводятся собственные содержательные формы.

Примечательно, что в создании западноевропейской негации почти не используется ирония. Иными словами, недовольство проблемами, связанными с расширением Евросоюза, Западная Европа выражает конкретно, но и весьма корректно, не нарушая принципов толерантности, гуманизации и интеллектуализации политической логосферы.

Исследованный материал позволяет сделать некоторые **выводы** относительно образов европейских регионов, составляющих единую Европу. Являясь политической и культурной константой политической логосферы, Европа в дискурсах нового тысячелетия меняет свои идеологические очертания. Региональная и культурно-историческая дифференциация, наложившаяся на современную политическую ситуацию на континенте, предопределили трехкомпонентность образа Европы (Европейского Союза). Каждая из составляющих единого образа может рассматриваться как особый мир, обладающий собственной системой интерпретаций, и прочитываться как текст в тексте.

Распределение оценок по полюсам соответствует коллективным представлениям о близости / отдаленности объекта от социальных эталонов. Полюс положительного образован предикатами, описывающими в образной форме концепт «Западная Европа». Через призму категории «личность» ей приписываются физическое и психическое здоровье, социальная активность, альтруизм, здоровый рационализм, интеллигентность, понимаемая как форма внутренней духовности и выражающаяся в ответственности и чувстве сопричастности ко всему происходящему в мире, чувство личной вины за прошлое континента. Метафорические модели, «обслуживающие» левый член триады, обладают одновременно стабилизирующим свойством и мощным креативным потенциалом. Соответствующая создаваемая

метафорикой реальность прочитывается как «место, где людям хорошо».

Полюс негации соотнесен с «проблемным» для «большой» Европы балтийским регионом. Последний представлен лингвистически мощно в силу несоответствия современным коллективным представлениям о демократичности и гуманизме – основных составляющих современного цивилизованного общества. Балтия, прежде всего Латвия, в русле антропоморфной метафорики рисуется как личность с весьма ограниченным кругозором, политизированная и агрессивная, изворотливая, непостоянная, страдающая комплексами неполноценности. «Этноцентрическая» метафорика создает широкий простор не только для конкретизации образа этого региона Европы, но и задает высокую степень диверсификации дискурса. Индуцируемая образом реальность – место, где не соблюдаются права человека, – становится сигналом сильного межэтнического эмоционального напряжения.

Эмоционально-оценочная компонента концепта «Восточная Европа» имеет в российском и западноевропейском политических дискурсах одну и ту же векторную направленность. Это свидетельство того, что у России и стран Западной Европы, по данным политических дискурсов, сегодня намного больше точек соприкосновения, чем в конце минувшего столетия [Клошко 2004]. Россия и Евросоюз не являются сегодня политическими противниками (*Европа улыбается России улыбкой Шредера и Ширака* The Guardian, 2004)). Тем не менее стереотипическое этноцентрическое представление Балтии в российском и особенно в русском латвийском политическом дискурсе позволяет констатировать тот факт, что русский человек по-прежнему остается Homo Militans – человеком вечной войны.

Аксиологически полюсное представление образов крайних членов триады отражает специфическую ментальную характеристику и эмоциональную константу русских: окружающий мир оценивается в терминах «Бог или Червь», tertium non datur – третьего не дано.

Средний член триады, идентифицируемый как «Центральная Европа», – наиболее динамичен в семантическом и эмоциональном отношении как в русских, материковом и островном, так и в западноевропейском дискурсах. Метафорический корпус, формирующий представления об этом регионе Европы, можно определить как упорядоченную сеть дуалистических представ-

лений, которые тем не менее в основном тяготеют к положительному полюсу аксиологического пространства. Персонифицированный образ Центральной Европы рисуется в двух ракурсах: как единый, обобщенный и как интегративный, состоящий из нескольких в одинаковой степени привлекательных образов соседних стран, объединенных одним культурным и политическим прошлым, переживающих сходные проблемы преодоления политического наследия и динамично развивающихся. В обобщенном образе Центральной Европы акцентированы качества быстро взрослеющего, умного, достойного, но бедного человека, которому предстоит преодолеть болезни роста. Он ясно осознает стоящие перед ним цели, готов упорно трудиться, чтобы «выбиться в люди», кроме того, он хорошо помнит о своем происхождении и гордится им. Его внутренний мир сложен и противоречив: он осознает себя как европеец, оставаясь при этом поляком, чехом, словенцем и т. д.; он постоянно рефлексивирует по поводу своей зависимости; изживает в себе комплексы «маленького» человека и культивирует в себе такое качество как человеческое достоинство. В его мире важны не только политика и дело, но и некий романтический ореол. Пространство, задаваемое образом жителя Центральной Европы, оценивается в аксиологическом ключе Западной Европы как место, в котором есть проблемы, но оно может быть обозначено как достойное для человеческого существования. Как никакой другой центральноевропейский дискурс отмечен перспективным мышлением. Корпус метафоры здесь подчинен требованиям гуманизации постсоветских mass media. Центральноевропейская образность в полной мере подтверждает мысль о том, что изменяющийся мир требует приложения нравственных усилий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзенк Г.Ю. Количество измерений личности: 16, 5 или 3? – критерии таксономической парадигмы // Иностранная психология. 1993. Т. 1. № 2. С. 31-44.
2. Апанович Фр. Образы России и Европы в прозе и дневник Михаила Пришвина. Катовице, 2002.
3. Клонингер С. Теории личности. Познание человека. СПб., 2003.
4. Клочко Н. Внешний мир и внутренний порядок современных славянских политических логосфер. Прага, 2005.
5. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МУ. 2001. Сер.9.Филология. №6. С. 132-149.

6. Лепавцов А. Ко може гарантира сигурноста на Балканот. Скопје, 1995.
7. Мягкова Е. Ю. Эмоции в сознании носителя языка // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. Москва - Барнаул, 2004. С. 86-101.
8. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1989.
9. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т.1.
10. Розенштокк-Хюсси О. Великие революции. Автобиография западного человека. New York. 1999.
11. Kločko N. Kulturní zvláštnosti moderních slovánských politických logosfér. – Praha, 2004.
12. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. *Metaphor and thought* / Ed. By A. Ortony. Cambridge. 1993.
13. Lakoff, G., & Johnson, M. *Metaphors we live by*. Chicago and London, 1980.

© Ключко Н.Н, 2006

Лассан Э.Р.

Вильнюс

О ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ КАК ПОПЫТКЕ ОБУЗДАНИЯ ИНСТИНКТА АГРЕССИИ

Только до чего скучны разговоры за бюргерским столом... Курица с ананасами, привлекающая острой разницей вкуса..., плохо вяжется с пресной политкорректностью беседы... Ни свежих суждений, ни – не дай Бог! – осуждений и ни слова о турках, которые тут на каждом шагу, ни о хлынувших после войны в Германию евреях, от гуманитарной помощи которым уже трещит бюджет.

С. Есин «Марбург»

В связи с последним событиями во Франции, когда в пригородах Парижа горели автомобили, подожженные арабскими жителями страны, с экранов российского телевидения часто раздавалось слово «политкорректность» – как правило, в негативном контексте. Так, известный комментатор Михаил Леонтьев, сопоставляя ситуацию в России и Франции, сказал примерно следующее: «Слава Богу, Россия не скатилась еще до политкор-

ректной каши». Примерно в это же время в польском городе Кельце прошла конференция политологов и антропологов под названием «Политкорректность – равенство или свобода?», название которой побуждает думать о возможном ущемлении главной ценности «свободного общества» в «эпоху политкорректности». Вообще, как представляется, в пространстве, именуемом «посткоммунистическим», политическую корректность не любят. Реформы в области языка представляются или анекдотичными (например, там, где характеристики вроде *толстый (полный)*, *глухой* предлагается заменить на *горизонтально ориентированный* и *визуально ориентированный*), или же лишаящими свободы выражения истины (там, например, где вместо *олигофрен* предписывается употреблять *альтернативно одаренный* или там, где правила хорошего тона запрещают обсуждать проблемы «нашествия» эмигрантов (см. эпиграф).

В «политкорректности» видят угрозу европейской цивилизации и причину проблем современной Западной Европы: Так, говоря об интеллектуальных истоках идеи политкорректности, Агнешка Колаковская, автор статьи в журнале «Новая Польша» (2004) следующим образом дефинирует это понятие: «Предварительное определение могло бы звучать так: политкорректность – идеология левая; эгалитаристская и антиэлитарная; враждебная культуре и ценностям Запада; догматическая и нетерпимая, хотя и провозглашающая терпимость; тоталитарная, ибо желает подчинить своим требованиям мышление во всех областях жизни; опирающаяся на абстрактные принципы, перевешивающие здравый разум; делящая общество на группы, которые становятся группами с собственными, обособленными интересами; характеризующаяся презрением к людям, фактам и уму и в то же время провозглашающая своей целью справедливость и благо человечества... Говоря конкретнее и не так мягко, она облегчает и ускоряет распад нашей цивилизации» [Колаковская 2004: <http://www.novpol.ru>].

Позволю себе указать, в соответствии с выдвигаемым А. Колаковской тезисом о необходимости называть вещи своими именами, на недопустимость подобного построения определений, жанр которых тяготеет к научному дискурсу – здесь же превалируют оценочные, а не дескриптивные характеристики. Требование построения научных определений стоит на исключении моментов субъективного отношения – в противном случае мы имеем дело с публицистикой, для которой возможны характери-

стики, но чужды определения.

Статья Колаковской получила одобрительные отклики на российских интернет-сайтах, поэтому автору, принципиально не согласному со способами аргументации, использованными в названной статье, представляется необходимым подчеркнуть места, на взгляд автора, не соответствующие истине.

Несколько слов об истории термина и его содержании. Авторитетный американский словарь относит возникновение термина к 1983 году (он впервые был предложен Карен де Кроу (Karen de Crow), президентом Американской Национальной организации в защиту прав женщин (National Organization for Women) [Merriam Webster Collegiate Dictionary, Electronic Edition, 1994–1995, Merriam Webster Incorporated: www.m-w.com/cqi-bin/dictionary]. «С тех пор этот термин, подразумевающий особую манеру поведения, общения, систему оценок, получил широкое распространение сначала в американских студенческих городах-кампусах, а затем стал активно использоваться и во всех остальных сферах. Сегодня политическая корректность – обязательная часть *языковой практики* (выделено авт. – Э. Р.) западного, в первую очередь американского, общества» [Иванова. 2002: vss.nlr.ru/queries/cat.php?rubric=&p=23]. Под политической корректностью согласно указанному словарю, принято понимать «стремление найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.» [Merriam Webster Collegiate Dictionary, Electronic Edition, 1994–1995, Merriam Webster Incorporated: www.m-w.com/cqi-bin/dictionary]. Если политкорректность – практика американского общества, то на чем основываются утверждения А. Колаковской об антиамериканском и антизападном характере идеи политкорректности? И если принимать «политкорректность» как чисто речеповеденческую стратегию («Политкорректность – запрещение обсуждать негативные стороны собеседника и его группы самоидентификации» [Шульгин 2003: 56]), то в чем же причины столь острого неприятия этого явления, выражаемого на страницах интернет-изданий примерно так: «Основная добродетель суки – умение держать равновесие, умеренность. Эту черту сука ценит, культивирует в себе с детства и очень не любит, когда ее замечают

другие. Политкорректность для суки становится инстинктом – даже в пьяном виде сука не скажет лишнего, а если и вырвется что-то сомнительное – будет очень озабочена тем, как это обработать в свою пользу» [Виноградов: Nudnik_ru.htm].

Менее экспрессивные аргументы, принадлежащие, как правило, лингвистам и не лишённые рационального начала, заключаются в том, что политкорректность есть не что иное, как языковая игра, состоящая в замене устоявшихся обозначений, имеющих отрицательные коннотации, эвфемизмами, такими коннотациями не обладающими. Однако в силу того, что отношение к явлению определяется не столько языком, отражающим действительность, сколько характером самого явления, эвфемизмы вновь приобретут соответствующие коннотации, поэтому практика политкорректности, в сущности, оказывается бесполезной [<http://pl.wikipedia.org/wiki>].

Позволю себе не согласиться с тем, что язык – скорее отражение убеждений, а не средство их формирования – об этом написано так много в работах по анализу возможностей манипуляции сознанием, что, видимо, не стоит останавливаться на тезисе о том, что «властью обладает тот, кто обладает правом называть вещи» (Г. Маркузе). Во всяком случае, тот, кто в детстве воспринимает номинацию *native American*, увидит в обозначаемом ею лице исконного обитателя земель, называемых сегодня *Соединёнными Штатами Америки*, и по этой причине обладающего никак не меньшими правами на территорию общего проживания, в то время как номинация *Indian* колонизаторскую сторону американской истории затемняет, приписывая обозначаемому лицу признаки выделенности из сообщества «сто процентных американцев» в силу экзотичности и нецивилизованности. Позволю высказать предположение, что именно благодаря «политкорректности» в фокусе внимания американского общества оказываются группы, обычно относимые к маргиналам и потому не достаиваемые внимания кинематографа, литературы и т.д. Так, именно американское кино рассказывает о жизни и любви *альтернативно одаренных* – в нашей терминологии *дебиллов, олигофренов* («Человек дождя», «Форест Гамп» и др.), именно американское кино говорит о том, что полноценная жизнь и любовь продолжают и в преклонные годы

Возвращаясь к вопросу о неточностях в статье «Интеллектуальные истоки политкорректности»... Если действительно стремиться к более точному определению ее истоков, то следу-

ет назвать и деконструктивистские концепции языка, обнаружившие в нем этнические и «сексистские» стереотипы и принадлежащие, в первую очередь, французским интеллектуалам – Деррида, Кристевой и др. – что делает утверждение А. Колаковской об антиэлитарном характере «политкорректности», во всяком случае, в части происхождения этой идеи, мягко говоря, сомнительным.

Несет ли субъект, оскорбляющий своими высказываниями представителя другой расы или этнического меньшинства, ответственность за свои слова? В духе деконструктивистской теории – пишет словенский философ Рената Салецл – ответ был бы таким: он просто воспроизводит доводы и стереотипы, принадлежащие дискурсивному пространству сообщества (поскольку, согласно теории деконструкции, текст первичен по отношению к миру и человек есть продукт воспринятых им дискурсов). Сталкиваясь с подобного рода подходом, возникает соблазн сказать, что в нем просто не остается места для индивидуальной ответственности. Однако деконструктивистская позиция не столь прямолинейна; она настоятельно утверждает необходимость следования «политической корректности»; то есть язык должен быть изменен так, чтобы в нем не отражались расистские, сексистские или этнические предубеждения» [Салецл 1999: 128].

Почему же все-таки предлагаемые реформы в области дискурсивных практик встречают ожесточенную критику прежде всего в странах Восточной Европы? Прежде чем высказать свою точку зрения на причины противоречивого отношения к политкорректности, позволяющей формулировать дилемму *свобода или равенство*, отметим параллель политкорректности и существующего в лингвистической прагматике принципа Кооперации, призванного сделать общение максимально эффективным. Этот принцип также не принимается многим логиками и лингвистами, высказывающими сомнения в реалистичности его возможностей регулировать межличностное общение. Согласно постулатам Кооперации Грайса речевая деятельность трактуется как форма совместной деятельности, направленной на достижение определенного совместного результата – максимально эффективно обмена информацией. Принцип Кооперации складывается, как известно, из четырех постулатов: 1) *говори правду*, 2) *говори столько, сколько нужно на данном шаге коммуникации*, 3) *говори по существу*, 4) *говори ясно*. Постулаты Грайса дополняются

правилами вежливости Дж. Лича, призванными сделать коммуникацию еще более комфортной: к ним относятся, в частности, такие максимы, как *максима симпатии (выражай симпатию другому)*, *максима согласия (своди к минимуму разногласия)*, *максима одобрения (не ругай другого)*, *максима скромности (не хвали себя)*. Противникам максим вежливости представляется, что поведение по «правилам Лича» ориентировано на некую идеальную коммуникацию, оно исключает случаи конфликтов и, что часто можно услышать от русских ученых, обрекает общение на неискренность, т.е. противоречит требованию Грайса: *говори правду*. Согласно такой позиции, правда может быть только горькой, почитаемой же ценностью является, как об этом говорится в русском языке, *резать правду-матку в глаза*. Думается, что противники максим вежливости, скорее всего, не одобряют речевую деятельность деятельности иного рода, имеющей результатом вполне конкретный продукт, напр., строительству дома бригадой рабочих или исполнению песни хором, где четкое взаимодействие – кооперация – есть условие качественного результата. Остается обсуждать правомерность аналогий между речевой и неречевой деятельностью, и тут, думается, «противники вежливости» интуитивно ощущают, что речь, коммуникация, возможно, как никакая другая деятельность, дают возможность, практически безнаказанной реализации одного из врожденных инстинктов – инстинкта агрессии, или, если принимать термины З. Фрейда, инстинкта смерти. Здесь я опираюсь на работу известного этолога К. Лоренца «Агрессия» [Лоренц 1992: 5-39]. По Лоренцу, в мире наших животных предков существуют механизмы, «которые сдерживают агрессию у различных общественных животных и предотвращают смерть сородича... Эти механизмы наиболее важны и потому развиты у тех животных, которые в состоянии убить существо примерно своего размера. Так, ворон может выбить глаз ворону одним ударом клюва, волк может вспороть одним укусом другому волку яремную вену. Поэтому если бы не было запретов, предотвращающих убийство сородичей, давно бы не было ни волков, ни воронов. У мелких животных, чье тело не имеет особого органа убийства, эти запреты, соответственно, отсутствуют – у них существует внутривидовая борьба, обостряющаяся в условиях неволи. И горлица – символ всего самого мирного – может до смерти замучить своего собрата» [Лоренц 1992: 18]. Человек же, по Лоренцу, к сожалению, не унаследовал всей

«натуры хищника» – у него нет естественного оружия, принадлежащего телу, которым он мог бы убить крупное животное, и поэтому у него нет механизмов безопасности, возникших в ходе эволюции, которые удерживают профессиональных хищников от применения оружия против сородичей.

С другой стороны, Лоренц приводит пример того, как нереализованный инстинкт агрессивности у человека, в принципе, не чуждающегося убийства сородича, может приводить к тяжелейшим неврозам: он рассказывает об индейцах племени юта, тяжело страдающих от избытка агрессивных побуждений, не реализуемых в условиях урегулированной жизни современной индейской резервации в Северной Америке. Индейцы-юта, которые в течение нескольких столетий вели жизнь, практически полностью состоявшую из войн и грабежей, сегодня чаще, чем другие люди, подвержены неврозам и склонны к самоубийству. В этом племени существует строжайший запрет на убийство соплеменника (насилие по отношению к чужим – в порядке вещей) – убивший соплеменника должен покончить с собой. Перед нами пример запрета на внутривидовую агрессию, приводящего к тяжелым нервным срывам. Мы же, в отличие от юта, способны «разряжаться» на «сородичах». И все-таки постоянное создание образа врага – в лице инородцев, инакомыслящих, людей иной ориентации, иного пола (так, на российском телевидении прошла передача под названием «За что мы не любим мужчин») – не говорит ли о том, что и в человеке существует инстинкт межвидовой агрессии, отсюда – константная для человеческого сознания оппозиция *свой-чужой*. Однако наделенный абстрактным мышлением и языком, человек вербальным способом мотивирует древние инстинкты, с одной стороны, маскируя инстинктивный характер своего неприятия *чужого*, с другой – стремясь наложить на эти инстинкты вето. «Межвидовая» агрессия выплескивается через так называемую «речь-ненависть», и «политкорректность» – это попытка создания человеческим сообществом механизма ее сдерживания, равно как максимы вежливости Лича призваны тормозить межличностную агрессию, сопоставив в животном мире с агрессией внутривидовой».

В какой мере правомерно приравнивать речевые действия к насильственным, агрессивным действиям против другого субъекта? В той мере, в какой насилием можно называть «принуждение людей к принятию определенных условий или к какому-то поведению с помощью (чаще всего воображаемого) разрушения

их биологической или психической жизни» [Гржегорчик 1992: 540]. В психоанализе цель речи-ненависти видится в покушении на идентичность Другого. «В речи-ненависти мы сталкиваемся с той же логикой, что и во всех других формах насилия... В речи ненависти мы сталкиваемся с требованием атакующего к жертве, чтобы та пересмотрела свое восприятие целостности, свое чувство идентичности. При этом представляющие меньшинство человек или раса не могут защитить себя, обратившись к критике «идеологии», поддерживающей фундамент атакующего» [Р. Салецл 1999: 129]. Вот где интеллектуальные истоки политкорректности – в защите слабого Другого от словесного насилия, поддерживаемого «Большим Другим» – символической структурой, с которой отождествляет себя «словесный насильник». (Если защита слабого есть проявление эгалитарности, то приходится согласиться с А. Колаковской – да, в этом смысле «политкорректность» «эгалитарна».) В качестве «слабой группы» может выступать этническая, идеологическая или иная группа, ощущающая свою «другость», незащищенность в социуме... Вот почему политкорректность должна стать, по мнению ее сторонников, государственной идеей, а «наблюдение за ее соблюдением» – прерогативой власти: в этом случае расист или сексист теряет свою целостность, свою идентичность с Большим Другим.

В свете сказанного причину неприятия запрета на выражении нерасположенности к Другому прежде всего в странах посткоммунистического мира можно усмотреть в следующем: 1) в ощущении стресса от подавляемых фобий и стремлении избавиться от чувства подавляемых инстинктов; 2) в стремлении реализовать инстинкт превосходства (жизни) через приобщение к Большому Другому. Там, где в силу условий жизни – нужды, забот, низкой самооценки, в силу лишенного ценностных смыслов труда моральная составляющая бытия притупляется (Лоренц), там потребность в реализации инстинктов выше, чем в ситуации, где человек свободен для моральной рефлексии и выработки сдерживающих эти инстинкты механизмов (события в Новом Орлеане во время разгула урагана «Катрина» свидетельствуют об этом – несмотря на то, что политкорректность исповедуется именно в американском обществе, это не помешало выплеску инстинктов насилия, жертвами которых становились прежде всего другие в расовом отношении люди). Видимо, в наших странах в силу указанных причин стремление к инстинк-

тивными формам поведения выше, чем в более благополучных. Отсюда запреты на определенное коммуникативное поведение воспринимаются как запреты на самовыражение, более того – как покушение на свободу личности, в сущности, вкуса свободы, еще не познавшей и вряд ли способной ответить на знаменитый вопрос Ф. Ницше: «Не говори мне, от чего ты свободен, скажи, для чего ты свободен?» В противовес политкорректности как формы борьбы с покушением на идентичность этнически Другого русский философ Н.Н. Шульгин предлагает тактику «стереоадаптивных диалогов». Приведем вначале пример такого диалога. Некий «Балдиспельш» без какого-либо повода называет некоего «Петрова» «руссише швайн». С точки зрения «политкорректности» – говорит Шульгин, – «Петрову» полагается написать жалобу в Европарламент или направиться к стражу порядка. В соответствии же со стереоадаптацией «Петров» произносит что-нибудь наподобие: «А что, «швайн» весьма полезное животное». Если же «Балдиспельш» продолжит критику «Петрова» и назовет его «глупым» или «пьяным», «Петров» парирует дальше «зато дуракам везет». Или: «Разумеется, ведь *in vino veritas*». В результате такого диалога, по Шульгину, выигрывают оба. «Балдиспельш» выговорится и, таким образом, не станет жертвой стресса на почве политкорректного подавления фобий. А «Петров»? Он, по Шульгину, тоже не станет особенно переживать из-за того, что услышал в свой адрес *нечто, не заслуживающее внимания*. «Назовем диалог *стереоадаптивным*, – говорит Шульгин, – если его главной целью является не установление истинности в ходе обсуждения аргументов и контраргументов, а преодоление угрозы статусной депрессии в ходе *позитивного парирования* неправомερных инвектив. В отличие от *негативного парирования* («нет, это не так») позитивное парирование происходит не в акте отрицания, а в акте принятия («да, это так, ну и что») [Шульгин 2003: 58]. Таким образом, если политкорректность усекает границы возможных дискурсивных практик, то стереоадаптация, согласно автору, расширяет нормативные границы дозволенных дискурсов и обеспечивает как свободу самовыражения, так и приспособление к этническим стереотипам, точнее исчезновение страхов перед их вербализацией со стороны возможного собеседника.

На мой взгляд, тактика стереоадаптивного диалога может быть действенным оружием против «фобов», но только в том случае, если в обществе возможен равноправный диалог между

«атакующим» и «объектом атаки». В свою очередь, такой диалог возможен, если «атакующий» не может выступать от имени Большого Другого, то есть если общество осуждает фобии и приветствует корректность в отношении Другого. Автор предлагаемого сообщения имел возможность продемонстрировать возможность подобного «стереоадаптивного» диалога в разговоре с лидером литовских националистов Р. Мурзой. В ходе одной из телевизионных передач («Есть ли в Литве пятая колонна?») Р. Мурза задал автору вопрос: «Действительно ли нельзя говорить ничего плохого о евреях?» Автор предложил лидеру партии националистов высказать свои претензии в адрес евреев. Состоялся примерно такой разговор: «Вы правите миром со времен Римской империи, затеываете заговоры, совершаете революции и т. д.» – «Да, я с Вами согласна, но если мы способны в течение тысячелетий, как вы говорите, управлять миром, то не свидетельствует ли это о силе и мудрости моего народа?» – После некоторого молчания: «Согласен». Несмотря на успех «переговоров», подчеркну, что он стал возможен только потому, что литовский ксенофоб осознавал нелегитимность своего дискурса в сложившемся коммуникативном пространстве социума. (Впрочем, следует заметить, что приятие собеседника Р. Мурзой в ходе описанного разговора не остановило потока его «нелегитимных» антисемитских выпадов в дальнейшей «политической» деятельности, так что «стереоадаптивный диалог» вызвал лишь кратковременное облегчение у обеих сторон.) И тут встает вопрос о факторах, способных сделать такой дискурс легитимным, а именно, – вопрос о роли средств массовой информации в формировании «политкорректных» и «неполиткорректных» речевых практик. На мой взгляд, более предпочтительными являются «политкорректные» тактики СМИ, даже если кому-то покажется, что неозвучивание опасности, которая исходит, как это представляется сегодня, от представителей другого этноса или расы, чревато опасностями для европейской цивилизации в целом. Европа действительно находится перед лицом угрозы своим ценностям – эти ценности не носят религиозного или государственного характера, что позволяет некоторым говорить об их отсутствии у современного либерального общества вообще. Этическая аксиома либеральных ценностей, укрепившихся в Европе – это уважение к Другому – и Европа должна не сдавать их, даже находясь в прямом противостоянии с теми, для кого жизнь Другого ценностью не является. Но отказываться от ува-

жения к Другому – значит, отказываться от своих завоеваний, а без них – в чем же тогда ценность европейской цивилизации?

Таким образом, политкорректность есть идеология уважения к Другому, а инструментом ее реализации является эвфемистическая реорганизация речевых практик (не языка!). Постмодернистское мироощущение, разрушавшее традиционные для создания оппозиции, покусилось и на оппозицию *свой-чужой*, – эта попытка реализовалась в идее политкорректности, апологеты которой, возможно, даже не представляли, на какую опасную территорию – царство инстинкта – они вторглись.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гргегорчик А. Духовая коммуникация в свете идеалов ненасилия. // Вопросы философии, 1992, № 3.
2. Колаковская А. Imagine... Интеллектуальные истоки политкорректности. // Новая Польша. Варшава, 2004, № 3 (51), март <http://www.novpol.ru>
3. Лоренц К. Агресия (так называемое Зло). // Вопросы философии. 1992, № 3.
4. Сапецл Р. Извращения любви и ненависти. – М., 1999.
5. Шульгин Н. Н. За горизонтами политкорректности. // Вопросы философии. 2003, № 6.
6. Merriam Webster Collegiate Dictionary, Electronic Edition, 1994–1995.
7. Wikipedia. Энциклопедия. <http://pl.wikipedia.org/wiki>

© Лассан Э.Р., 2006

Нахимова Е.А.

Екатеринбург

О ФОРМАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ АНТРОПОНИМА

Прецедентные антропонимы – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не для обозначения конкретного человека, а в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств (Гудков и др. 1997; Гудков 2003; Красных 2002; Кузьмина 2004; Нахимова 2004, 2005; Слышкин 2000, 2004; Смулаковская 2004 и др.). В самых различных лингвокультурных сообществах имена Дон Жуан и Ловелас уже много веков выступают как знак чрезмерного женолюбия, Вольтер – как символ свободомыслия, Дон Кихот – как символ бескорыстной борьбы за справедливость. В последние годы количество прецедентных антропонимов, используемых в средствах массовой информации, стремительно расширяется, рас-

тет и частотность их использования, что связано, в частности, с особенностями постмодернистской парадигмы, так характерной для современной политической публицистики (Бирюкова 2005; Нахимова 2004; Слышкин 2004; Сметанина 2002 и др.).

При рассмотрении прецедентных антропонимов лингвисты обычно говорят о переходе имен собственных в имена нарицательные. Такое преобразование предопределяет как возможность употребления форм множественного числа, так и использование в начале слова не прописных, а строчных букв. Кроме того, сам факт применения слова в необычном смысле делает целесообразным использование кавычек. Так имена собственные Дон Жуан и Дон Кихот (иногда именуемые также с использованием дефиса Дон-Жуан и Дон-Кихот) преобразуются в «донжуанов» и «донкихотов», то есть в нарицательные имена.

Названные семантические, грамматические и графические изменения представляют собой формальные показатели перехода имени собственного в разряд имен нарицательных. Еще один признак такого перехода – это включение соответствующего имени в толковые словари, в которых, как правило, отсутствуют словарные статьи на обычные имена собственные. Примером может служить следующая словарная статья в «Толковом словаре русского языка» (Ожегов, Шведова 2001). Ср.:

ДОНКИХОТ, а, м. Станный для окружающих человек, рыцарски самоотверженно борющийся за отвлеченные идеалы добра [по имени героя романа Сервантеса]. *Людям нужны донкихоты* // прил. *донкихотский*.

В «Современном словаре иностранных слов» (1992) представлена следующая словарная статья на указанное существительное. Ср.:

ДОНКИХОТ [от имени Дон Кихота, героя романа испанского писателя Сервантеса] – наивный мечтатель, благородный и великодушный человек, рыцарски самоотверженно борющийся за нежизненные, неосуществимые идеалы.

Переход имени собственного Дон Кихот в имя нарицательное отмечает и «Советский энциклопедический словарь» (1979). Ср.:

ДОН КИХОТ (Don Quijote), герой романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605). Имя Д.К. стало нарицательным для обозначения человека, чье благородство, великодушие и готовность на рыцарские подвиги вступают в трагическое противоречие с действительностью.

Показательна и словарная статья на рассматриваемое слово в орфографическом словаре-справочнике «Прописная или строчная? (Розенталь 1986), где отчетливо противопоставлены правописание имени собственного и соответствующего ему прецедентного антропонима. Ср.:

Дон-Кихот Ламанчский (герой романа Сервантеса); но: донкихот (фантазер, наивный мечтатель).

В другом орфографическом словаре-справочнике (Лопатин, Чельцова, Нечаева 1999) различия между именем собственным и рассматриваемым прецедентным антропонимом представлены следующим образом:

ДОН КИХОТ

Дон Кихот, -а (лит. персонаж)

донкихот, -а (благородный наивный мечтатель).

В орфографическом словаре А.Н. Тихонова (1999), в котором отсутствуют имена собственные, рассматриваемый прецедентный феномен представлен в слитном написании, начинающемся со строчной буквы.

Отметим также, что по данным указанных лексикографических источников рассматриваемое слово при переходе его в прецедентный антропоним утрачивает пробел (или дефис) и начинает писаться слитно, то есть *Дон Кихот* (он же и *Дон-Кихот*) превращается в *донкихота*.

К сожалению, прецедентные антропонимы из политической сферы практически отсутствуют в современных орфографических словарях, в том числе в словарях, которые призваны регламентировать правописание прописных и строчных букв (Розенталь 1986; Лопатин, Чельцова, Нечаева 1999; Тихонов 1999). Отметим также, что общие рекомендации, помещенные в эти словари, не всегда способны подсказать правильное решение. Так, в словаре Д.Э. Розенталя даются следующие рекомендации по правописанию:

Собственные имена, ставшие нарицательными, пишутся со строчной буквы, например: *альфонс*, *держиморда*, *донжуан*, *ловелас*, *ментор*, *меценат*, *Ванька* (прозвище извозчика в дореволюционной России), *ванька-встанька* (игрушка).

Сохраняется написание с прописной буквы, если фамилия, употребленная в нарицательном значении, не переходит в ряд существительных нарицательных, например: *Мы... твердо были уверены, что имеем своих Байронов, Шекспиров, Шиллеров, Вальтер Скоттов* (Белинский).

Но если индивидуальные названия людей употребляются в презрительном смысле как родовые обозначения, то они пишутся со строчной буквы, например: *презренные носке и шейдема-ны* (предатели социал-демократы), *квислинги* (коллорабационисты) [Розенталь 1986: 306].

Следует отметить, что точные критерии уже свершившегося или еще не закончившегося перехода прецедентных антропонимов в разряд имен нарицательных не определены, а «презрительность смысла» не относится к числу точных критериев. Поэтому в современных публицистических текстах наблюдаются следующие факты вариативного правописания и грамматической вариативности.

1. Использование как прописных, так и строчных букв. В современных газетных текстах прецедентные антропонимы, восходящие к именам собственным, пишутся как с прописной, так и со строчной буквы. Использование прописной буквы свидетельствует о том, что соответствующее существительное воспринимается автором как имя собственное. Ср.:

*За счет наших детей, пенсионеров, ветеранов труда и войны мы растили **Арафатов** (здесь и далее прецедентные антропонимы выделены нами. – Е.Н.), кредитовали **Саддамов Хуссейнов**. У нас и до сих пор что ни план – то «громадьё». Мы еще не расселили коммуналки, не накормили беспризорников, а рвемся возводить показушные «сити» или строить «либеральную империю» (В. Костиков, Вожди без пьедесталов). Дайте нам 20 лет покоя. **Без Шариковых**, без истерик. Вы не узнаете Россию – мы будем жить лучше, чем в Европе (Б. Немцов. Интервью).*

Использование начальной строчной буквы свидетельствует о том, что автор воспринимает данное значение слова как относящиеся к числу нарицательных, то есть не закрепленных за отдельным индивидом. Ср.:

*Россия – родина слонов, **жириновских и шандыбинных** (В. Устюжанин. Название заметки в газете «Комсомольская правда»). **Зашевелились и всплыли на телеэкране, казалось бы, позабытые немцовы с хакамадами** и даже жгучая брюнетка Новодворская прошепелявила что-то с какой-то там наспех сколоченной трибуны. Экранное явление этих политических теней в высшей степени симптоматично (П. Владов. Призраки).*

Интересно, что газета «Комсомольская правда» в тексте ин-

тервью с саратовским губернатором использует то прописную, то строчную букву для обозначения людей, подобных герою пьесы М.А. Булгакова. Ср.:

– У меня, вслед за Столыпиным, на великого писателя Толстого зуб имеется. Сказав однажды, что земля – достояние Бога, он своим авторитетом благословил в России всяких **Швондеров**, которые и сейчас орут под ухом, что земля – это мать, а матерью не торгуют. А что, отцом-хлебом, торговать, значит, можно?

– Это кто такие, по-вашему, сельские **швондеры**?

– **Швондер** – это как Емеля на печи: бездельник с гармошкой, но только еще и с наганом. Слава богу, в роду Аяцковых лодырей и **швондеров** не было (Д. Аяцков. За это пространство я отвечаю!).

Нетрудно заметить, что в рассмотренных контекстах прецедентные антропонимы, употребленные «в презрительном смысле», о котором пишет Д.Э. Розенталь (1986) напечатаны с использованием как строчных, так и прописных букв.

2. Употребление форм как единственного, так и множественного числа. В соответствии с общими закономерностями русского языка имена собственные, как правило, могут использоваться только в форме единственного числа, тогда как большинство имен нарицательных способно изменяться по числам. В форме единственного числа эпизодически употребляются и прецедентные антропонимы, но сам по себе этот факт не является показателем отсутствия смысловых преобразований и принадлежности слова к числу имен собственных. Ср.:

*Демократия – это «щит» и для самих силовиков, прививка от соблазна поучаствовать в «играх власти»». Гарантия того, что после очередной смены **«кучмы»** их не поволокут на майдан и не найдут, как Кравченко, в служебной пристройке с пулей в затылке (В. Костиков. Азбука для «особистов»). Выход здесь я вижу один: для того, чтобы в судебном процессе стороны были представлены равноправно, наше государство должно в законодательном порядке обеспечить сбор доказательств как «за», так и «против». Иными словами, должны работать как бы два следственных механизма – **Жеглов и Шарапов** должны снова работать вместе (П. Полуян. Осудить нельзя помиловать).*

Специальные наблюдения показывают, что при рассматриваемых смысловых преобразованиях прецедентные антропони-

мы значительно чаще используются в форме множественного числа. Ср.:

Накануне Победы горстка «детей Арбата» пишет «саги», снимает «штрафбаты». Опираясь на путинское телевидение, спуская с поводков «радзинских», «розовских» и «радзи-ховских», тщится в очередной раз вбить кол в сталинизм (А. Проханов. Сталин не бронза, а скорость света).

Употребление формы множественного числа акцентирует переход антропонима в разряд имен собственных, возможность его использования по отношению к различным людям. Вместе с тем иногда встречаются очень близкие по смыслу высказывания, которые отличаются друг от друга именно тем, формы какого числа используют авторы. Ср.:

*В результате ошибок вождей Россия почти на сто лет сошла с магистрального пути европейского развития. Где наши **Черчилли, де Голли, Рузвельты, Дэн Сяо-пины?** Почему все наши вожди на исторической дистанции проиграли «забег» и оказались политическими банкротами? (В.Костиков. Куда ведут амбиции лидеров). К несчастью, у нас не оказалось своего **Дэн Сяо-пина**, как и своего **Людвига Эрхарда** (Ф.Бурлацкий. Сталин и Мао видят нас).*

Как показывают данные примеры, при написании прецедентных антропонимов, употребленных в формах множественного числа, используются как строчные, так и прописные буквы.

3. Написание как в кавычках, так и без кавычек. Еще одним показателем функционирования прецедентного имени в качестве культурного знака, лишь косвенно связанного с носителем соответствующего имени собственного, могут служить кавычки, которые, как известно, способны свидетельствовать об использовании слова в каком-то необычном смысле. Ср.:

Нынешняя война либералов с властью – это путь маргинализации демократического движения. Да и не годятся наши оранжевые «немцовы» на роль плакальчиков за Россию (В.Костиков. Догоняющая демократия). Главные спонсоры «демократической оппозиции» – павшие олигархи Березовский, Невзлин. «Человеческая обида» этих «графов Монте-Кристо» вполне понятна. Но это – их личные проблемы (Л. Радзиховский. Идущие вместе).

В других случаях авторы газетных текстов не считают необходимым использовать кавычки для выделения прецедентных антропонимов, что в целом не мешает правильному восприятию

их смысла. Ср.:

*Эдуард Лимонов, потенциальный Робеспьер «ситцевой» революции, принял меня соответственно – в типовой квартире подпольщика (В. Ворсоби́н. Вожди льготного бунта). Есть люди, навсегда потерянные для партнерства. У фальшивых либералов и настоящих фашистов все больше общего. Ничего удивительного. О таких писал еще Достоевский. И сегодня все эти **Смердяковы и Лямшины** приятно проводят время в разного рода комитетах по ожиданию восьмого года, где проповедают целесообразность поражения собственной страны в войне с террором. Бог им судья (В.Сурков. Путин укрепляет государство).*

Показательно, что в заголовке опубликованной «Комсомольской правдой» статьи В.Баранца «Нам нужны новые **Штирлицы!**» прецедентный антропоним напечатан без кавычек, но в тексте этой статьи тот же антропоним приводится в кавычках: *Пока же на боевом счету наших спецслужб наберется немного удачных агентурных операций, связанных с внедрением чеченских «**Штирлицев**» в штабы террористических бандформирований.*

Представленные материалы показывают, что в нашем правописании пока не сложились строгие правила оформления прецедентных антропонимов при их использовании в функции культурного символа. Одни авторы пишут указанные антропонимы со строчной буквы, а другие – с прописной. Некоторые журналисты в подобных случаях используют кавычки, но далеко не все считают это необходимым. В отдельных текстах подобные антропонимы используются в форме единственного числа, однако большинство пишущих считают возможным и употребление формы множественного числа. В существующих толковых и орфографических словарях рассмотренные существительные представлены крайне редко, а имеющиеся в словарях общие рекомендации по правописанию не в полной мере соответствуют существующей в СМИ практике.

Рассмотренные в проведенном нами исследовании факты свидетельствуют о том, что в настоящее время правописание прецедентных антропонимов можно отнести к числу вариантных. Вместе с тем можно заметить, что чем более общеизвестным и высокочастотным становится тот или иной антропоним, тем выше вероятность его написания со строчной буквы, в форме множественного числа и без использования кавычек. Определенное

влияние на предпочтение написания со строчной буквы может оказать и наличие в контексте негативной эмоциональной оценки соответствующих людей, однако и в этом случае рекомендации словарей не полностью соответствуют практике, существующей в современных печатных СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова Н.С. Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации. Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

2. Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ, Сер.9. Филология. – 1997. – № 4.

3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.

4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: МГУ, 2002.

5. Кузьмина Н.А. Интертекстуальный тезаурус языковой личности и методы его изучения // Интерпретатор и текст. Проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. Новосибирск, 2004.

6. Лопатин В.В., Чельцова Л.К., Нечаева И.В. Прописная или строчная?: Орфографический словарь русского языка. М., 1999.

7. Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 13. Екатеринбург, 2004.

8. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в политической коммуникации // Вестник Уральского государственного технического университета – УПИ. Серия «Филология», № 60 (8). Екатеринбург, 2005.

9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2001.

10. Розенталь Д.Э. Прописная или строчная?: (Опыт словаря-справочника). М., 1986

11. Советский энциклопедический словарь. М., 1979.

12. Современный словарь иностранных слов. М., 1992.

13. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Асадемия, 2000.

14. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Автореф. дис... докт. филол. наук. Волгоград, 2004.

15. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб, 2002.

16. Смулаковская Р.Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе // Лингвистика. Вып. 12. Екатеринбург, 2004.

17. Тихонов А.Н. Орфографический словарь русского языка: Около 70 000 слов. М., 1999.

© Нахимова Е.А, 2006

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Аникин Е.Е.

Челябинск

СТРАТЕГИЯ СОПОСТАВЛЕНИЯ В РЕКЛАМЕ КАК НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА «КООПЕРАЦИИ»

На этапе становления антропоцентрической научной парадигмы в середине прошлого века настоящим прорывом в решении проблем речевого воздействия стала коммуникационная концепция П. Грайса. Пытаясь ответить на вопросы о правилах речевого взаимодействия коммуникантов и оптимизации данного взаимодействия, он предложил принцип «Кооперации», суть которого сводилась примерно к следующему: «Коммуникативный вклад участников на каждом шаге должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Грайс 1985: 222]. Исследователь полагал, что для обеспечения эффективности коммуникации ее участники должны следовать определенному набору неписанных правил – постулатов, «соблюдение которых, в общем и целом, соответствует выполнению принципа «Кооперации» и радикально снижает вероятность коммуникативного провала. Среди этих постулатов Грайс выделил:

1. Максиму количества/полноты (не говори ни больше, ни меньше, чем того требует ситуация коммуникации);

2. Максиму качества (говори правду, не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований);

3. Максиму релевантности/отношения (не отклоняйся от темы);

4. Максиму манеры/способа (говори ясно, коротко, и последовательно)

«Принцип Кооперации», как казалось, решал множество

проблем. Однако уже в 70-е годы Р.М. Блакар, пытаясь проанализировать случаи нарушения принципа П.Грайса, пришел к выводу, что высказаться нейтрально вообще невозможно. Язык обладает мощнейшим потенциалом вариативной интерпретации действительности. Возможность языковыми средствами дать в корне противоположную оценку одной и той же ситуации (*повстанец – террорист, разведчик – шпион*) создает множество возможностей для речевого воздействия и – далее – ущемления прав одной из сторон коммуникации.

Современные специалисты различают речевое воздействие в узком и широком смысле. Под речевым воздействием в узком смысле понимается целенаправленное «построение сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение их адресатов» (П.Б. Паршин). В данном случае речь идет о поставленной на поток технологии нарушения одной из сторон коммуникации (чаще всего, авторами политических обращений и создателями рекламных текстов) принципа «Кооперации» путем использования вариативных возможностей языка. Под речевым воздействием в широком смысле понимается любое изменение в картине мира коммуниканта вследствие получения им информации. Здесь, судя по всему, имеются в виду межличностное профессиональное общение в условиях отсутствия целенаправленного стремления к ущемлению прав собеседника.

Интересно однако, что даже в бытовой, межличностной коммуникации люди нередко целенаправленно нарушают принцип «Кооперации», тем самым осуществляя речевое воздействие, укладываемое скорее в рамки узкого определения.

Проиллюстрируем выше сказанное простейшим примером. После игры в теннис молодой человек встречается с привлекательной девушкой. На ее вопрос «Как вы поиграли» он дает следующий ответ: «Я порвал его в клочья». Более сильный вариант – «как Тузик тряпку».

Желание молодого человека произвести впечатление на девушку заставило его нарушить целый букет из постулатов принципа «Кооперации», что, несомненно, способствовало речевому воздействию. Среди нарушенных им постулатов:

- Максима количества. Вопрос был задан о качестве игры, ответ содержал избыточную информацию о победителе. На вопрос можно было ответить «Великолепно», «Очень хорошо» и т.д., что теоретически соответствовало бы выполнению требо-

ваний принципа П. Грайса.

- Максиму качества. «Порвал в ключья» на спортивном жаргоне обозначает «обыграл за явным преимуществом». В то же время, смакуя победу, молодой человек мог дать подобный ответ и в случае победы в равной игре, тем самым преувеличивая свои заслуги и говоря не совсем правду.

- Максиму релевантности. Девушка спрашивала о качестве игры, не об ее исходе.

- Максиму манеры. Метафоричное выражение «порвать в ключья», может быть неправильно понято собеседником.

При очевидном нарушении всех четырех основных постулатов принципа П. Грайса нельзя в данном случае не следует говорить о коммуникативной неудаче. Существенной коммуникативной ошибкой стал бы, скорее, односложный, лишенной яркой эмоциональной оценки ответ «Хорошо», который потребовал бы от собеседников серьезных усилий в случае желанного продолжения общения. Данный вывод наводит нас на мысль о том, что не всегда нарушение принципа «Кооперации» и осуществление речевого воздействия – это ущемление прав одного из участников диалога и причина коммуникативной неудачи.

Второй вид речевого воздействия (ущемляющий интересы адресата) особенно характерен для рекламного дискурса, в котором производство текстов, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата сообщения, поставлено на поток. Показательно, что комплексное применение приемов речевого воздействия в современной коммуникативной лингвистике обозначают военным термином «стратегии речевого воздействия», подчеркивающим агрессивность технологий, используемых в данной сфере. Под стратегией речевого воздействия чаще всего понимается «совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего» [Иссерс 1999: 109].

Создатели рекламных текстов по существу ведут коммуникационные войны за получателей рекламы, они стремятся добиться максимального воздействия на сознание реципиента. Одной из наиболее структурированных и, как следствие, перлокутивно мощных является стратегия сопоставления рекламируемого товара, преследующая цель дискредитации продукции конкурентов (скрыто, т.к. открытая антиреклама запрещена) и автоидеализации собственной (явно).

Среди тактик, ведущих к осуществлению этой стратегии,

можно выделить:

- Тактику эксплицитной автоидеализации;
- Тактику некорректного сравнения;
- Тактику имплицитного сопоставления.

Практически во всех коммуникативных ходах, ведущих к реализации тактики автоидеализации, нарушена максима качества. Дело в том, что ее целью является выделение рекламируемого товара из ряда аналогичной продукции конкурирующих марок и утверждение его уникальности. На самом деле, большинство из существующих товаров имеют равноценные аналоги, а потому утверждение об уникальности часто является неправдой.

Среди коммуникативных ходов, ведущих к реализации данной тактики, выделяются следующие:

- Использование абсолютной превосходной степени прилагательных:

Vicks Ny Quil. Multi-symptom cold/flu relief. *The best* sleep you ever get with a cold... medicine.

Vicks Ny Quil. Устранение сразу нескольких симптомов простуды/гриппа. *Лучший* сон из *возможных* с лекарством от простуды.

Отметим максимы, нарушенные в данном рекламном тексте:

1. Максима качества. Качество сна определяется не только состоянием физического здоровья, но и другими факторами, не зависящими от приема данного лекарства.

2. Максима количества. Информация, содержащаяся в сообщении не полна. Так, остается неизвестным, имеются ли противопоказания к применению данного лекарства.

- Использование относительной превосходной степени прилагательных.

Best selection. *Best* deals. Chevrolet Co.

Лучший выбор. *Лучшие* сделки. Chevrolet Co.

Превосходная степень прилагательного без определенного артикля предполагает относительность превосходства. Данное рекламное сообщение означает, что выбор Chevrolet – это одно из лучших решений, однако в действительности срабатывает тенденция человеческого восприятия к тому, чтобы понимать утверждение в более сильном значении. В памяти реципиента останется не то, что Chevrolet – один из лучших, а то, что Chevrolet – просто лучший. В данном случае нарушена максима манеры – за счет схожести форм абсолютной и неабсолютной пре-

восходной степени и, следовательно, неоднозначности интерпретации.

- Использование прилагательных с оценочным значением уникальности (superb, extraordinary, only, unique).

Zantrex-3. The first and *only* Non-Ephedra Diet-Pill with a Kick! Rapid weight loss. Incredible energy!

Zantrex-3. Первое и *единственное* средство для похудения без эфедрина. Быстрая потеря веса. Поразительная энергия.

В данном тексте нарушены максимы:

1. Качества. Zantrex-3 – не единственные таблетки для похудения без эфедрина.

2. Количества. Ничего не говорится о противопоказаниях к применению.

- Использование сравнительных конструкций с отрицательными местоимениями (nothing, never, no, not... ever, not... anything).

Nothing lasts longer than Final Net's New Advanced Natural Touch formula. Even in 90% humidity! It's your day – don't trust your dream to anything less.

Ничто не длится дольше, чем новая формула Final Net. Даже при 90-процентной влажности. Это Ваш день – не променяйте Вашу мечту на что-то меньшее.

Рекламный текст не дает подробного описания, почему эффект Final Net длится дольше, чем эффект аналогичной продукции конкурирующих марок. Налицо нарушение максимы количества.

Неподкрепленное достаточной аргументацией сильное по значению утверждение может показаться выглядящим голословно. Следовательно, нарушена также и максима качества.

Название следующей тактики – «некорректное сопоставление» – уже само говорит о нарушении принципов кооперации посредством коммуникативных ходов, ведущих к ее реализации. При использовании данной тактики копирайтер создает суженный или расширенный круг сравнения, исключая из сферы сопоставления товары-аналоги конкурирующих марок. Очень часто в рамках данной тактики сопоставляются несопоставимые понятия, или же рекламируемые товары вообще ни с чем не сравниваются, хотя и создается такая иллюзия.

Рассмотрим некоторые коммуникативные ходы, ведущие к реализации данной тактики:

- Сравнение с товаром принципиально иной категории или с

абстрактным понятием.

"We sell more cars than Ford, Chrysler, Chevrolet, and Buick combined." **MATCHBOX TOY CARS**

Мы продаем больше машин, чем Форд, Крайслер, Шевроле и Бьюик вместе взятые. **MATCHBOX TOY CARS**

В данном рекламном сообщении компания-производитель игрушечных автомобилей сравнивает себя с производителями реальных автомобилей – такими известными на мировом рынке, как Форд и Крайслер. Очевидна некорректность данного сопоставления – компания должна была сравнивать себя с реальными конкурентами – другими производителями игрушек.

Следовательно, в данном тексте нарушаются максимы:

1. Количества – отсутствует информация о прямых конкурентах.

2. Манеры – получатель сообщения может сделать некорректный вывод о том, что рекламируемая компания производит настоящие автомобили.

- Сравнение ни с чем.

"Get more" – T-Mobile

"Получи больше" – T-Mobile

Непонятно, чего больше нужно получить, и больше, чем от кого. Нарушены постулаты:

1. Количества – информация не полна.

2. Манеры – смысл сообщения остается неясным вследствие нарушения максимы количества.

Еще одной тактикой, реализующей стратегию сопоставления, является тактика имплицитного сопоставления. Имплицитная информация обладает большим потенциалом воздействия по сравнению с эксплицитной, а содержащие ее сообщения имеют несколько возможных интерпретаций. Среди ходов, ведущих к реализации указанной тактики, можно выделить следующие:

- Сопоставление через семантическую пресуппозицию.

"If it's got to be clean, it's got to be Tide." **TIDE LAUNDRY DETERGENT**

"Если это должно быть чистым, это должен быть Тайд"

В данном случае использовано имплицитное сопоставление через семантическую пресуппозицию "Тайд отстирывает лучше других порошков". Данная импликация остается релевантной как при утверждении, так и при отрицании исходного утверждения.

Ср.: *"Если это не должно быть чистым, это не должен"*

быть Тайд" (имеется в виду, что это может быть что угодно другое).

Нарушены максимы:

1. Качества – неправда, что Тайд отстирывает лучше всех – существуют его аналоги – Ariel, Omo и др.

2. Количества – недостаточно пояснений по поводу того, почему Тайд лучше других.

3. Манеры – использована имплицитная информация, поэтому смысл сообщения неоднозначен.

- Сопоставление через создание условий успешности речевого акта.

Один из наиболее распространенных приемов в рамках данного хода – инициация вопроса, который подталкивает реципиента именно к тому ответу, который впоследствии дается. Реципиент воспринимает ответ не критично, считая его собственным выводом.

"Where's the beef?" - WENDY'S RESTAURANTS

"А где же настоящая говядина?" – Рестораны Венди.

Определенный артикль перед словом "beef" создает сопоставительный эффект, благодаря грамматическому значению уникальности. К ответу на вопрос *"А где же настоящая говядина?"* реципиент, как ему кажется, приходит легко и непринужденно: *"Конечно в Ресторанах Венди. Иначе, зачем бы их рекламировали?"* Однако невозможно не усомниться в корректности данного вывода.

В данном случае нарушены максимы:

1. Количества – не дается пояснений, почему *"настоящая говядина только в ресторанах Венди"*.

2. Манеры – непонятно, что считать *"настоящей"*, а что *"не-настоящей"* говядиной.

Как видно из проанализированных примеров, принцип «Кооперации» в рекламном дискурсе нарушается постоянно. При этом люди продолжают смотреть рекламу и покупать рекламируемые товары, а количество жалоб на откровенный подлог и мошенничество в рекламе значительно, но не приводит к фатальным последствиям, иначе реклама как форма коммуникации давно прекратила бы свое существование.

Все это позволяет говорить об эффективности рекламной коммуникации вне ее зависимости от соответствия постулатам П. Грайса. Каждый из коммуникантов получает то, что хочет, и это при очевидном нарушении принципа «Кооперации». В дан-

ной связи, по-видимому, следует говорить о существовании перечня неписанных правил, который можно было бы условно обозначить принципом «Метакооперации». По логике, его основные максимы должны предписывать, каким образом и в каком объеме могут быть нарушены максимы принципа П.Грайса. Для рекламной коммуникации одной из максим принципа «Метакооперации» могла быть максима «полуверы». По мнению А.Баранова, подобное явление характерно для театра и кино – люди искренне сопереживают происходящему, отдавая при этом себе отчет, что все происходит не по-настоящему.

Другой вопрос состоит в том, что рекламисты, пытаясь оптимизировать рекламную коммуникацию, зачастую прибегают и к нарушению принципа «Метакооперации». В таком случае ученые-лингвисты говорят уже не о речевом воздействии, а о языковом манипулировании. Однако в этой области многое еще остается неясным, к тому же пока не существует точного определения, дифференцировавшего бы понятия речевого воздействия и языкового манипулирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н., Паршин П.Б., Пирогова Ю.К., Репьев А.П. Рекламный текст: Семиотика и лингвистика. – М.:, 2000. – 270 с.
2. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти. // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: 1987. – с. 89 – 125.
3. Борисова Е.Г., Пирогова Ю.К. ИмPLICITная информация в рекламе и пропаганде. // ИмPLICITность в языке и речи. – М.: «Языки русской культуры». 1999. – с. 145 – 151.
4. Грайс П. Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М: «Прогресс». 1985. – с. 217-237
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи – Омск: Омский госуниверситет, 1999. – 285 с.
6. Паршин П.Б. Речевое воздействие. Электронная энциклопедия «Кругосвет». <http://www.krugosvet.ru/articles/96/1009689/1009689a1.htm#1009689-A-101>
7. Пирогова Ю.К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования. // Проблемы прикладной лингвистики. М.: 2001. – с. 209 -227.

© Аникин Е.Е, 2006

Бойко М.А.

Воронеж

РОЛЬ ДИСКУРСИВНЫХ ФАКТОРОВ «СВОЙ», «ЧУЖОЙ», «ДРУГОЙ» В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В процессе инкультурации и аккультурации чрезвычайно важное значение имеют оппозиции «свой ↔ чужой», «свой ↔ другой», «чужой ↔ другой». При этом, вслед за Л.И. Гришаевой и Л.В. Цуриковой, мы понимаем под «другим» более или менее равноценную альтернативу «своему», в то время как «чужое» является результатом восприятия социальных объектов в аксиологическом контексте [Гришаева 2003; Гришаева, Цурикова 2003]. Данные дискурсивные факторы профилируют информацию, задавая определённую модель восприятия того или иного события/факта/человека и т.д. «своей», либо «чужой»/«другой» лингвокультуры и формируя, таким образом, позитивное, негативное или нейтральное отношение индивида к различным явлениям окружающей действительности [Гришаева 2003: 41-51; Гришаева 2004: 17-21; Гришаева, Цурикова 2003: 232].

Наряду с упомянутыми выше оппозициями важное место в трактовке результатов межкультурной коммуникации отводится таким категориям, как «идентичность» и «идентификация». Отмечается комплексность и многоаспектность феномена идентичности, а также важность и необходимость его детального изучения, выявления его структуры и основополагающих характеристик.

Обобщая мнения учёных по названному вопросу, можно говорить о том, что идентификация – это процесс осмысления человеком себя самого, в результате которого происходит осознание принадлежности индивида к какому-либо определённому классу/типу. Данное осознание осуществляется, как правило, на фоне контактов с представителями другого класса/типа. Иными словами, «своё» познаётся только на фоне «чужого» и «другого» (подробнее о процессе идентификации и взаимодействии факторов «свой», «чужой», «другой» см. в: [Гришаева 2003: 41-51; Гришаева 2004: 17-21; Гришаева, Цурикова 2003: 140-144; Кашкин 2004: 49-55]). При этом, как отмечает Я. Ассманн, коллективная идентичность имеет в ряде случаев приоритет перед личностной идентичностью и представляет собой образ, который группа конструирует относительно самой себя и с которым идентифицируются все члены этой группы [Assmann 2000: 132]. Характер же идентичности опознаётся в дискурсе в том числе по

использованию субъектом в тексте как конечном продукте речемыслительной и дискурсивной деятельности коммуникантов различных номинативных и дискурсивных стратегий [Гришаева, Цурикова 2003: 144]. Под номинативными стратегиями, вслед за Л.И. Гришаевой, мы понимаем выбор адресантом из совокупности средств именования как отдельных элементов картины мира (предметов, свойств, качеств, процессов и т.д.), так и её фрагментов (ситуаций или комплексов ситуаций, связанных друг с другом причинно или аддитивно, постоянно или случайно). Под дискурсивными стратегиями понимается выбор адресантом одной возможности из совокупности способов аранжировки языковых средств, применительно к тем или иным дискурсивным условиям [см. подр.: Гришаева, Цурикова 2003: 232].

В качестве одного из средств формирования коллективной идентичности граждан выступают сегодня СМИ, язык которых, как известно, во многом пересекается с политдискурсом [Чудинов 2001; 2003]. Задействуя целый арсенал как вербальных, так и невербальных средств, СМИ оказываются важнейшим фактором, влияющим на общественное самосознание индивидов, поскольку они регулярно и оперативно предоставляют широкой аудитории наиболее значимую информацию о мире [Цуладзе 1999: 83; Почепцов 2002: 182]. При этом выбор и умелое сочетание в конкретных дискурсивных условиях тех или иных номинативных и дискурсивных стратегий, а также знание основных законов восприятия информации и умение сознательно ими пользоваться позволяют авторам статей манипулировать сознанием читателей, создавая в то же время у последних иллюзию своей независимости при интерпретации воспринимаемого ими материала.

Высказанные соображения побудили нас к изучению средств и способов реализации определённой интенции, а также взаимодействия различных номинативных и дискурсивных стратегий как значимых для процесса формирования коллективной идентичности средствами массовой коммуникации. Подобный ракурс исследования обусловлен целесообразностью анализа взаимодействия дискурсивных факторов «свой», «чужой», «другой» в политическом дискурсе, их влияния на выбор адресантом средств реализации своей интенции, а также на восприятие информации адресатом.

Материалом для нашего исследования послужил журнал «Spiegel» («Зеркало») (52 номера за 2002 год), который, по свидетельству социологов, является самым значительным перио-

дическим изданием Германии и самым крупным еженедельным аналитическим журналом Европы [Presse-Porträts: www.presse-im-handel.de]. В нём рассматриваются важнейшие события политической, экономической, культурной и научной сферы жизни германского общества.

В процессе исследования нами было проанализировано 1012 журнальных статей с особым вниманием к заголовкам и подзаголовкам, поскольку, согласно так называемому «принципу перевёрнутой пирамиды», первое после заголовка предложение статьи, коим является подзаголовок, отражает основную информацию сообщения [Weischenberg 1998: 46]. Очевидно, это связано с особенностью восприятия адресатом печатного материала: согласно данным специалистов, 50% читателей заканчивают чтение статьи уже на первом предложении, несмотря на то, что сообщение их заинтересовало [Linden 1997: 2].

Нами были рассмотрены две рубрики: «Deutschland» («Германия»), в которой освещаются важнейшие события внутри страны, и «Ausland» («Зарубежье»), в которой представлены основные мировые события. Исследование проводилось по следующим параметрам:

- анализ тематики статей;
- сопоставление содержания заголовка и статьи;
- выявление средств и способов активизации авто- и гетеростереотипов;
- изучение корреляции вербального (а именно средств номинации различных объектов, явлений, процессов, выбор средств вербализации грамматических значений и т.д.) и невербального кодов (а именно формы и особенностей подачи языкового материала: использование только текста, сочетание текста с фотографиями, рисунками, схемами, графиками, карикатурами для реализации авторской интенции, преобладание определённой цветовой гаммы, выбор размера и гарнитуры шрифта и т.д.);
- анализ взаимодействия дискурсивных факторов «свой», «чужой», «другой» в политическом дискурсе и их влияние на выбор основных номинативных и дискурсивных стратегий, используемых в процессе формирования коллективной идентичности граждан Германии;
- выявление основных номинативных и дискурсивных стратегий, средств и способов их вербализации.

Сообщим здесь некоторые результаты проведённого исследования. В рамках данной работы предлагаем рассмотреть

взаимодействие различных дискурсивных стратегий на материале статей из рубрики «Зарубежье», посвящённым США и России, поскольку доля таковых в нашей выборке доминирует и составляет соответственно 30% и 20% .

Тематический анализ практического материала

Обратимся сначала к тематическому анализу рассмотренных нами статей и изучению того, как Соединённые Штаты и Россия представлены уже в заголовке соответствующей статьи.

Проанализировав материал о США, мы пришли к такому выводу: основной темой, обсуждаемой немецкими журналистами, являются претензии Штатов на мировое господство, например:

«*Der Historiker Paul Kennedy über Amerikas konkurrenzlose Weltmachtrolle ... und die Bedeutungslosigkeit der Europäer*» (Nr. 6/4.2.02 S. 146);

«*Die USA wollen die Weltherrschaft*» (Nr. 12/18.3.02 S. 142);

«*Der Kampf gegen den Terrorismus macht die militärische Überlegenheit der USA deutlicher als je zuvor*» (Nr. 36/2.9.02 S. 92).

Подобного рода примеров в статьях о США насчитывается около 30%.

Но, с другой стороны, немецкие журналисты обращают внимание на нестабильность положения Америки, не способной достичь согласия и порядка даже внутри страны: коррупция в высших органах власти, продажность полиции, неподготовленность органов правопорядка к преодолению внутренних чрезвычайных ситуаций – вот темы, наиболее частотные в анализируемой выборке:

«*Das Beben des Weißen Haus (Bush und sein Vize Cheney geraten in den Verdacht, von Buchungstricks profitiert zu haben)*» (Nr. 29/15.7.02 S.104);

«*Versagen der Geheimdienste*» (Nr. 22/27.05.02 S. 126);

«*Amerikas legendäres FBI hat ein Problem mit V-Männern*» (Nr. 18/29.04.02 S. 146).

В статьях о США доля такого рода примеров составляет около 20%.

Кроме того, на страницах журнала активно обсуждаются отношения между США и Германией. При этом журналисты напрямую указывают на «холодность» и даже враждебность между Берлином и Вашингтоном. Напомним, что нами анализируются статьи за 2002 год, когда позиции Вашингтона и Берлина по так называемому «иракскому вопросу» были различными.

«*Angst vor einer Eiszeit: ... Zerwürfnis zwischen Berlin und*

Washington» (Nr. 40/30.9.02 S. 120);

«Auf dünnem Eis: Die Deutschen in New-York spüren die neue deutsch-amerikanische Feindschaft» (Nr.40/30.9.02 S. 124);

«Fischers Besuch in Washington hat den deutsch-amerikanischen Konflikt nicht beendet» (Nr. 45/4.11.02 S. 148).

Доля подобного рода примеров составляет около 25% от общего количества проанализированного материала статей о США.

В популярном немецком журнале высказывается критика иракской кампании, а также методов, к которым прибегает сверхдержава при решении своих вопросов: давление на лидеры мировых организаций и глав государств, а также открытое нарушение прав человека называются без намёков и обиняков:

«Washington riskiert lieber einen Verstoß gegen das Völkerrecht als den Plan aufzugeben, die Häftlinge vor ein Militärgericht zu stellen» (Nr. 5/28.1.02 S.120);

«Präsident Georg W. Bush setzt die Vereinten Nationen mit einem kaum verhüllten Ultimatum unter Druck, ... Amerika will den Erzfeind (Irak) ... beseitigen» (Nr. 38/16.9.02 S. 142);

«Druckvoll arbeiten die USA auf einen Krieg gegen den Irak hin» (Nr.49/2.12.02 S. 22); «Extremistenjagd, aber ohne Völkerrechtsgrundlage» (Nr.46/11.11.02 S. 222).

Доля таких примеров в статьях о США – около 15%.

Такое поведение человека – и соответственно страны как коллективного субъекта – является неприемлемым для представителей немецкой лингвокультуры, для которых соблюдение прав и свобод человека, толерантность, забота о благосостоянии граждан представляют собой неоспоримые ценности (подробнее о ценностных ориентациях немцев см. в: [Markowsky 1995:131; Мануковский 2005: 66; Крысько 2003: 203; Платонов 2001: 99; Noelle-Neumann, Köcher 2002: 532]).

Кроме того, немецкие журналисты пытаются подчеркнуть двуличность американского правительства, ведущего, с одной стороны, борьбу за разоружение во всём мире, но, с другой стороны, продолжающего наращивать своё собственное военное присутствие в странах Ближнего Востока:

«Zweites Gesicht» (Nr.31/29.7.02 S. 111).

Такая информация подкрепляется также многочисленными фотографиями американских войск и бронетехники в ближневосточном регионе. Немецкий бундесбюргер, вероятно, оценит подобное поведение человека и страны как коллективного субъекта

екта негативно, поскольку честность и откровенность являются важными составляющими его системы ценностей (о ценностных ориентациях немцев см. подробнее в: [Markowsky 1995:131; Мануковский 2005: 66; Крысько 2003: 203; Платонов 2001: 99; Noelle-Neumann, Köcher 2002: 532]).

Обратимся теперь к анализу тематики статей о России. Так, при описании событий, происходящих в России, немецкие журналисты, прежде всего, указывают на процветание коррупции во всех сферах общественной жизни российского общества, особенно в высших эшелонах власти:

«*Korruption am Kaukasus*» (Nr. 22/27.5.02 S. 123);

«*Russlands Erziehungsminister Wladimir Filippow über korrupte Professoren ... und das Vorbild Amerika*» (Nr.27/1.7.02 S. 118);

«*Machtkämpfe im Kreml und in den Provinzen*» (Nr.5/28.01.02 S. 132).

Подобного рода примеров в статьях о России насчитывается около 30%.

Естественно, что такая характеристика воспринимается немецким адресатом отрицательно, ведь порядок и уважение к законности в немецкой культуре относятся к доминирующим ценностям (подробнее о ценностных ориентациях немцев см. в: [Markowski 1995: 131; Крысько 2003: 203; Мануковский 2005: 66; Платонов 2001: 99; Noelle-Neumann, Köcher 2002: 532]).

А как обстоит дело с характеристикой России в том же немецком журнале? Сфера внешней политики России также подвергается критике со стороны немецких журналистов. Подчёркивается, что руководство Российской Федерации, не находя в себе сил и ресурсов самостоятельно справиться с возникающими проблемами на внешнем уровне, ищет поддержки за пределами своей страны, например, от Вашингтона или Берлина, надеясь на их помощь в процессе решения российских экономических и политических вопросов. Но бессилие является также и внутренней проблемой России: при описании российской действительности немецкие журналисты подчёркивают беспомощность органов правопорядка в борьбе с насилием:

«*Der Narkose-Einsatz im Moskauer Geiseldrama war professionell – doch die Versorgung der Bewusstlosen verlief katastrophal.*» (Nr.45/4.11.02 S. 128);

«*Moskaus Führung stimmt sich auf den Gipfel-Besuch des US-Staatschefs ein. Die Supermacht soll Russlands Modernisierungsprogramm kräftig fördern*» (Nr.21/18.05.02 S. 138).

Доля подобного рода примеров в статьях о России составляет около 25%.

Кроме того, нередко описывается жизнь богатой, буквально сорящей деньгами, постсоветской элиты: частные школы, отдых на самых престижных курортах мира, одежда и самые дорогие эксклюзивные украшения из модных магазинов Европы – словом, признаки того образа жизни, который резко контрастирует с таковым у подавляющего большинства россиян:

«*Juwelen, Pelze und millionenteure Villen rund um Limassol (Zypern) bleiben der postsowjetischen Elite ... erhalten*» (Nr.40/30.09.02 S. 136).

Такое суждение подкрепляется к тому же и визуально, к примеру, фотографиями просящих у ларька милостыню пенсионеров. Доля таких примеров в статьях о России составляет около 15%.

Подобное поведение представителей русской культуры также может оцениваться немецким читателем негативно, так как для немцев характерными в этом отношении являются бережливость и рациональный подход к расходу денежных средств независимо от уровня своего благосостояния (о ценностных ориентациях немцев см. подробнее в: [Markowski 1995: 131; Крысько 2003: 203; Мануковский 2005: 66; Платонов 2001: 99; Noelle-Neumann, Köcher 2002: 532]).

Необходимо, как нам кажется, выделить ещё одну тему, часто обсуждаемую на страницах журнала «Spiegel», применительно к России. Эту тему можно обозначить как «война внутри страны». Речь идёт при этом как о войне на Кавказе и усилении исламистского движения, так и о беспорядках, учиняемых неонацистами:

«*Die blutige Botschaft: Russland befindet sich im Krieg*» (Nr. 44/28.10.02 S. 126);

«*Neonazis begehen Gewalttaten, die Polizei kollaboriert mit ihnen*» (Nr. 24/10.6.02 S.163).

Стоит особо отметить тот факт, что немецкие журналисты уже в 2002 году обратили внимание на рост неонацистского движения в России и попытались донести до своих читателей негативное отношение к данному феномену.

Подобного рода примеров в статьях о России насчитывается около 30%.

Анализ тематики статей о США и России в журнале «Spiegel» позволяет сделать следующие обобщения. В рамках

данной статьи нами не рассматриваются причины выбора немецкими журналистами той или иной тематики при описании событий в США и России, поскольку это требует специального исследования.

– авторы статей о США и России используют технику смещения фокусов внимания аудитории путём «выпячивания» одних фактов и событий и одновременного замалчивания других. Так, например, в журнале «Spiegel» Россия представлена, прежде всего, с позиции внутренних проблем, в то время как при описании Соединённых Штатов приоритетными являются события внешнеполитической сферы;

– для создания образов США и России в сознании адресата немецкие журналисты используют также технику «от противного», имплицитно апеллируя к культурным ценностям германского общества при рассказе о другой стране, задавая тем самым ту или иную аксиологическую рамку при восприятии сведений об инокультурной реальности;

– в процессе реализации данной дискурсивной стратегии авторы статей активно используют сочетание вербального и невербальных кодов, причём вербальные средства, гармонично сочетаясь с невербально поданной информацией, усиливают степень эмоционального воздействия сведений о другой стране на немецкого читателя;

– анализ тематики статей позволяет говорить о позиционировании США и России в журнале «Spiegel» не столько как «других», сколько как «чужих» стран. Однако необходимо особо отметить различную степень дистанцирования от «чужого», наблюдаемую в статьях о США и России. Так, например, при описании российской действительности немецкие журналисты журнала «Spiegel» реже (по сравнению с материалами о США) используют различные способы эмоционального воздействия на читателя. Тем не менее, мы можем говорить о наличии особых дискурсивных стратегий, направленных на **пейоризацию** образа данных государств и одновременно на **мелиоризацию** образа Германии.

Способы реализации дискурсивных стратегий

Следующим шагом нашего исследования является анализ морфологических, лексических, стилистических и синтаксических средств реализации различных номинативных стратегий в процессе создания образов США и России в журнале «Spiegel» с точки зрения их влияния на формирование коллективной иден-

тичности немцев.

Так, например, анализ совокупной номинативной цепочки США позволяет констатировать факт реализации номинативных стратегий **прямой и косвенной идентификации**, поскольку в качестве средств, используемых немецкими журналистами для обозначения Соединённых Штатов, наряду с аксиологически нейтральными этнонимами и топонимами типа *USA* (26%), *Amerika* (6%), *Amerikaner* (16%), *Washington* (24%) используются лексемы с экспрессивной и/или оценочной семантикой, такие, как *Weltmacht* (7%), *Supermacht* (6%), *Warlord* (8%), *Weltherrscher*, *Herr der Welt* (3%), при помощи словообразовательных и синтаксических механизмов вербализации актуализирующих в сознании немецкого читателя определённые представления о США. Данные средства вербализации затрудняют акт однозначной референции, в результате чего адресат не может произвести безошибочную идентификацию страны как коллективного политического субъекта.

Анализ совокупной номинативной цепочки «Россия», сложившейся из всех средств именования референта «Россия» в анализируемых статьях, показывает, что в подавляющем большинстве случаев (почти 90%) авторы статей применяют аксиологически нейтральные этнонимы и топонимы для обозначения России: *Moskau* (45%), *Russland* (32%), *Kreml* (13%), *Russen* (2%). В остальных случаях немецкие журналисты используют эмоционально нейтральные эпитеты в субстантивных группах разной структуры, которые отсылают адресата к соответствующим стереотипным представлениям немцев о России: *der einsichtige Gegner Russland* (имеются в виду взаимоотношения с НАТО); *das ölreiche Russland*; *das dünn besiedelte Nachbarland (von China)*. Лексем с экспрессивной семантикой в качестве средств номинации России нами выявлено не было. Это свидетельствует, по нашему мнению, об использовании немецкими журналистами номинативных **стратегий прямого атрибуирования и прямой идентификации**, создающих в сознании читателя журнала «Spiegel» однозначную референтную связь с описываемым субъектом международного права.

В заголовках и подзаголовках статей о США и России немецкие журналисты прибегают также к номинативной **стратегии сгущения негативных смыслов**, вербально выраженной при помощи лексем с отрицательными семами в семантической структуре, а также лексем, называющих негативные эмоцио-

нальные состояния и чувства. Данная номинативная стратегия служит реализации определённой авторской интенции, усиливая негативный воздействующий эффект сообщения на адресата.

Примеры из статей о США:

«*Zone der Furcht: Tödliches Duell in Washington. Ein unheimlicher Serienkiller will der Polizei beweisen, dass er besser ist als sie*» (Nr.42/14.10.02 S. 136);

«*Die Wahnwelt*» (Nr.44/28.10.02 S. 144); «*Mitten im Abgrund*» (Nr.12/18.03.02 S. 158);

«*Tod den Amerikanern*» (Nr.44/28.10.02 S. 136).

Подобного рода примеров в статьях о США насчитывается около 30%.

Примеры из статей о России:

«*Mit Missmut verfolgt Moskau den Aufmarsch der Amerikaner im früheren sowjetischen Orient*» (Nr. 7/9.2.02 S. 132);

«*Nach dem Desaster der Geiselfreiung von Moskau*» (Nr. 45/4.11.02 S. 126);

«*Neonazis begehen Gewalttaten, die Polizei kollaboriert mit ihnen*» (Nr. 24/10.06.02 S. 163).

Такого рода примеров в статьях о России около 10% от общей выборки.

Анализ собранного нами практического материала позволил установить наличие ещё одной номинативной стратегии, а именно, **стратегии дистанцирования от фактов «чужой» лингвокультуры**. Способом реализации данной стратегии является использование иноязычных вкраплений в немецкий текст, поскольку, как представляется, данный приём акцентирует позиционирование описываемой журналистом лингвокультуры, как однозначно «чужой».

«*Die Warlords kämpfen um größere Einflusszonen*» (Nr. 5/28.1.02 S. 125);

«*Showdown mit Saddam*» (Nr. 38/16.9.02 S. 142).

Характерно, что подобные вкрапления используются преимущественно в публикациях о США, заимствований же из русского языка в нашей выборке выявлено не было. Лексемы типа *Kreml*, *Putin* являются средствами номинации реалий внеязыковой действительности, поэтому не могут учитываться при анализе материала в данном контексте.

Опираясь на собранный материал, мы выявили и ещё один тип номинативных стратегий, а именно **стратегию обозначения через контраст**, которая позволяет немецким журналистам ак-

центрировать определённого рода информацию путём активизации в одной единице (лексеме, группе слов различной структуры) противоположных, часто несовместимых, понятий. Данная стратегия реализуется в статьях о США и России при помощи различных стилистических или синтаксических средств, среди которых доминирующими являются катахреза и антитеза.

Примеры катахрезы из статей о США:

«*Ende der Geschichte*» (Nr. 49/2.12.02 S. 146);

«*Hierarchie der Toten*» (Nr.7/9.02.02 S. 144).

Подобного рода примеров в статьях о США насчитывается около 2%.

Примеры катахрезы из статей о России:

«*Hilflose Retter*» (Nr. 45/4.11.02 S. 128);

«*Getrübte Harmonie*» (Nr. 23/3.06.02 S. 136).

Таких примеров в статьях о России насчитывается также около 2%.

Примерами антитезы в статьях о США являются:

«*Der Historiker Paul Kennedy über Amerikas konkurrenzlose Weltmachtrolle ... und die Bedeutungslosigkeit der Europäer*» (Nr. 6/4.2.02 S. 146);

«*Freund oder Feind? Zeitenwende im deutsch-amerikanischen Verhältnis*» (Nr.40/30.9.02 S. 112);

«*Präsident Bush - und die Amerikaner - sind bereit, weitere Verluste in Kauf zu nehmen, um ein Wiederaufleben von al-Qaida zu verhindern*» (Nr. 11/11.03.02 S. 188).

Такого рода примеров в статьях о США насчитывается около 10%.

Примеры антитезы из статей о России:

«*Wladimir Filippow über korrupte Professoren ... und das Vorbild Amerika*» (Nr.27/1.7.02 S. 118);

«*Der Narkose-Einsatz im Moskauer Geiseldrama war professionell - doch die Versorgung der Bewusstlosen verlief katastrophal.*» (Nr.45/4.11.02 S. 128).

Таких примеров в статьях о России около 10% от общей выборки.

Следующий тип номинативных стратегий, который нам удалось выявить на материале статей о США и России в журнале «Spiegel», можно обозначить как **стратегию косвенной дескрипции**. В качестве вербальных средств реализации данной номинативной стратегии выступают метафоры, к которым нередко обращаются авторы статей, описывая события в США и

России. Метафора позволяет наиболее ярко и образно отразить описываемые явления, опираясь, прежде всего, на именованное всего богатства второстепенных свойств и признаков данных явлений, что служит реализации определённой авторской интенции.

Примеры метафор из статей о США:

«*Washingtons Außenpolitik steht auf der Kippe*» (Nr. 43/21.10.02 S.20);

«*Verwehtes Idyll*» (Nr. 14/30.3.02 S. 138).

Доля таких примеров в статьях о США – около 20%. В последнем случае мы также имеем дело с обращением к прецедентным феноменам, а именно к литературному произведению М. Митчелл «Унесённые ветром» (в немецком варианте – «*Vom Winde verweht*»), в котором описываются судьбы людей и их частная жизнь на фоне войны. Это активизирует в сознании читателя журнала «*Spiegel*» дополнительные образы и способствует успешной реализации авторской интенции.

Примеры метафор в статьях о России:

«*Am Tropf der Macht*» (Nr. 52/21.12.02 S. 108);

«*Im Fegefeuer*» (Nr. 30/22.07.02);

«*Die blutige Botschaft*» (Nr. 44/28.10.02 S. 126);

«*In der Mäusefalle*» (Nr. 45/4.11.02 S. 148).

Доля подобного рода в статьях о России примеров – около 10%.

Чрезвычайно интересным представляется также использование персонификации для именованного Соединённых Штатов как средства реализации номинативной **стратегии косвенного атрибуирования**. Выделяя тот или иной признак / качество объекта, не обязательно наиболее существенный, адресант вызывает у читателя выгодные для себя ассоциации, реализуя, таким образом, свою интенцию.

«*Die Basis des Teufels. Im Emirat Katar am Golf bauen die USA einen supermodernen Militärstützpunkt - für den Krieg gegen Saddam Hussein*» (Nr. 19/6.5.02 S. 166);

«*Mit dem Wolf tanzen. China bemüht sich um Partnerschaft mit den Amerikanern*» (Nr. 8/18.2.02 S. 162).

Доля такого рода примеров – около 5% от общей выборки. Случаев использования персонификации при именовании России в нашей выборке выявлено не было.

Наконец, ещё одним типом номинативных стратегий, выделенных нами в процессе анализа статей о США и России, явля-

ется стратегия акцентирования определённого рода информации. Данная номинативная стратегия представлена главным образом выбором синтаксических механизмов вербализации - синтаксических конструкций, в которых доминирует инверсия, при помощи которой немецкие журналисты выделяют наиболее значимую, по их мнению, информацию, тем самым усиливая экспрессивность высказывания.

В качестве примеров инверсии в статьях о США могут служить следующие:

«... der Präsident hat erreicht, was er wollte: das Mandat für einen Waffengang gegen Saddam Hussein» (Nr. 46/11.11.02 S.125);

«Im Emirat Katar am Golf bauen die USA einen supermodernen Militärstützpunkt - für den Krieg gegen Saddam Hussein» (Nr. 19/6.5.02 S. 166).

Подобного рода примеров в статьях о США около 5%.

Примеры из статей о России:

«Helfen sollen die Deutschen – mit Geld und Management Erfahrung» (Nr.30/22.07.02 S. 104);

«Bei ihren Säuberungsaktionen lassen Russlands Militärs zunehmend Zivilisten verschwinden - während die Rebellen mit Moskaus Kollaborateuren abrechnen» (Nr. 17/22.4.02 S. 164).

Доля такого рода примеров в статьях о России составляет также примерно 5%.

Анализ языковых средств реализации различных номинативных и дискурсивных стратегий в заголовках и подзаголовках статей о США и России позволяет сделать обобщения относительно реализации названных стратегий немецкими журналистами:

–стремление к формированию активного эмоционального отношения к сообщаемой информации, прежде всего через прямое и косвенное обращение к негативным эмоциям читателей;

–активная апелляция к стереотипным представлениям немцев об американцах и русских, а также обращение к фоновым знаниям адресата, зачастую через прецедентные феномены;

–сочетание в макротексте различных стилистических фигур как дополнительного средства эмоционального воздействия на реципиента, а также синтаксических механизмов вербализации для акцентирования негативной информации.

Сравнительный анализ основных номинативных стратегий в

статьях о США и России для наибольшей наглядности можно представить в следующей таблице:

	РОССИЯ	США
С	прямой идентификации	прямой идентификации
	—	косвенной идентификации
Т	прямого атрибуирования	—
	—	косвенного атрибуирования
Р	косвенной дескрипции	косвенной дескрипции
	сгущения негативных смыслов	сгущения негативных смыслов
А	—	дистанцирования от фактов «чужой» лингвокультуры
	обозначения через контраст	обозначения через контраст
Т	акцентирования определённого рода информации	акцентирования определённого рода информации
	—	—
Е	—	—
	—	—
Г	—	—
	—	—
И	—	—
	—	—
И	—	—
	—	—

Приведённые данные свидетельствуют о стремлении немецких журналистов к позиционированию США и России в качестве «чужих» стран, при этом данная дискурсивная стратегия, как следует из таблицы, ярче выражена в статьях о США. В этой связи представляет большой интерес, как нам кажется, рассмотрение использования данных номинативных стратегий, а также основных средств их вербализации, в статьях о Германии, что позволит сделать выводы относительно характера реализации в них основных дискурсивных стратегий.

Обобщая сказанное выше, можно отметить, что в немецких статьях, посвящённых США и России, наблюдается реализация дискурсивных стратегий пейоризации образов данных стран и одновременно мелиоризации образа Германии. При этом важная роль в процессе реализации данных стратегий принадлежит взаимодействию дискурсивных факторов «свой», «чужой», «другой».

Умело сочетая различные вербальные и невербальные средства в процессе реализации упомянутых выше стратегий, немецкие журналисты способствуют восприятию США и России не столько как «других», сколько как «чужих» стран, что, думается, повышает статус «своего» для немцев и, как следствие, усиливает у них степень осознанности своей идентичности как граждан германского государства. При этом, опираясь на проведённый нами сравнительный анализ использования различных

номинативных стратегий в статьях о США и России, можно констатировать различную выраженность позиционирования США и России в качестве «чужого».

Любопытно также отметить, что реализация упомянутых выше дискурсивных стратегий происходит в два этапа: на первом этапе в качестве когнитивного фона выступают авто- и гетеростереотипы немцев, а в качестве когнитивной фигуры – информация о США/России. На втором этапе США/Россия и сообщаемые о них сведения становятся когнитивным фоном, на котором в качестве фигуры выступает Германия как коллективный политический субъект. Всё это в сочетании с рассмотренными выше номинативными стратегиями свидетельствует о профилировании информации в зависимости от общественно-политической позиции журнала, личных убеждений авторов статей, сложившихся в обществе стереотипных представлений о каком-либо факте / явлении действительности, определённых ценностных ориентаций, бытующих в данном обществе в данный конкретный исторический период и т.д. Подобный способ подачи информации может быть отнесён к техникам манипулирования общественным сознанием.

Таким образом, можно констатировать, насколько важно и продуктивно изучение средств и способов реализации интенции адресанта, а также взаимодействие различных номинативных и дискурсивных стратегий в процессе формирования современными средствами массовой коммуникации коллективной идентичности граждан. В данном контексте особую актуальность приобретает также анализ взаимодействия дискурсивных факторов «свой», «чужой», «другой» в политическом дискурсе и изучение влияния данных факторов на выбор адресантом средств реализации своей интенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришаева Л.И. Образование как условие, средство и способ инкультурации личности // Мир образования – образование в мире – 2003. - № 1. – С. 41-51.

2. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2003. – 369 с.

3. Гришаева Л.И. Понимание «чужого» и «другого» как условие успешной аккультурации // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности / Ред. Л. И. Гришаева, М.К. Попова. – Ч.2. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2004. – С. 9-48.

4. Кашкин В.Б. Маркеры «своего» и «чужого» в межкультур-

ном диалоге // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности / Ред. Л. И. Гришаева, М.К. Попова. – Ч.2. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – С. 49-62.

5. Крысько В.Г. Социальная психология – М.: Омега-Л, 2003. – 365с.

6. Мануковский М. В. Стереотипы сознания в межкультурной коммуникации – Воронеж: ВГУ, 2005. – 100 с.

7. Платонов Ю.Л. Этническая психология – СПб.: Речь, 2001. – 320с.

8. Почепцов Г.Г. Психологические войны – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2002. – 528 с.

9. Цуладзе А. Формирование имиджа политика в России – М.: Книжный мир «Университет», 1999. – 144 с.

10. Чудинов А.П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация, 2001, №2. – С. 20-24.

11. Чудинов А.П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация, 2003, №1. – С. 17-29.

12. Assmann, J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen – München: Beck, 2000. – 344 S.

13. Linden, P. Wie Texte wirken. In: Medium-Magazin/Der Österreichische Journalist (Hgg.): Journalisten-Werkstatt Bd. 3, Salzburg/Freilassing 1997. – 137 S.

14. Markowski, R. Studienhalber in Deutschland: interkulturelles Orientierungstraining für amerikanische Studenten, Schüler und Praktikanten // Markowski, R.: Thomas, A. (Hrsg.). – Heidelberg, 1995. – 326 S.

15. Noelle-Neumann E., Köcher R. Allensbacher Jahrbuch der Demoskopie 1998-2002, Band 11. – München: K.G. Saur, 2002 – 1065 S.

16. Presse-Porträts - (www.presse-im-handel.de)

17. Weischenberg, S. Nachrichtenschreiben. Opladen, 1998. – 157 S.

© Бойко М.А, 2006

ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА *МЫСЛЬ*

Модели осмысления и языкового описания концептов внутреннего мира человека являются объектом исследовательского внимания многих лингвистических работ. Перспективным представляется анализ концепта на основе выделения языковых единиц, репрезентирующих мельчайшие компоненты его структуры – признаки. «*Признак концепта* – это общее основание, по которому сравниваются некоторые несхожие явления» [Пименова 2004: 132]. В настоящей работе мы обращаемся к изучению временных признаков концепта *мысль* (структура этого концепта также содержит пространственные, витальные, антропоморфные, зооморфные, вегетативные, предметные, стихийные признаки).

На «пребывание» *мысли* в том или ином временном измерении часто указывает временная форма глагола в конструкциях, где *мысль* – агенс действия: ...*действительно у меня мысль была* (Достоевский. Идиот); *У нас есть мысль* (Андреев. К звездам); ...*да, будут жить книги и мысли, но не он сам.* (Арцыбашев. У последней черты).

Временные признаки в структуре концепта *мысль* представлены амбивалентно: с одной стороны, *мысль* не измеряется никакими единицами времени, она бессмертна, вечна: *Как полюбить не можешь ты: / Всем упоением, всей властью / Бессмертной мысли и мечты* (Лермонтов. Демон); *Он постыдился своей корысти и силится подавить в себе вечную мысль о золоте, которая, как червь, обвивает душу жида* (Гоголь. Тарас Бульба); *Да здравствует Великая Мысль! Вечная, безмерная Мысль!* (Достоевский. Бесы). С другой стороны, *мысль* как некий процесс в сознании человека, определяется временными периодами или отрезками. Прежде всего признаками времени жизни. В связи с чем *мысль* метафорически представляется живым существом, для которого актуальны фазы начала жизни и ее окончания, жизненный цикл *мысли* приобретает временные характеристики рождения и смерти: ...*нижеследующие мысли родились в его голове* (Писемский. Тюфяк); ...*в нем медленно умирали мысли* (Иванов. Рассвет).

Концепт *мысль* определяется признаками единиц времени. В эту группу входит признак 'год': *Катя: как она занимала мысли барона последний год!* (Белый. Серебряный голубь); *Встал и*

начал ходить по галерее, припоминая все свои **мысли** и чувства за **последний год**, проведенный в обители Сан-Марко (Мережковский. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи).

Признак 'век' актуализирует в языке метафору постоянства мысли: **Мысль** всех веков на сию минуту в нашем мозгу и нет ее «разве него», а с нею мы можем быть властью (Герцен. Былое и думы). Значение постоянства реализуется через признак 'час': ...каждый час учишь, **каждый час мысли**... (Бунин. Деревня); **Не час и не два** хозяин изнемогает от **мыслей**, слабости, тошноты (Белый. Серебряный голубь).

Мысль определяется признаком 'мгновение': **На мгновение** пришла в голову **мысль** (Арцыбашев. Санин); **Эти мысли** пронеслись **мгновенье**, **окрыленные звуками** (Белый. Серебряный голубь); **На мгновение мысль** о глупостях **изгнала** все остальные (Гарин-Михайловский. Студенты). Являясь человеку на мгновение, **мысль** 'мелькает', происходит актуализация метафоры стихии 'мысль – огонь / молния': **Кириллову на мгновенье мелькнула мысль** (Гиппиус. Златоцвет); **Мысль** об этом **мелькнула отчетливо, мгновенно и неожиданно** (Иванов. Третий Рим).

Мысли свойственно приходить ежеминутно: **Ежеминутно** **мыслям** моим являлся вороной скакун твой с своей стройной поступью (Лермонтов. Герой нашего времени).

Время мысли может быть актуализировано в зависимости от времени суток, когда **мысль** посещает человека, – днем: Она **сделалась для Давенанта главной мыслью** этого дня (Грин. Дорога в никуда); С чего-то пришла ему в голову и **томила несколько дней мысль** (Сологуб. Мелкий бес); **мысли** «являются» ночью: А **мысли** были всё те же, что и в прошлую **ночь**, **однообразные, ненужные, неотвязчивые** (Чехов. Невеста); ...**ночные мысли**, **многосторонние** (Горький. В людях).

Признаки 'день' и 'ночь' также объективируют метафору постоянства: **Мысли** о вас **ни днем, ни ночью** не дают мне покоя (Мережковский. Воскресшие боги (Леонардо Да Винчи). Выделяется признак 'утро': **Дарья Александровна хотела сказать свои мысли** нынешнего **утра** (Толстой. Анна Каренина).

День недавно прошедший и грядущий в языке вербализован лексемами **вчера** и **завтра**. Признак 'вчера' содержится в структуре концепта **мысль**: Он **работал молча, сосредоточенно, в совершенном спокойствии, забыв вчерашние мысли** о предстоящей разлуке (Мережковский. Воскресшие боги (Леонардо

да Винчи). В этом случае обозначается время размышления – вчера.

Для *мысли* актуален признак ‘заря’: *...лежит ли **заря** удовлетворенной **мысли** на лице и провожает ли его взгляд ее* (Гончаров. Обломов).

Довольно часто актуализируется в языке признаки ‘прошное’, ‘настоящее’, ‘будущее’. Концепт *мысль* определяется признаком ‘прошное’: *На меня производит слишком неприятное впечатление это повторение **прошлых мыслей** моих* (Достоевский. Бесы); *Понимая, что жизнь его разбита, он невольно обращал свою **мысль** к **прошлому*** (Салтыков-Щедрин. Чижиково горе). *Мысли* способны перемещаться в прошлое с помощью памяти: *Предо мной тянулось ночью бурю взволнованное море, и однообразный шум его, подобный ропоту засыпающего города, **напомнил** мне **старые годы**, перенес мои **мысли** на север, в нашу холодную столицу* (Лермонтов. Герой нашего времени); *Буду ли я **вспоминать** о **прошедшем**, **останавливаться **мыслию**** на немногих, светлых, прожитых мною мгновениях, на дорогих образах и лицах?* (Тургенев. Что я буду думать?); *К **далекому прошлому** **мысль** его уж не обращается; оно исчезло из **памяти**, словно его и не было* (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина).

Признак ‘недалекое/далекое прошное’ актуализируется через метафору воды, ‘погружения во время’: *...с недоумением спросил Обломов, **погружаясь **мыслью** в **прошедшее***** (Гончаров. Обломов). В ‘далекое, (не) своё, чужое прошное’ *мысль* уносится: *Его **мысль** **унеслась** в **далекое прошное**, когда в этих самых комнатах шел пир горой – для других людей...* (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); *Чувствовал не раскаяние в грехах, не скорбь, а душевный покой, тишину и **уносился **мыслями** в **далекое прошное**, в детство и юность, когда также пели про жениха и про чертог*** (Чехов. Архиерей); ***Перенесемся **мыслию** в **прошедшее***** (Тургенев. Накануне). Чтобы переместиться в ‘прошное’, необходимо *мысли* собрать, упорядочить каким-то образом: *Но Тарас все старался и **сил** **собрать** свои **мысли** и **припомнить **бывшее***** (Гоголь. Тарас Бульба).

‘Прошное’ может быть представлено в языке особым пространством, в котором «перемещаются» *мысли*: *...пробегая **мыслию **прошедшее****, спрашиваю себя...* (Лермонтов. Герой нашего времени); *Бог знает, где **бродили** его **мысли**, но не в*

одном только **прошедшем бродили они** (Тургенев. Отцы и дети); или в котором они поселяются: **часто переселялся мысленно в те времена** (бывшие или не бывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди ... в счастливой праздности все дни свои провождали (Карамзин. Бедная Лиза).

‘Прошное’ представляется неким мифическим растением, которое вдруг является **мыслям**: **Меня поразила мысль**, что она так близко, что она моя соседка, что я ее на днях увижу. **Прошедшее**, словно из земли, внезапно выросло передо мною, так и надвинулось на меня (Тургенев. Фауст).

Признак ‘прошное’ может быть вербализован через лексемы:

– **давнишняя**: **Насчет замечания вашего о моей непрактичности напомню вам одну мою давнишнюю мысль...** (Достоевский. Бесы);

– **давешняя**: **Давешняя отчаянная мысль** все более и более овладевала его умом (Достоевский. Бесы); **Он вздрогнул: давешняя** напрашивавшаяся **мысль** вдруг вошла ему теперь в голову (Достоевский. Идиот);

– **давно**: **Видимо, эта мысль давно** уже в нем была (Достоевский. Братья Карамазовы);

– **прежние**: **Прежние мысли** об аде, о том, что "вдруг есть Бог" и покарает за грехи, ушли давно (Зайцев. Аграфена); **В какой-то глубине, внизу, где-то чуть видно под ногами, показалось ему теперь всё это** **прежнее прошлое, и прежние мысли**, и **прежние задачи, и прежние темы, и прежние впечатления, и вся эта панорама, и он сам, и всё, всё...** (Достоевский. Преступление и наказание).

Кроме того, прошедшее время в содержании концепта **мысль** объективируется с помощью различных оборотов – **ужё давно**: **Мысль о наёмном дворе давно уже приходила в голову матери Тёмы, Аглаиде Васильевне** (Гарин-Михайловский. Детство Тёмы); оборота **в то время**: **...свидетельствовавшим о веселых и игривых мыслях, бывших** в нем именно **в то время** (Достоевский. Братья Карамазовы); **в те дни**: **В те дни мысли и чувства о боге были главной пищей моей души** (Горький. Детство).

Языковые формы для актуализации ‘настоящего’ и ‘будущего’ времен концепта **мысль** представлены не таким разнообразием вариантов, как формы ‘прошедшего’. По-видимому, это связано с частым переосмыслением способности **мысли** перемещаться во времени с помощью памяти.

‘Настоящее’ время объективируется с помощью лексемы *нынешний*: ...служило как бы основным базисом всех **нынешних** впечатлений и **мыслей** (Толстой. Анна Каренина). «Настоящими» *мыслями* часто считаются истинные, правдивые, существующие на самом деле в сознании человека: *Варя нарочно углублялась в эту тему, чтобы проникнуть в его настоящие мысли* (Достоевский. Идиот). А так же ‘настоящее’ время *мысли* актуализируется через лексему *сейчас*: **Сейчас** мне входит в голову **мысль** (Лесков. Очарованный странник); ...сейчас смешная **мысль** в голову пришла. (Островский. Волки и овцы); ...слишком слабо **сейчас** действует чувство и сознательная **мысль** (Платонов. Джан). Объективация ‘настоящего’ может происходить через наречие *тотчас*: **Мысль** моя **тотчас же** обратилась к матушке (Толстой. Детство).

Перемещение *мысли* во времени способно достигнуть пределов ‘будущего’: ...задумчивости, которая предупреждает **будущую** мощную **мысль** (Герцен. Кто виноват?). Чаще всего человека посещают *мысли* о будущем: *Ежели же мне приходили такие мечты и мысли, то я, чувствуя себя довольным настоящим, бессознательно старался отгонять мысль о будущем* (Толстой. Юность); *Размах его мысли долетал до темного будущего, пролетая через головы поколений...* (Арцыбашев. У последней черты).

Исследование показало, что в структуре концепта *мысль* представлены временные признаки, в связи с чем обосновывается существование когнитивной модели ‘*мысль* – время’. Чаще всего в языке актуализируются признаки ‘прошлое’, ‘настоящее’, ‘мгновение’, ‘вчера’. Признаки времен года, отдельных месяцев, сезонов для концепта *мысль* не релевантны. Описанные признаки времени отражают время, в которое человека посещает *мысль*, а также способ перемещения во времени с помощью *мысли* (*улететь мыслью в прошлое*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Пименова М.В. Концептосфера внутреннего мира человека // Введение в когнитивную лингвистику. Вып. 4. – Кемерово, 2004. – С. 128-176.

© Бондарева Е.П., 2006

СОПОСТАВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К ПЕРЕВОДУ В ОСНОВНЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ АРЕАЛАХ

Для изучения современного состояния культур необходимо рассмотреть те факторы, которые легли в основу их формирования. Необходимо отметить, что до настоящего времени история европейских культур находится под большим влиянием взглядов немецких романтиков, которые считали, что «национальный дух» и, следовательно, национальная культура есть нечто уникальное, неповторимое и отличное от «Другого». Тот факт, что в действительности большинство современных культур происходят из ограниченного числа источников, идеями которых все они пользуются, а также активно обмениваются культурными ценностями, пополняя свой культурный капитал, в то время, как правило, не акцентировался. Между тем распространение идей, влияний, формирование культуры в целом происходило при самом непосредственном влиянии перевода как в его явной, собственно переводческой ипостаси, так и в виде скрытого, латентного перевода – как культурного переноса ценностей из одной культуры в другую, причем наибольший поток заимствований производился из авторитетных культур, вокруг которых формировались основные переводческие ареалы. При этом современное состояние культур, взаимопонимание между ними, да и сама возможность перевода определяется тем обстоятельством, что в основании разных культур лежит не столько особый, не совместимый с другими культурами «национальный дух», а общекультурное наследие, которыми культуры обменивались на протяжении всего своего формирования. В силу этого обстоятельства каждая отдельная культура, помимо собственно «своего», представляет собой в каждом случае уникальный конгломерат «чужих» влияний в виде общекультурных ценностей, идей, общественных институтов, которые также передавались из культуры в культуру и т.п.

В широком смысле подобный межкультурный обмен культурообразующими феноменами можно рассматривать как разновидность переводческой деятельности, которую А. Лефевр (A. Lefevre) назвал латинским словом *traductio*, означающим межкультурный перенос, заимствование тех черт исходной, как правило, авторитетной культуры, которые оказались необходимыми принимающей культуре для заполнения имеющейся или воз-

никшей культурной лакуны. Именно *traductio* – культурный перенос, перевод в широком смысле слова – оказался плодотворным фактором формирования большинства мировых культур.

Еще в древности выделились и сформировались три основных переводческих ареала – европейский, ориентированный на греко-римскую античность, в который входят современные европейские культуры и который отличается большим языковым и культурным разнообразием; ближневосточный, где преимущественно распространен арабский язык; и дальневосточный, территориально и культурно ориентированный на Китай.

Каждый из переводческих ареалов представляет собой макрокультуру, которая ориентируется на соответствующий религиозный текст, представляющий собой *de facto* центральный текст соответствующей культуры: Библию, Коран, буддистский канон, модифицированный в Китае собственным литературным каноном. Центральные тексты культуры играют при этом объединяющую роль, задают систему отношений и координаты мышления соответствующей макрокультуры.

При этом в основе европейской культуры, кроме центрального сакрального текста, лежит греческое античное наследие, его логика, риторика, основы политического устройства, закрепленные в соответствующих текстах. При этом основания европейского культурного наследия достаточно противоречивы, поскольку греческая идея демократии находится в противоречии с идеями Библии, предполагающими безоговорочную веру в единого Бога. Во многом это изначальное духовное противоречие определило многие дальнейшие проблемы европейской культуры.

Дальневосточный переводческий ареал ориентирован на совокупность текстов буддийского канона и добуддийские светские тексты, преимущественно созданные в Китае. При этом принципы построения дальневосточной культуры кардинально отличаются от европейских, поскольку там не выделяется философия, логика как основные принципы организации мышления в культуре, и, соответственно, культура создается на иных основаниях. При этом многие особенности культуры отразились в ее иероглифической письменности, когда за иероглифом стоит множество значений и смыслов, образуемых метафорически, путем «отмысливания» от первоначального пиктографического конкретного значения. При этом изобретение буквенного алфавита, которым пользуется Западная культура, с одной стороны, было большим прогрессом, с другой, лишало культуру практически

необозримых возможностей графической метафоризации и абстрагирования, свойственных дальневосточной культуре. «Используя алфавитную абстракцию (когда за знаком стоит звук), можно ограничиться знанием всего лишь около тридцати букв, чтобы писать, вместо заучивания сотен и даже тысяч сложных изображений типа пиктограмм, иероглифов, идеограмм [Translators... 1995: 7]. Т.Н. Снитко отмечает, что различие в организации культур выразилось в том, что мышление европейской культуры направлено на познание, на поиск истины, при этом проявляется стремление к «максимальной вербализации смысла», а мышление восточных культур нацелено на понимание, а смысл в них невербализуем [Снитко 1999: 146].

Ближневосточная культура ориентируется на свой центральный текст – Коран, написанный гораздо позже буддийского канона, греческих античных текстов культуры и Библии. Кроме того, ближневосточная культура имеет высоко развитое домусульманское культурное наследие, состоящее из поэтических и прозаических текстов, понятыйная и топикальная природа которых подверглась сильному сдерживающему и нормализующему влиянию со стороны Корана.

Выделенные переводческие ареалы по-разному относились к переводу, вследствие чего по-разному воспринимали инокультурное влияние, которое преимущественно носило переводческий характер. Перевод это принципиально дихотомическая деятельность, в которую вовлечены два языка, две культуры, две аудитории, причем перевод всегда приспособление «чужого к своему» или «встраивание «своего в чужое», поэтому в нем присутствует совокупность дихотомических влияний, которые либо препятствуют, либо способствуют переводу.

Среди факторов, которые способствуют или, наоборот, препятствуют переводу, следует выделить такие как территориальная близость / отдаленность, языковая близость / отдаленность, культурная близость / отдаленность, которая, как представляется, определялась, начиная с древних времен, религиозной общностью и центральными (сакральными) текстами соответствующих культур, готовность или неготовность культуры принять определенные тексты из другой культуры, мотивированность к переводу, потребность культуры в том или ином тексте из другой культуры.

Для того чтобы оценить и понять состояние и перспективы переводческой деятельности между каждой конкретной парой

культур, следует в рамках общей истории и теории перевода рассматривать именно эти факторы. Территориальный фактор с древних времен определял наличие или отсутствие контактов между культурами, а также общность условий обитания. Сходство языковых систем облегчало как установление непосредственных коммуникативных контактов, так и возникновение культурозначимого перевода, история которого началась с перевода сакральных (религиозных) текстов.

Поскольку отношение языков, на которых написаны центральные тексты макрокультур, и языков, распространенных внутри этих макрокультур, различны, внутри них существует различная потребность в переводческой деятельности, различное отношение к переводческой деятельности и различные культурные последствия, ставшие результатом отношения культур к этой деятельности.

Центральный текст европейской культуры – Библия написан на языках, вышедших из употребления задолго до образования современных европейских языков и государств. В силу этого Библия постоянно переводилась и принципиально, и по необходимости распространялась через переводы на авторитетные языки, а затем практически на все языки европейского ареала. Традиция распространения Библии через перевод в силу фактической недоступности оригинала способствовала, очевидно, тому, что центральный текст европейской культуры существует в постоянном воспроизводстве, причем в переводческий оборот вводятся новые и редкие языки, таким образом, европейская культура через перевод миссионерских распространяется в другие культурные ареалы, особенно в те, которые не охвачены мировыми религиями, что приводит к христианизации последних.

Таким образом, не без участия перевода европейская (Западная) культура приходит к состоянию, которое в настоящее время характеризуется как «открытое общество», идеалы, ценности которого самораспространяются культурой и охватывают максимально широкое культурное пространство. Этому можно найти, в том числе, и переводческое объяснение – Западному переводческому ареалу всегда было свойственно распространять свои тексты через перевод, подключая к сфере своего влияния другие культуры, при достаточно низком интересе к текстам культур из иных переводческих ареалов. Представляется, что этому феномену можно найти культурное объяснение, как и феномену «закрытости» других культур, что может способ-

ствовать если не устранению, то хотя бы объяснению многих культурных противоречий современного мира. Центральные тексты культуры играют при этом в рамках соответствующего ареала объединяющую роль, задают систему отношений и координаты мышления соответствующей макрокультуры.

Следует отметить, что, если рассматривать центральные тексты названных макрокультур в терминах «предельных понятий» (Т.Н. Снитко), таких, к примеру, как «Добро» и «Зло», то все центральные тексты всех макрокультур ориентированы на «Добро», и в этом проявляется мета-идея, объединяющая все культуры. В рамках этой мета-идеи можно путем сопоставлений выявить и другие объединяющие все культуры идеи. Наличие таких идей, прописанных в центральных текстах культуры, создает общее духовное пространство, объединяющее все культуры. Это, в принципе, создает возможность взаимопонимания в межкультурном общении, которое, как показывает история, достигается на практике в течение тысячелетий. Для оптимизации такого общения необходимо, однако, описать те факторы которые, с одной стороны, способствуют, с другой стороны, сдерживают межкультурное понимание.

Таким образом, европейская (Западная) культура изначально и в силу исторических обстоятельств (недоступности оригинала центрального текста культуры, образования внутри нее множества локальных культур) ориентирована на развитие переводческой деятельности и на распространение посредством нее своих культурных ценностей, которые полагаются (и в действительности являются) значимыми в мировом культурном пространстве. При этом практически все духовные потребности культуры удовлетворяются ее собственной деятельностью, в силу чего Западная культура не испытывает особой потребности в интенсивном переводческом обмене с другими макрокультурами, что также объясняется большими различиями между языками, объединяющими основные переводческие ареалы.

Следует отметить, что эта тенденция характеризует и другие переводческие ареалы – Ближневосточный и Дальневосточный: макрокультуры не склонны общаться между собой, создавая внутри себя необходимое духовное пространство, которое, как показывает опыт межкультурного общения вполне проницаемо и может быть познано другими культурами.

При этом Ближневосточный ареал проявляет черты, которые можно охарактеризовать как черты «губочной» культуры, где

осуществлялись интенсивные переводы на центральный язык - арабский. Фактически в «Домах Мудрости», представлявших собой в современном понимании переводческие центры, осуществлялся перевод на арабский язык практически всех значимых текстов окружающих культур [Семенец, Панасьев 1991]. Достаточно сказать, что когда были утеряны рукописи Аристотеля, его тексты были первоначально переведены на европейские языки, в частности на английский, с арабского. Ближневосточная культура, как губка, впитывает практически все доступные тексты других культур, при этом не делясь с другими культурами своими ценностями, к которым, следует сказать, окружающие культуры не проявляют интереса, являясь самодостаточными. Вследствие этого «губочная» ближневосточная культура развивается как закрытая, не распространяясь через перевод. Именно поэтому «перевод» в ближневосточном мире прежде всего означает перевод на арабский, в то время как в Западной культуре ситуация кардинально иная: в процессе перевода в разных вариантах участвуют разные пары языков, а европейская общая теория перевода учитывает прежде всего потребности перевода внутри этого культурного ареала.

Кардинально отличается и ситуация с распространением центрального текста культуры – Корана. Если Библия в Западной культуре распространяется практически исключительно через перевод, то Коран практически не переводится, поскольку правоверный мусульманин обязан читать текст в оригинале, тем самым непосредственно общаясь с Аллахом. Это означает, что европеец получает центральный текст культуры исключительно в переводах, а на Ближнем Востоке – исключительно в оригинале, что многое определяет в развитии соответствующих культур. Следует отметить и то, что ближневосточный ареал характеризуется доминированием одного языка – арабского, на котором доступен оригинал центрального текста, что во многом определяет особенность культуры и ее отличие от соседней Западной культуры, где языковая и переводческая ситуация кардинально иная, там распространены и используются разные языки, что определяет большую потребность в переводе.

Дальневосточный переводческий ареал в силу своей обширности, удаленности от других ареалов развивается достаточно обособленно. Авторитетной культурой здесь является Китай, который влияет на духовное развитие других культур. Переводческая деятельность с других языков там развита слабо в силу

духовной автономности Китая, однако осуществляется перевод на языки окружающих культур, которые развиваются во многом благодаря этим контактам. Было отмечено различие в организации способов мышления Западной и восточной культур, которое приводит к неизбежным переводческим проблемам. Главная из них заключается в том, что текст, созданный в одних координатах мышления, будучи переведен, неизбежно осваивается в других координатах. При этом самый блестящий перевод не задает «правильных» координат для освоения текста, в силу чего происходит неизбежная содержательная и понятийная редукция: какое-то понимание текста возникает практически всегда, но далеко не всегда это то понимание, которое осуществляется в исходной культуре.

Другими словами, если допустить, что имеется идеальный перевод восточного текста на европейский язык, к нему далее применяются способы понимания, которые характерны для европейской, а не для восточной культуры, т.е. фактически редукция содержательности происходит не в тексте и переводе, а в деятельности по пониманию.

Макрокультуры не склонны к интенсивному общению друг с другом также и в силу того обстоятельства, что оно затруднено большими языковыми различиями; с другой стороны, языковые различия во многом отражают культурные различия. Попытки нивелировать эти различия зачастую приводят к *культурной редукции*, когда идеи, понятия, ценности одной культуры берутся средствами и в понятиях другой культуры, в то время как в культуре оригинала имеются свои специфические средства для представления этих духовных образований. При этом происходят различные преобразования этих духовных сущностей и они, с одной стороны, предстают как понятые и освоенные, с другой стороны, они поняты и освоены средствами, доступными и присутствующими другой культуре, что делает их *иными* духовными образованиями, по особому трансформирующими и обогащающими принимающую культуру.

Примеры столь многочисленны, что приводить их можно бесконечно: один из наиболее ярких – адаптация восточных идей к западной системе мышления, координаты которой задавались древнегреческой логикой, не свойственной восточному мышлению, развивавшемуся в иных понятийных координатах. Восточные идеи, освоенные по-западному, западными способами мышления и категориями, представляются неизбежно моди-

фицированными, что не всегда означает их культурную утрату. В принимающей культуре при этом появляется некое новое содержание, не вполне восточное, но и не европейское. Поскольку культура может рассматриваться как движение, диалог содержаний, постольку и симбиоз западного и восточного содержаний, кажущийся неуместным и неканоническим восточному человеку, может являть определенный прогресс в общекультурном развитии. То, что при этом получает Западная культура, есть именно то, что она готова освоить и в чем она нуждается.

При этом не исключается и ситуация, когда реципиент одной макрокультуры с большой мерой полноты готов нередуцированно осваивать ценности другой макрокультуры, для чего требуется достаточно большая мера того, что принято называть *феноменологической редукцией* или, в терминах Э. Гуссерля, «эпохэ», т.е. «вживанием» в культуру. Это требует высокой степени мотивированности реципиента и его готовности работать с ценностями иной культуры в терминах и средствах этой культуры.

Опыт показывает, что «губочные» культуры, т.е. культуры, которые вобрали в себя много иных содержаний, проявляют большую готовность к такому виду деятельности: они готовы работать в терминах и средствах как Западной, так и Восточной культуры. У Западной культуры, как правило, такой необходимости не возникает, поскольку ее развитая система средств мышления, высокая степень категоризации позволяет пусть и редуцированно, но осваивать ценности иных макрокультур своими специфическими средствами.

В связи с вышесказанным представляется уместным привести несколько фрагментов «Из диалога о языке между японцем и спрашивающим», где спрашивающим является сам автор – Мартин Хайдеггер [Хайдеггер 1993: 274-275]:

«Я.– Граф Куки читал в Киото лекции по эстетике японского искусства и поэзии. ...Он делает там попытку рассмотреть существо японского искусства с помощью европейской эстетики.

С. – Но можем ли мы в подобном начинании обращаться к эстетике?

Я. – Почему нет?

С.– Это наименование и то, что им именуется, происходит из европейской мысли, из философии. Эстетическое рассмотрение должно поэтому оставаться в корне чуждым восточноазиатскому мышлению.

Я. – Наверное, вы правы. Однако мы, японцы, вынуждены звать эстетику на помощь.

С. – Зачем?

Я. – Она предоставляет нам необходимые понятия, чтобы охватить то, с чем мы сталкиваемся в искусстве и поэзии.

С. – Вы нуждаетесь в понятиях?

Я. – По-видимому, да; ведь после встречи с европейской мыслью делается очевидной недостаточность нашего языка в одном отношении.

С. – В каком?

Я. – Ему недостает разграничительной силы, чтобы представлять предметы в однозначной взаимоупорядоченности друг с другом в смысле их пересекающегося подчинения и подчиненности.

С. – Вы серьезно считаете эту неспособность недостатком вашего языка?

Я. – При неизбежной теперь встрече восточноазиатского мира с европейским ваш вопрос явно требует тщательного размышления. ... Остается вероятность, что с точки зрения нашего восточноазиатского присутствия, увлекающий нас за собою технический мир вынужден ограничиваться внешним и... что...

С. – ...настоящей встречи с европейским присутствием тем самым, несмотря на все уравнивания и смешения, так и не произойдет.

Я. – Произойти, пожалуй, даже и не может.

С. – Вправе ли мы утверждать это с такой безусловностью?

Я. – Я последний, кто решился бы на это, иначе не приехал бы в Германию. Но я постоянно ощущаю опасность, с которой явно не мог справиться также и граф Куки.

С. – Какую опасность вы имеете в виду?

Я. – Что накопленное духом европейских языков понятийное богатство склонит нас пренебречь тем, что обращено в качестве вызова к нашему присутствию, как чем-то неопределенным и растекающимся»

В данном фрагменте представлены основные проблемы, которые характеризуют отношения Восточной и Западной макрокultur и которые в отношении языка и перевода в дальнейшем выражены предельно емко «языки здесь и там не просто различны, но исходят в корне из разного существа» [там же: 275].

По сути «из разного существа» исходят и вступающие в переводческий контакт макрокультуры, способы организации мышления в которых и определяют «разные существа» их языков.

Это стоит не только учитывать в переводе как пресловутый «культурный фактор» или «вертикальный контекст», но как существенное и определяющее различие макрокультур, которое, тем не менее, при его освоении и осознании позволяет сделать вывод не о культурной пропасти между макрокультурами, а о культурной общности, поскольку освоение различных способов мышления и работа в разных культурных парадигмах способна необычайно обогатить общекультурное духовное пространство. В этом отношении понимание того, как устроена иная культура, какие способы мышления заложены в ее основании, из какого источника они пришли, реально способствует межкультурному взаимопониманию, причем в гораздо большей степени, чем изучение того, как принято здороваться, прощаться и т.п., т.е. чем изучение внешних проявлений сущностных межкультурных различий.

Неизбежно в силу всего вышесказанного перевод представляется крайне разнообразной и разнородной деятельностью, подверженной различным воздействиям и обстоятельствам. Из всего вышесказанного вполне очевидно, что однозначные и претендующие на универсальность лингвистические формулировки европейской теории перевода, рассчитанные на раскрытие сущности перевода, являются лишь крайней редукцией, пригодной в определенных, крайне ограниченных ситуациях, параметры которых также должны быть описаны, чтобы очертить границы их применимости. При переходе же от одной макрокультуры к другой большинство принципов и постулатов лингвистической теории перевода, ориентированной на перевод внутри европейского языкового ареала и Западной макрокультуры, вообще перестают действовать. Это необходимо учитывать при организации переводческой деятельности и при разработке принципов общей теории перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенец О.Е., Панасьев А.Н. История перевода. - Киев, 1991.
2. Снитко Т.Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах: Монография. – Пятигорск, 1999.
3. Хайдеггер М. Время и Бытие. – М., 1993.
4. Translators through History. – Amsterdam, 1995.

© Галеева Н.Л., 2006

Дзюба Е.В.
Екатеринбург

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПЛАНА ТЕКСТА КАК ОДИН ИЗ ЭТАПОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Вопрос о специфике, сущности и, главное, методике филологического анализа текста остается по-прежнему дискуссионным. Некоторые исследователи уже практически доказали, что сопоставительный метод может сыграть существенную роль не только при собственно научном изучении тех или иных вопросов, но также при формировании методики научного или учебно-научного анализа. Так, например, преподаватели кафедры лингвистики и коммуникативной культуры ИРПО Свердловской области уже несколько лет успешно и результативно обучают школьников написанию изложения посредством методики сопоставления двух текстов. Данный принцип написания изложения со временем, вероятно, будет введен во всеобщую учебную практику. Методику исследования посредством сопоставления двух тематически перекликающихся текстов разных авторов можно достаточно продуктивно использовать и в процессе обучения филологическому анализу текста.

Результативность данной методики филологического анализа текста можно продемонстрировать на примере изучения лексического плана двух стихотворений: «Предопределение» Федора Тютчева и «Любовь» Вячеслава Иванова.

Предопределение

Любовь, любовь – гласит преданье –
Союз души с душой родной –
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И...поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет, наконец...

(Федор Тютчев)

Любовь

Мы – два грозой зажженные ствола,
Два пламени полуночного бора;
Мы – два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужилая стрела!

Мы – два коня, чьи держит удила
Одна рука, - одна язвит их шпора;
Два ока мы единственного взора,
Мечта одной два трепетных крыла.
Мы – двух теней скорбящая чета
Над мрамором божественного гроба,
Где древняя почивает Красота.

Единых тайн двугласные уста,
Себе самим мы – Сфинкс единый
оба.

Мы – две руки единого креста.

(Вячеслав Иванов)

Попытаемся определить тему данных стихотворений. Очевидно, тематически эти стихотворения близки: они оба о любви. У.Ф. Тютчева корень –**ЛЮБ**- повторяется в тексте трижды, притом в самых сильных текстовых позициях: в начале – дважды (первая строка), один раз – в конце (предпоследняя строка). У.В. Иванова в тексте ни разу не упоминается слово **ЛЮБОВЬ**, но данная так называется само стихотворение, и это – заголовок – тоже сильная позиция текста. Тема, таким образом, одинакова. Но как каждый автор представляет себе сущность любви... - этот вопрос следует решить через определение основной мысли текста.

Чтобы сформулировать основную мысль текста можно проанализировать наиболее частотные слова и выражения в тексте, то есть обратить особое внимание на лексический план. У Ф. Тютчева в тексте частотны следующие лексемы: *душа* (дважды) или *сердце* (1 раз), а также конститутивные элементы: *их* (дважды), *оно* (1 раз), *одно из них* (1 раз) – итого слово *душа / сердце* повторяется 7 раз. Интересно также использование Тютчевым синонимических рядов: *союз, съединенье, сочетанье, слиянье* – с одной стороны, и *поединок, борьба* – с другой стороны. Очевидно, что сами эти синонимические ряды вступают в антонимические отношения друг с другом и выражают мысль о неразрывном единстве двух любящих сердец, двух влюбленных, которые, однако, находятся в постоянном состоянии противоборства. Эта идея поддерживается также антонимией эпитетов: *родной, нежный* (о душе) – с одной стороны, *роковой* (поединок), *неравный* (о борьбе) – с другой стороны.

Лексической особенностью текста В. Иванова является частотность слов *мы* (7 раз), *два* (10), *один*, *единственный*, *единый* (8). Такое обилие повторов, несомненно, свидетельствует о соответствующей авторской интенции: актуализировать мысль о единстве, неразрывности двух любящих сердец, ср.: **Мы... - одной судьбы *дву*жилая стрела; Мы – два коня, чьи держит удила *Одна* рука...; ...*два* ока *мы* *единственного* зора, Мечты *одной* *два* трепетных крыла...** Местоимение *мы* и числительное *два* используются с целью номинации лирических героев, числительное *один* и однокоренные с ним прилагательные *единый*, *единственный* вносят семантику объединения, неразрывной связи.

Таким образом, идея единства двух сердец в любви становится общей и для Ф. Тютчева, и для В. Иванова. Несомненно, что эта мысль традиционна для русской поэзии и культуры в целом. Неслучайно, Тютчев отмечает: «*Любовь, любовь – **гласит***

преданье – *Союз души с душой родной...*», подчеркивая традиционность такого понимания любви. Но действительно ли так одинаково авторы представляют сущность любви?

Ф. Тютчев, вероятно, в своем тексте намеренно противопоставляет экспрессивно окрашенную лексику: *родной, союз, нежнее ...* – с одной стороны, и *борьба, поединок, страдая, грустно млея, изноет...* – с другой стороны. Поэт подчеркивает близость родных душ, нежность отношений между влюбленными, но при этом любовь не дает лирическому герою Тютчева ощущения гармонии и спокойствия. Таким образом, для Ф. Тютчева любовь – это всегда борьба, поединок, которые несут сердцу страдание и боль, и как неизбежное следствие – душевное опустошение (ср.: *И чем одно из них нежнее..., Тем неизбежней и вернее... Одно изноет, наконец...*).

Совсем иное понимание любви у В. Иванова. Для определения сущности любви у этого поэта следует обратить внимание на объекты денотативного пространства, которые в тексте реализуются как метафорические образы влюбленных, ср.: *два грозой зажженные ствола, два пламени полуночного бора...* Очевидно, что метафорические образы *огня, пламени* подчеркивают идею высокой интенсивности чувства, накала страсти. Эту мысль поддерживают и другие “образы-интенсификаторы”, образы движения: образ стрелы-судьбы, образ летящей птицы-мечты и образ стремительно несущихся коней, ср.: *Мы – два коня, чьи держит удила Одна рука, – одна язвит их шпора...; Мечты одной два трепетных крыла...; ...Одной судьбы двуужилая стрела...* Астрономический образ *двух летящих метеоров*, метеорологический образ *грозы...* (ср.: *Мы – два грозой зажженные ствола...*), онтологические образы *двуужилой стрелы одной судьбы, двух крыльев одной мечты* придают чувству любви возвышенный, глобальный, космический характер. А образы *божественного гроба, древней Красоты, Сфинкса и креста* доводят его до уровня религиозного ощущения, придают чувству любви сакральный характер (ср. два последних трехстишия). Таким образом, для В. Иванова чувство любви по своей интенсивности, накалу подобно религиозному чувству, оно окрыляет, возвышает человека, делает его чуть ли не подобным богу, ср.: *Мы – две руки единого креста...* Это отвечает общему мировоззрению В. Иванова, автор во всем в мире искал отражение божественного; недаром его называли «религиозным устроителем жизни».

Показательно, что и у того и другого поэта встречаются лексемы одного логического ряда, несущие семантику предопределения: *Роковой* и *Судьба, божественный*... Но, тем не менее, их сущность неодинакова... У Ф. Тютчева речь идет скорее о злом роке, который не дает человеку ощущения гармонии и счастья; у В. Иванова человек в любви обретает и гармонию, и радость бытия, и Бога. И если у Ф. Тютчева движение любви-жизни происходит в схватке, борьбе двух сердец, то у В. Иванова – в совместном полете, беге – стремлении к возвышенному и вечному.

Методика анализа художественного текста посредством его сопоставления с другим, на каком бы уровне исследование ни проводилось, помогает более глубоко проникнуть в сферу поэтического замысла изучаемых произведений и выявить некоторые особенности идиостиля того и другого автора.

© Дзюба Е.В, 2006

Кондратьева О.Н.
Кемерово

КОНЦЕПТ ДУША В ТЕКСТАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ

(опыт метафорического моделирования).

Переход на антропоцентрическую парадигму исследования языковых фактов обусловил новые пути исследования единиц метафорического плана, метафора стала ключевым понятием при изучении концептуальных систем. Соответственно, метафора начинает изучаться как «способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями **с целью создания новых концептов** (выделено нами. – О.К.), особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственных ощущениях» [Телия 1988: 3].

Сама идея о том, что метафора концептуальна по своей природе, не является абсолютно новой. Положение о возможности получать и выражать новое знание посредством метафор первоначально было выражено имплицитно в работах Аристотеля, К. Льюиса, Ф. Ницше, И. Ричардса и др. (подр. см. Шабанова 1999: 161-162), находилось на дальней периферии исследовательского внимания, и лишь относительно недавно оно стало ведущим, в метафоре отчетливо увидели ключ к пониманию основ мышления и процессов концептуализации.

Метафора – это когнитивная операция над понятиями, средство концептуализации, позволяющее осмыслить ту или иную

область действительности в терминах понятийных структур, изначально сложившихся на базе опыта, полученного в других областях [Дж. Лакофф, М. Джонс; М. Блек; Н.Д. Арутюнова; И.М. Кобозева; Е.О. Опарина; А.П.Чудинов и др.] Своеобразие концептуальной метафоры состоит в том, что в ее основе «лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира» [Чудинов 2001: 52]. Таким образом, метафора выполняет центральную роль в понимании и структурировании человеком действительности.

Метафорической концептуализации подвергаются преимущественно понятия абстрактные. Уже Ш. Балли писал, что «мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомиться с ними других» [Балли 1961: 221]. Эту особенность отмечают все без исключения исследователи концептуальной метафоры. Н. Д. Арутюнова совершенно справедливо заметила, что «без метафоры не существовало бы лексики «невидимых миров» (внутренней жизни человека), зоны вторичных предикатов, то есть предикатов, характеризующих абстрактные понятия» [Арутюнова 1990: 9].

Предлагаемое исследование посвящено метафорическому моделированию концепта ДУША. На основе анализа древнерусских текстов в работе выделяются базовые концептуальные метафоры, формирующие структуру названного концепта. Душа представляет собой объект «невидимого мира», и потому отображение ее свойств возможно лишь путем выявления сходства по ряду параметров с некоторыми вполне материальными объектами. Именно с помощью метафоры происходит вербализация, объективация в языке концепта *душа*, который иным способом не может быть выражен. Все объекты, с которыми сопоставляется душа, являются базой для ее познания, для выявления наиболее значимых свойств этой недоступной для непосредственного восприятия константы внутреннего мира человека.

Наиболее распространенными в древнерусском языке являлись такие концептуальные метафоры, как «душа – человек», «душа – животное», «душа – место произрастания растений», «душа – артефакт», «душа – имущество», «душа – пища».

1. «*Душа – человек*». Процесс концептуализации внутрен-

него мира происходит на базе знаний и представлений о человеке как живом существе. Человек запечатлел свой облик в языке, познавая мир, он наделяет его объекты своими свойствами. Душа представляется в народном сознании неким живым существом, которое живет своей жизнью, обладает своим индивидуальным обликом и характером, что позволяет определить ее как некое «внутреннего человека».

Прежде всего, душа живет и умирает, т.е. проходит в своем развитии тот цикл, который характерен для всех живых существ: ***живь господь, и жива душа моя, царь – государь, а впредь, что изволить богъ*** («Житие пророка Аввакума»); *сласть бо грѣхъ родить, иже умерщвляетъ душу; тако смерть душевна бывает* (Симеон Полоцкий. «Стихотворения»). В процессе своего существования душа болеет и выздоравливает: *вския болѣзни, душевныя и телъсныя* («Житие Епифания»); *душу свою изврачевала и сына исцелила!* («Житие пророка Аввакума»).

Как и любое живое существо, душа испытывает необходимость в пище, чтобы поддержать свои силы: *цркви бжию зовушти на млитвоу остави дѣло земльное кое любо. и иди на дшевнюю пищу* («Изборник 1076»); *словеса бо евангельская пища суть душам нашим* ... (Кирилл Туровский. «Слово на вербницу»), обладает зрением, речью и слухом: *видит душа моя, что им побитым быть* («Житие пророка Аввакума»); *душе моя. ... повѣжъ явѣ дѣянъ и вся мысли Христу* («Лаврентьевская летопись»); *господи рцы душе моей: азъ есмь твой спаситель* (Симеон Полоцкий. «Стихотворения»). Душа может спать и бодрствовать: *душе моя, востани, что спиши!* (Протопоп Аввакум. «Книга бесед»).

Душа, подобно человеку, испытывает эмоции разной степени интенсивности: *въскую печална еси душе моя* («Лаврентьевская летопись»), *вельми бо прискорбна естъ душа моя* («Московский летописный свод»), мыслит: *ним вникнущи въ помыслы дщи своеи оувы мнѣ что створихъ* («Поучение Владимира Мономаха»); *смуцаем помыслы душа моего* («Киево-Печерский патерик»).

Душа существует в социальной среде, взаимодействует с другими субъектами, для ее описания используются социальные метафоры. Так, душа человека трудолюбива: *приимемъ твоя трудолюбивыя дша* (СДЯ: КЕ), пребывает в нищете: (душе) *и в нищеть без милости сама себе изнуряешь* (Протопоп Аввакум.

«Стих о душе»), страдает, будучи обремененной грехами: аще ли кто не сам о своих грѣсѣхъ поскорбитъ, кто ни душу его от лютыя муки свободитъ? (Феоктист. «От Феоктиста к Лариону старцу твещание»).

Душе приписываются определенные социальные роли, что отражается в существовании метафор «**душа – царица**»: бодрость же и тщание много добра сотворяет, понеже сию **бес-мьртную нашу царицу** (душу – О.К.) горь възвышает (Справщик Савватий. «Наставления ученику»); градъ убо – человекъ, а царь – умъ, а **царица – душа**, а друзи – мысли, а высокоумный велможа – хмель (Апокрифы), «**душа – воин**»: на нас души зло-стѣми вооружаютъ (Кн. И. Хворостинин. «Изложение на еретики-злохульники»); такъ мужьствомъ душу въоруживъ (Митрополит Макарий. «Великие Миней-Четьи»), «**душа – воевода**»: душу имъ яко и воеводу. а тѣло якоже воина («Пчела»). Данные метафоры реализуют базовые свойства души – «обладание властью» и «воинская доблесть» (чаще всего – в борьбе с грехами). Душа предстает также как скиталица, странница: о душе моя, что за воля твоя? иже ты сама въ такой дальнѣй пусты-ни яко бездомная нынѣ ся скитаеши, и съ зверми дивими житие свое имъешь (Протопоп Аввакум. «Стих о душе»).

2. «**Душа – животное**». Душа человека может прямо уподобляться душе зверя: Свѣрепа звѣри душу имъя, не хочет ми въздати матери моя, ни жены, ни дѣтеи моих («Лететописец Еллинский и Римский»). Зооморфная душа является объектом охоты, ее стремятся поймать, опутать сетями: аще ли же **улов-лена будет (душа) от диавола малодушия сетями и увязнет ногты в мѣрежах слабости жития сего суетнаго, не возмо-жет противустати и малому искушению, нашедшему на ню** (Иосиф Волоцкий. «Послание брату Вассиану Санину»).

Душа уподобляется исключительно домашним животным – быкам, коню. Данная метафора используется преимущественно при описании взаимодействия души с телом, для подчеркивания их неразрывной связи. Так, душа и тело воспринимаются как пара волов, соединенных в упряжке, распряжены же они будут после смерти человека: такъ бо тѣло душею окормляемо есть, тою бо стоится и водится и носитеса, **якоже нѣкая два юнца** (юнец – вол, бык) окормляюще рало, дондеже, иже составивыи ся богъ всихъ и промысленикъ распряжет («Александрия»). В ситуации покупки души у человека дьявол забирает и узду-тело, и впряженную в нее душу: купецъ же, злый древний змий, ис-

торже и восхити из среды всьхъ и поднесе горь, видящимъ всьмъ и душу и узду, то есть тьло, и отнесе в тартаръ на вьчную нестерпимую муку ... («Великое зеркало»).

В изученном материале было отмечено только единичное уподобление души дикому животному – оленю: *Душа бо, упившиася любовию Христосовою, аки елень на источники, не ощущает скорбей, аще и вся вселенная подвигнется на ню; аще и небо с землею сразиться, не могут его поколебати* (Иосиф Волоцкий. «Послание...»).

Отрицательным является сравнение души с псом, что объяснимо библейской традицией. Пес, собака «считался евреями одним из самых нечистых животных», пес упоминается в Библии «как символ ничтожества и презрения, свирепых врагов, животных страстей и плотских чувствований» [Нюстрем 2002: 319-320]: *Тамо бы и невѣрныхъ душа не въ песиемъ образѣ будуть, ниже шубами покрываються, но, якоже рѣхъ, псомъ зловѣрие его объяви, шубою же – чесное милостыни* («Волоколамский патерик»).

3. **«Душа – птица».** Данная метафора, широко распространенная в фольклорных текстах, в книжных текстах Древней Руси встречается крайне редко. Душа уподобляется голубице (ср. образ Св. Духа-голубя в тексте Библии): *и царская душа в той церкви* (теле – О.К.), *яко голубица крылы посреберенными, между рамя ея блисталася* (А. Курбский. «Послания И. Грозному»). Метафора «душа-птенец» актуализирует незащитность души, ее подверженность новым религиозным веяниям: *съели тебе старицы белевки, проглотили твою душу, аки птенца, отлучили тебе от насъ!* («Повесть о боярыне Морозовой»).

Как правило, орнитологические метафоры в характеристике души имеют положительную оценку, хотя возможны и исключения. Так, лишенная добродетелей душа уподобляется птице «худой и страшливой», птице с поврежденным пером: *а котораа душа пуста тех триех сил добродетельных есть, уподобися птици худе и страшливи, котораа не стрепит ни перо худо ветром инде помечено* (Максим Грек. «Послание княгине»).

4. **«Душа – рыба».** В христианской традиции рыба является символом «веры, чистоты, девы Марии, а также крещения, причастия (где она заменяется хлебом и вином); в этом же ряду стоит евангельский мотив насыщения рыбой и хлебами; Иисус Христос иногда называется в ранней христианской литературе «Рыбой», а христиане – «рыбаками» [Топоров 1999: 393]: *И яко*

рем убо являет утвържение и крепость веры, рыбою же душу человеку, и учит нас притчею сею и говорит: яко якорь железен крепит и утвърждает корабль в море и избавляет его от всякия беды морских вълнений и обуреваний (Максим Грек. «Послание В.М. Тучкову-Морозову»).

5. «**Душа–место произрастания растений**». Душа метафорически уподобляется ‘местам произрастания растений’. При этом источниками метафорической экспансии являются исключительно окультуренные, освоенные человеком растительные массивы – сад, нива: сад быс дшевный. посръде бо дому сгня стоя («Миней»); кто достигнет поистине исповьдати добродетълнаго житиа его, благодати цвѣтущи в души его («Житие Сергия Радонежского»); да умягчить господь нивы душевныя сердцеъ ваших («Московский летописный свод»); и угобзися святому Андрею нива душевнаа, и положися ему большая мысль въ сердце («Новгородская I летопись»); берегись, друг, если только пашню свою хочешь возделать, а душу свою оставишь необработанной («Пчела»).

Хорошо знакомый человеку процесс земледелия, особое отношение к земле как главной ценности, от которой во многом зависит существование человека, обусловило перенос данных характеристик на компоненты внутреннего мира, также воспринимаемые как необходимые для существования. Земледельческие метафоры использовались для описания процесса познания, приобщения к православной вере.

6. «**Душа – пища**». Пища, приготовляемая руками человека, необходима для поддержания его жизненных сил. Концептуальная метафора «**душа – пища**» используется в контекстах, где речь идет отречении от истинной веры, в результате чего и ‘съедается’, ‘поглощается’ душа вероотступников: а дети твои не такъ живут, какъ ты: пошли за Федоромъ ходить и у него перенели высокоумья великое на себя, и гордость положили, и никою человека не поставили, и всех стали абманывать. Такъ ихъ и съель: и душу, и тело! («Переписка Морозовой с Аввакумом»); а все сотона виноват: ищет, какъ бы душу тмою поелатить («Переписка Морозовой с Аввакумом»).

7. «**Душа – имущество**». В средневековый период уже вполне сформированы имущественные отношения. Важнейшим дифференциальным признаком и критерием оценки и отношения к своей собственности «становится характер ее обретения, утраты: денежный или безденежный, добровольный или насиль-

ственный, открытый или тайный. ... На формирование конкретных переносных значений влияет «нестяжательный характер русской культуры» (Ю.С. Степанов) [Балашова 1999: 35].

Утверждается метафора «**душа – это товар**», поскольку душу можно приобрести, подобно любому рыночному товару: *не есть бо истинно купльние купити животы, иже по сему отбьгают рабы и рабыни; но истинно купление ти купити душу, зань же по них идуць животы* (Федор Карпов. «Послания»).

Чаще всего в текстах представлены ситуации, когда 'покупателем' души выступает дьявол: *о пианиць, иже душу прода диаволу* («Великое зеркало»); *бь бо древний ратникъ – диаволь во образь челоувчи. Кто бо купить души? Точию той.* («Великое зеркало»).

Соответственно, человек в такой ситуации предстает как продавец необычного 'товара' – своей души: *глаголахомь о душахъ, но аще бы кто мою душу хотьль купити, не постоаяль бы продати, и елико бы сию восприяль, то отдалъ бы за всьхъ васъ за вино корчмиту* («Великое зеркало»); *сия слыша, оный бьдный, продавый душу, нача от страха яко листъ трепетати* («Великое зеркало»). В большинстве приведенных контекстов человек продает свою душу за материальные блага, забывая о ее истинной ценности: *хощеши ли души цьну знати? Христось на ню изволи кровь свою отдати* (Симеон Полоцкий. «Цена души»).

Свое имущество человек может не только продать, как в приведенных выше контекстах, но и потерять, прельстившись суетной жизнью или ложным вероучением: *а я сама такава была: чаела себе всево добрава спасения, да немного душу не потеряла* («Переписка Морозовой с Аввакумом»).

Отношения собственности хорошо знакомы человеку Древней Руси, что и обуславливает перенос представлений из данной смысловой области в описание скрытого от взгляда внутреннего мира, «...особенности товарно-денежных отношений и возникающая в связи с этим система оценок распространяется на другие типы отношений человека в обществе или **на его внутренний мир** (выделено нами – О.К.) [Балашова 1999: 34].

8. «**Душа – артефакт**». Предметы, созданные человеком, являются необходимым атрибутом его существования, в них человек реализует себя. Одной из самых древних, по всей видимости, является метафора «**душа – дом**», поскольку с древнейших времен человек стремился создать жилище, чтобы ук-

рыться от природных катаклизмов и неприятелей. Душа уподобляется как обычному жилому строению: *Ты же, възлюблене, по-тщися създати дом души своая на неподвижном камени заповедей бога твоего, да уподобит тебе мужу мудру и сподобит тя внити священосца с мудрыми девами в небесный чрътог его* (Максим Грек. «Послание Неизвестному»); *О сем убо навикнем, яко правы ради веры и добрыми дела слово выю строится дом душевный* («Соборный ответ 1503 г.»), так и строению культовому, церкви: *тебе в душевней ми церкви в словесной храмине тела моего* (Кирилл Туровский); *да елма же оубо человекъ церкы душевная и богомъ сътворена боудеть богу. ти отець и сынъ и святыи Духъ живеть и ходить въ нец* («Изборник 1076»).

Душа уподобляется также утвари, как домашней, например, светильнику: что ми, болящему, *свѣца возжизаете? не вжегох бо свѣтилника моего душевнаго* («Стихи покаянные»), так и церковной: *жертву словесную исповѣдания оустъ принесу ти и дшвное кадило срдца въздыхание* (Кирилл Туровский). Возникновение метафоры «**душа – кадило**», видимо объясняется той важной ролью, которую выполняет кадило в процессе богослужения и ролью души в религиозной жизни человека.

Концептуальная метафора «**душа – корабль**» связана с восприятием жизни как бурного моря, где бьются волны и угрожают поглотить человека и его душу. Человек же стремится сберечь свой 'душевный корабль', привести его в гавань спасения: *въ мире и въ съдравии пучину жития преплутити и въ пристанищи небеснааго заветрия пристати, невредно корабль душевны и веру съхраньшу* (Митрополит Илларион. «Слово о законе и благодати»); *и како свой корабль своая душа с божиею помощию съблжсти многихъ бурь и волнь* («Житие Авраамия Смоленского»); *яко дабы богъ далъ игумена, ... могуца правити корабль душъвный всемирныя жизни к пристанищу спасения от влънь потопления, от злыхъ духовъ* («Житие Сергия Радонежского»); *и видѣхъ во пристанищи спасения многи корабли душевныя луть обуреваемы треволнением* (Иван Грозный. «Послание в Кирилло-Белозерский монастырь»).

При анализе древнерусского материала обратило на себя внимание отсутствие концептуальных метафор «**душа – зеркало**», «**душа – музыкальный инструмент**», «**душа – механизм**», характерных для современных текстов (см. анализ подобных метафор [Михеев 1991, Пименова 2004, Яковенко 1999]).

Отсутствие 'зеркальной' метафоры объяснимо, на наш взгляд, особым отношением средневековой культуры к символу зеркала. Зеркало с языческих времен воспринималось как символ удвоения действительности, граница между земным и потусторонним миром, а потому считалось опасным и требовало осторожного обращения (подр. см. [Толстая 1995: 195]). Отношение к музыке и музыкальным инструментам в исследуемый период также отличалось от привычного нам. Религиозная культура видела в светской музыке явление греховное, отвлекающее от мыслей о жизни вечной. В отличие от западной культуры, где «музыкальные инструменты использовались в богослужении, о чем нам напоминают многочисленные «музицирующие ангелы» на полотнах западноевропейских живописцев, инструментальная музыка на Руси не была принята» [Чумакова 2001: 11]. По свидетельствам иностранцев, Иностранцы отмечали: «всякую инструментальную музыку русские отвергают, потому что, как говорят они, она, как и другие бездушные предметы не может хвалить и воспевать творца, а напротив, только доставляет удовольствие чувствам и мешает благоговению» [Ливанова 1938: 285]. Инструментальная музыка считалась едва ли не дьявольским изобретением. Неслучайно появление нечистой силы описывалось как нашествие бесов, играющих на музыкальных инструментах. Соответственно душа являющаяся центром духовной жизни человека, главной ценностью, не могла быть уподоблена реалиям со столь сомнительной оценкой. Метафора же механизма, безусловно, в данный период еще не существует, по причине отсутствия самих механизмов в жизни средневекового человека.

Артефакты необходимы человеку для выживания и более комфортного существования, он активно использует их в своем повседневном обиходе, что и определяет продуктивность артефактной метафоры при концептуализации внутреннего мира человека.

Подводя итоги, отметим, что современный русский язык сохраняет базовые концептуальные метафоры, пронеся их через тысячелетия. Ряд метафор, существующих в современном русском языке, отсутствовал в древнерусском языке по причинам религиозного и символического характера. Объектом сопоставления с душой могли быть только символы, одобренные церковью и имеющие положительную оценку в средневековой культуре, относящиеся к области высокооцениваемых явлений. Из-

вестно, что источником концептуализации являются области, актуальные для общества определенного времени. Для средневекового периода в качестве таковых выступает сам человек, природный мир (животные, птицы, реже рыбы), предметы, окружающие человека.

Таким образом, при метафорической концептуализации одно и то же «мыслительное пространство» может быть представлено посредством одной или нескольких концептуальных метафор» [КСКТ 1996: 55]. Так, душа предстает в древнерусский период как человек, животное, птица, рыба, дом, кадило, корабль, имущество, пища, и это далеко не полный список концептуальных метафор. В результате происходит экспликация различных сторон познаваемого объекта, что позволяет выделить его существенные свойства и воссоздать его целостный образ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Балашова Л.В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI-XIV вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1998. – 42 с.
3. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Под. общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ, 1996.
5. Ливанова Т. Очерки и материалы по истории русской музыкальной культуры. – М., 1938.
6. Михеев М. Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1991. – С. 145–153.
7. Нюстрем Э. Библиейский словарь. – СПб.: Библия для всех, 2002. – 532с.
8. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации: Монография. – Кемерово: ИПК Графика, 2004. – 386 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).
9. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.
10. Толстая С.М. Зеркало // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995. – С. 195–196.

11. Топоров В.Н. Рыбы // Мифы народов мира Российская энциклопедия. – М., 1999. – Т. 2. – С. 391–393.

12. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

13. Чумакова Т.В. «В человеческом жителстве мнози образы зрятыя». Образ человека в Культуре Древней Руси. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – 242 с.

14. Шабанова, Е. Л. Концептуальная метафора: Направления в исследовании (обзор) // Реферативный журнал. Языкознание 1999. – № 1. – С. 158–176.

15. Яковенко Е.Б. Сердце, душа и дух в английской и немецкой картинах мира (опыт реконструкции концептов) // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 38–51.

© Кондратьева О.Н., 2006

Сергеев С.А.

Кемерово

ПОНЯТИЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРИЗНАКОВОЙ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА МЕЧТА

Понятийные признаки концепта – это «рациональная часть концепта, т.е. то содержание, которое включает только существенные характеристики объекта и рационально мыслится, а не переживается» [Карасик 2002: 153]. Информация о понятийных признаках концепта фиксируется, прежде всего, в толковых словарях. В работе использован метод концептуального (согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину – семантико-когнитивного) анализа, который предполагает переход от содержания значений слова – репрезентанта концепта к содержанию концепта. «Путь исследования «от семантики единиц языка к концепту» наиболее надежен... анализ языковых средств позволяет наиболее простым и надежным способом выявить признаки концептов и моделировать концепт» [Попова, Стернин 2005: 10]. Понятийная составляющая концепта – часть признаковой структуры, которая выявляется путем анализа значений слова, репрезентирующего концепт.

Исследуемый концепт *мечта* объективируется словами с корневой морфемой *-мечт-*, составляющей основу словообразовательного гнезда. *Мечта* – это имя концепта, с помощью ко-

тогого он объективируется в языке. Исследования показывают, что высший уровень концептуализации действительности представлен субстантивными формами вербализации концептов. «Субстантивная фиксация концепта в языке свидетельствует о надежной концептуализации явления, максимально абстрагированной от ситуации» [Попова, Стернин 2003: 48].

Слово *мечта* в современном русском языке полисеманлично. В словарях представлено от трех до пяти толкований, рассмотрение которых дает основание выделить следующие признаки, образующие понятийный слой концепта *мечта*:

1. 'Образ' (что-либо (картина, образ)), созданное воображением, фантазией – СРЯ; мысленный образ чего-л. желаемого – ССРЛЯ; нечто созданное воображением, мысленно представляемое – Ожегов). *То все было просто, ясно, счастливо, мечты всякие хорошие...* Толстая. Кысь.

2. 'Процесс' (процесс создания каких-либо образов, представляемых как существующие – СРЯ; действие и состояние по глаг. мечтать – создавать воображением образ чего-либо – ССРЛЯ). *Чем реже нас балует счастье, Тем слаще предаваться нам Предположеньям и мечтам.* Лермонтов. Измаил-Бей.

3. 'Состояние' (действие и состояние по глаг. мечтать – создавать воображением образ чего-либо; предаваться мечтам – СРЯ, ССРЛЯ). *Он погружался в бред, в мечты; и это лучше выходило, чем действительность.* Зайцев. Москва.

4. 'Желание' (мысль, дума о чем-л. желаемом, манящем; предмет желаний, стремлений – СРЯ, Ожегов; желание стремление – ССРЛЯ;). *Стать механиком было его мечтой.* Полевой. Гвардии рядовой.

5. 'Ирреальность' (о чем-л. нереальном, несуществующем или неосуществимом – СРЯ, ССРЛЯ). *Это все только мечты. Путь до экрана очень тернист, труден, чаще всего непроходим для тех, кто мечтает о славе...* Беляев. Человек, нашедший свое лицо.

6. 'Хорошо' (оценка чего-либо, что является пределом желаний – СРЯ; о чем-л. необыкновенно красивом, привлекательном – ССРЛЯ; о чем-нибудь очень хорошем – Ожегов). *Очень часто из старого прекрасного платья... выходили просто чудеса, нечто обворожительное, не платья, а мечта.* Чехов. Попрыгунья.

1. Первое толкование слова *мечта* позволяет вычленить

признак 'образ': *Обуянный розовой мечтою, Ипполит Матвеевич переваливался на кровати с боку на бок...* Ильф, Петров. Двенадцать стульев. – *Вот баба – она баба и есть. Всю мечту опоганит. Аж трясет.* Толстая. Кысь. В данной дефиниции содержится также указание на место локализации и источника появления *мечты* – воображение и фантазия, именно этим «невидимым органам человека» отведена роль создания мысленных образов, которые человек именуется *мечтой*: *А между тем это не мечта моего воображения.* Достоевский. Записки из мертвого дома. *Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения?* Карамзин. Письма русского путешественника. Иллюстративный материал показывает, что *мечты* создаются только воображением, а не фантазией [подр. о различии фантазии и воображения см.: Урысон 2003], что естественно указывает на особый характер образов, которые принято именовать *мечтами*.

Характер мысленных образов, создаваемых человеком по отношению к их связи с реальностью, может быть разным. С одной стороны, субъект создает образы того, что он знает по описаниям или по собственному опыту. Если имеющаяся информация о том или ином объекте / явлении оказывается недостаточно полной – субъект с помощью воображения заполняет эти естественные лакуны. С другой стороны, с помощью воображения субъект может создавать особый, несуществующий мир. *Года три он проходил с этою мечтой, мерещилась она ему все в разных видах.* Достоевский. Братья Карамазовы. *На крыльях древнего Пегаса Летает в мир мечтанья он* Лермонтов. Портреты.

2. Вторая дефиниция позволяет выделить признак 'процесс'. Значение процессуальности для слова *мечта* является одним из самых важных, поскольку данный субстантив является производным от глагола *мечтать*. Если обратиться к словообразовательному гнезду с корнем *-мечт-*, то можно увидеть, что все остальные члены гнезда в своих значениях также содержат этот компонент. Наиболее важно данное замечание относительно слова *мечтание*, которое образует с *мечтой* синонимическую пару. Словарные пометы указывают на конструкции, которые являются типичными условиями реализации данного признака: *мечта/ мечтание о ком, чем; предаваться мечтам/ мечтаниям (Я уже не мог предаваться мечтам о счастье....* Тургенев. Фауст. *Она заставляла себя на мечтаниях о том, что было бы,*

если б она не была замужем и он был бы свободен. Толстой. Анна Каренина). Как правило, этот процесс приносит удовольствие, – в этом отличие *мечты* от просто мыслительного процесса (мечтать можно только о хорошем, тогда как думать и размышлять – о чем угодно). *Я убежден, что нет человеческого существования и возраста, лишенного этой благодетельной, утешительной способности мечтания.* Толстой. Юность. Однако, встречаются контексты, в которых *мечта* и *мысль* – синонимы: *И вдруг мечта на ум приходит, Что это только мирный сон.* Герцен. Былое и думы.

Признак процессуальности позволяет рассматривать *мечту* как определенный вид ментальной деятельности и, шире, – деятельности вообще, требующей определенных усилий и условий (времени, места, эмоциональное состояние субъекта) осуществления. Однако часто *мечта* трактуется как пустое занятие, нерезультативный вид деятельности, бесполезная трата времени: *Мечты – юношам и девам, а серьезным людям – серьезное дело...* Горький. Фома Гордеев. *...но эти праздные мечты не могут предъявлять никаких притязаний на внимание благосклонного читателя.* Брюсов. Огненный ангел. *Но тотчас, привычным усилием воли, от мечты вернулся к делу, от великого к малому.* Мережковский. Петр и Алексей.

Мечта как процесс связан скорее не с мыслью, а с воображением и фантазией, т.к. его результатом является не логические понятия и связи между ними, а создание неких образов. Связь *мечты* с воображением и фантазией прослеживается в том, что они осмысляются как вид творческой деятельности, что дает основание в ряде случаев использовать *мечту* как синоним творчеству (а мечтатель – творцу): *У меня есть чувство, была горячая голова; мечты я принял за творчество и творил.* Гончаров. Обыкновенная история. *Если бы воскрес мечтатель-поэт, как бы обнял он мечтателя-живописца!* Карамзин. Письма русского путешественника. *Тогда Уже дерзнул, в науке искушенный, Предаться неге творческой мечты. Я стал творить.* Пушкин. Моцарт и Сальери.

Примечательно указание на то, что образы, создаваемые в процессе мечтания, воспринимаются субъектом как реально существующие. Эти образы обычно увлекают субъекта и очень сильно затрагивают, в результате чего теряется осознание того, что это всего лишь мысленные образы, поскольку в *мечтах* создается та же действительность, только видоизмененная в луч-

шую сторону относительно субъекта. В *мечтах* человек видит мир таким, каким хочет, поэтому испытывает положительные эмоции. Такие ситуации обуславливают появление выражений типа: *жить мечтами, жить в мечтах, видеть в мечтах*, означающих подмену реальности *мечтами*. Данный признак отражен и в семантике фразеосочетаний *витать/ летать/ жить в облаках/ эмпириях* и дериватных номинаций, обозначающих лицо по характеру деятельности (*мечтатель, мечтательница* – тот, кто уходит из реальной действительности в мир фантастики): *И снова мечты заменяли действительность, и снова сознание действительности разрушало мечты*. Толстой. Детство; *Как есть верх и низ, лево и право, тепло и холод, так есть действительность – и мечта, реальность – и идеал*. Веллер. Приключения майора Звягина.

3. Часто *мечта* осмысливается как некое психологическое состояние субъекта (подобно меланхолии, унынию, задумчивости [Калауцкая 1991]). Признаки 'процесс' и 'состояние' соотносятся как рациональное (контролируемое состояние) и эмоциональное (неконтролируемый процесс), хотя о принципиальном разграничении говорить не следует, поскольку часто контексты не позволяют четко выделить доминирование того или иного признака (часто человек сознательно «погружается» в это состояние). Наиболее ярко признак 'состояние' представлен в толковании слов *мечтание* (мечтание – действие и состояние по значению глаг. мечтать) и *мечтательность*: *Веселость ее [Лизы] при тихла. Мало-помалу предалась она сладкой мечтательности*. Пушкин. Барышня-крестьянка. Актуализация признака 'состояние' происходит в сближении *мечты* со сном, бредом: *Все надежды, восторги, мечты о свободе, о власти – только сон, бред, безумие...* Мережковский. Петр и Алексей.

4. Выделяемый признак 'желание' позволяет представить *мечту* как желание, некую внутреннюю интенцию субъекта; как правило, это желание имеет четко выраженную референцию (т.е. предмет из мира 'действительное', являющийся предметом желаний): *Сбылись мечты: увидел он свой рай, Где мир так юн, природа так богата*. Лермонтов. Измаил-Бей. *Была у него такая странная мечта: он хотел превратиться в рыбу. И уплыть*. Айтматов. Белый пароход.

Актуализация этого признака позволяет относить *мечту* к императивной сфере внутреннего мира человека (по этим признакам гл. *мечтать* входит в синонимический ряд 'хотеть – же-

лать – мечтать – жаждать' [Апресян 1995: 437]. Мечтать можно о чем угодно, но преимущественно предметом мечтания является что-то хорошее для субъекта или близких ему людей, на что указывают выражения типа: *мечта (мечтать) о счастье, о свободе, о поездке куда-либо, о любви, о подвиге* и т.д.; либо то, что представляется единственным, способным принести удовлетворение, в таких случаях акцентируется внимание на интенсивности желания: *Бедная жертва своего легкомыслия и страсти к нарядам мечтала только об одном – провалиться сквозь землю*. Булгаков. Мастер и Маргарита.

Мечта может обозначать желание, существующее в течение какого-то длительного времени (*Все знали, что... все сгорали от нетерпения, когда начнется суд, что в обществе нашем много говорили, предполагали, восклицали, мечтали уже целые два месяца*. Достоевский. Братья Карамазовы), а момент возникновения мечты отделен от момента ее реализации достаточно значительным и ничем неограниченным промежутком времени: *Может быть, воплощение долголетней мечты и превысило все ожидания; но, вернее, оно взяло дальше цели – и перенеслось в страшный сон*. Набоков. Лолита. Реализацией признака 'желание' служат словосочетания типа: *несбыточная мечта, напрасная мечта, бесплодная мечта, невозможная мечта, тщетная мечта, тайная мечта, заветная мечта*.

5-6. Два последних толкования содержат коннотативные признаки, которые актуализируются в оценочных суждениях. Коннотативный признак 'хорошо', реализуется при оценке чего-либо как сугубо положительного в конструкциях типа: 'это не N, а мечта (где N – объект оценивания)'. Словарные пометы указывают на то, что такие конструкции характерны для разговорной сферы функционирования языка: *Ай! Я упаду в обморок. Это не коляска, это мечта. Можно задохнуться от счастья сидеть в такой коляске*. Островский. Бешеные деньги. *Слева красовался профиль с устрашающим тараном поболее Кларинового, справа – то же лицо с носом... ах, с чудесным, нормальным, заурядным носом – не нос, а мечта...* Веллер. Приключения майора Звягина.

Признак 'ирреальность' отражен только в одном словаре. Актуализируется он в суждениях, указывающих на противопоставление желаемого и действительного (как мир предположений, фантазий и мир реальности): *Это все только мечты. Путь до экрана очень тернист, труден, чаще всего непроходим для*

тех, кто мечтает о славе... Беляев. Человек, нашедший свое лицо. *Казалось, вспомнить он старался* Рассказ ужасный и желал Себя уверить, что он спал, *Желал бы счесть он все мечтою.* Лермонтов. Измаил-Бей.

На основании сопоставления различных словарных статей можно сделать вывод о том, что наиболее полное толкование слова *мечта* представлено в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой. В результате исследования было выделено шесть признаков, которые составляют понятийную часть структуры концепта *мечта*: 'образ', 'процесс', 'состояние', 'желание', 'ирреальность', 'хорошо'. Рассмотрение контекстов (взятых из произведений русской литературы), содержащих языковые репрезентанты концепта *мечта* и объективирующих тот или иной признак его структуры, показало, что признаки 'желание' (36.4 %), 'образ' (25.2 %) и 'процесс' (21.2 %) имеют самую высокую частотность языковых употреблений, что указывает на их актуальность в процессе функционирования. Наименее частотные, однако не менее значимые признаки 'ирреальность' (4.5 %) и 'хорошо' (0.8 %) позволяют говорить о наличии в структуре концепта *мечта* аксиологического потенциала, что, естественно, распространяется на выбор окружения слова, репрезентирующего концепт, и специфику его объективации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды в 2 т. Т.1. Лексическая семантика. – М.: «Языки русской культуры», 1995.
2. Калакуцкая Е.Л. лексико-семантическая тема «уныние – меланхолия – задумчивость – забвение» в русском языке и культуре 18 в. // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 138 – 147.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1997.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2003.
6. Попова З.Д., Стернин И.А.. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т.1. Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 7-10.
7. Сергеев С.А. Особенности объективации концепта *мечта* в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005.

8. СРЯ – Словарь русского языка. Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985.

9. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. Издательство академии наук. – Т.6. – М. – Ленинград, 1957.

10. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. – М., 2003.

©Сергеев С.А., 2006

Шустрова Е.В.

Екатеринбург

РАЗВЕРТЫВАНИЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА» В ИДИОСТИЛЕ Р. ЭЛЛИСОНА

В рамках данной статьи на примере творчества Р. Эллисона предполагается рассмотреть некоторые особенности тропеической организации современного афро-американского литературного текста и описать ряд отличительных черт тропов качества в афро-американской литературе, которые появляются в результате языкового и культурного контакта.

Основное и единственное крупное произведение Р. Эллисона, на котором будет главным образом строиться анализ концептосферы «неживая природа», это роман «Invisible Man». Предтечами этого романа стали «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского и «Native Son» Р. Райта. Некоторые части перекликаются и с романом афро-американской писательницы З. Херстон «Their Eyes Were Watching God».

С учетом когнитивно-дискурсивного подхода в афро-американском видении сферы «неживая природа» можно выделить следующие составляющие: *пространство*, которое в свою очередь включает понятия пустыни, землетрясения, небесных светил и пропасти, *огонь* (свет, гроза), *воздух* (ветер), *вода*, *земля* (ее недра), *время*, *камень* (гора, скала, песок). Рассмотрим реализацию данных понятий в художественной картине мира Р. Эллисона.

Образ *пространства* и его составляющих (пустыни, землетрясения, небесных светил и пропасти) в идиостиле Р. Эллисона образует метафорические и метонимические связи с двумя основными понятиями: человек, в частности описание его внешности, и история диаспоры.

В тексте часто проводится достаточно традиционная аналогия между талантливым человеком и восходящим солнцем. Уход

из жизни лидера описывается как падение метеорита. Описание внешних черт дает примеры сопоставления частей человеческого тела с пространством земли. Выражение лица чаще передается через аналогию с небом [Ср. Ellison 1992: 121, 124, 435].

Отметим, что в романе Р. Эллисона наблюдаются существенные различия между системой тропов качества, применяемой в речи белых, или же афро-американцев, являющихся политическими лидерами, и тропеической организацией воспоминаний главного персонажа и речи простых членов диаспоры. Речь первой группы отличается значительным количеством стершихся уподоблений и в значительной мере традиционным подбором образных средств. Примером может служить проиллюстрированное выше сравнение с солнцем. При этом Р. Эллисон всегда находит способ подчеркнуть полную слепоту или ограниченность зрения этих персонажей [Ср. там же: 117, 131, 293-308, 332, 351-359 и др.]. Напротив, речь главного героя и других действующих лиц, «невидимых» для черной или белой политической элиты построена на значительно большем количестве образных связей, характерных либо для афро-американского фольклора, либо напоминающих тропеическую организацию текста Р. Райта, Л. Хьюза, Дж. Тумера, З. Херстон.

Так, солнце в речи главного героя, в соответствии с канонами устной традиции, является символом тревог, неприятностей, а придание ему антропоморфных характеристик рисует образ жестокого беспощадного существа.

Far down the road *the sun glared cruelly* against a tin sign nailed to a barn [там же: 40].

He fell forward on his knees, like a man saying his prayers just as a heavy-set man in a hat with turned-down brim stepped from around the newsstand and yelled a protest. I couldn't move. *The sun seemed to scream* an inch above my head [там же: 429].

Луна же, напротив, ассоциируется с ласковым, нежным созданием. Иногда этот образ близок образу матери. Луна проливает тихие слезы дождя и звезд и в метонимических моделях выступает частью мира, покоя.

Oh, long green stretch of campus, Oh, quiet songs at dusk, Oh, *moon* that *kissed* the steeple and flooded the perfumed nights, Oh, bugle that called in the morning, Oh, drum that marched us militarily at noon - what was real, what solid, what more than a pleasant, time-killing dream? [там же: 36]

"It was as though the very constellations knew our impending

sorrow," he bugled, his head raised to the ceiling, his voice full-throated. "For against that great – wide – sweep of sable night there came the burst of a single jewel-like star, and I saw it shimmer, and break, and streak down *the cheek of that coal-black sky* like a reluctant and solitary tear..." [там же: 125-126]

Подобные образы солнца и луны связаны у Р. Эллисона в большей мере с описаниями истории диаспоры. Довольно часто их дополняет метафорический и инвертированный пространственный эпитет. Например, картина бегущих на север бывших рабов, чей путь освещает свет плачущей луны, связана с эпитетами «земля тьмы и бедствий», «поля безграмотности и нищеты» (*this land of darkness and sorrow, of ignorance and degradation, an aching land, the plane of history*) и др. [Ср. там же: 116-131].

Отдельного упоминания заслуживает образ школы и ее территории, которые встречаются на протяжении всего романа. В начале подобные описания связаны отношениями метонимии и аллегории с умиротворением, ощущением защищенности, юношескими мечтами планами на будущее.

And in my mind I could see the brightly trimmed and freshly decorated *campus buildings* as they appeared on spring mornings – after the fall painting and the light winter snows, with a cloud riding over and a darting bird above – framed by the trees and encircling vines [там же: 197].

В дальнейшем это метонимия обмана, ловушки ожиданий, утраты связей со своим прошлым.

And I remember *the chapel* with its sweeping eaves, long and low as though risen bloody from the earth like the rising moon; vine-covered and earth-colored as though more earth-sprung than man-sprung [там же: 108].

But in the hereness of dusk I am moving toward *the doomlike bells* through the flowered air, beneath the rising moon [там же: 108].

Образ пропасти и пещеры в контексте романа Р. Эллисона очень близок развитию подобной темы у Р. Райта. Как правило, это символ неизведанного будущего, которое наверняка трагично [там же: 5, 12, 248, 269, 514 и др.].

Огонь, пламя и молния применяются Р. Эллисоном как объект сопоставления со следующими денотатами: человек, эмоции, голос или звук, время и птица.

При описании внешности человека используется образ как природного огня, так и искусственного освещения, например,

неоновых фонарей вывески при сравнении с броским, пугающим обликом женщины [там же: 514, 522]. Приведем еще ряд примеров аналогии между частью человеческого тела и источниками света.

They came behind me *like a draft of flames*, and I led them through and around to the avenue [там же: 551].

Two huge women with spoiled-cream complexions seemed to struggle with their massive bodies as they came past, their flowered hips trembling *like threatening flames* [там же: 246].

I saw him resting now, and beaming out across the chapel, his huge head turning to all its corners *like a beacon*, his voice still echoing as I fought back my emotion [там же: 121].

Метафорическая группа привлекается и при описании не только отдельных запоминающихся внешних черт, но и при проведении аналогии со старшими поколениями афроамериканцев, чья жизнь и страдания «осветили дорогу» потомков.

And I remember too, how we confronted those others, those who had set me here in this Eden, whom we knew though we didn't know, who were unfamiliar in their familiarity, who trailed their words to us through blood and violence and ridicule and condescension with drawling smiles, and who exhorted and threatened, intimidated with innocent words as they described to us the limitations of our lives and the vast boldness of our aspirations, the staggering folly of our impatience to rise even higher; who, as they talked, aroused furtive visions within me of blood-froth sparkling their chins like their familiar tobacco juice, and upon their lips the curdled milk of a million black slave mammies' withered dugs, a treacherous and fluid knowledge of our being, imbibed at our source and now regurgitated foul upon us. This was our world, they said as they described it to us, this our horizon and its earth, its seasons and its climate, its spring and its summer, and its fall and harvest some unknown millennium ahead; and these its floods and cyclones and they themselves our thunder and lighting; and this we must accept and love and accept even if we did not love [там же: 109-110]

Основания для проведения аналогии между огнем и эмоциями, особенно гневом, вполне понятны. Отдельно отметим упоминание рентгеновских лучей, как одну из наиболее частотных аллегорий беды [там же: 254, 506, 559-561]. Видимо, в данном случае существует взаимосвязь между подобной трактовкой образа огня и света и образом зловещих лучей солнца, харак-

терным для устной традиции. При анализе же примеров олицетворения огонь предстает созданием совсем неагрессивным, связанным с культом танца и определенных танцевальных движений [там же: 41, 47].

Звук или голос уподобляется грому и дыму. Примеры метафоры и сравнения дополняются применением метафорического эпитета.

The laughter hung *smokelike* in the sudden stillness [там же: 31].

My name spread *like smoke* in an airless room [там же: 373].

Songs *flared* between speeches, chants exploded as spontaneously as shouts at a southern revival [там же: 333].

I pour the red liquid over the white mound watching it glisten and the vapor rising as Louis bends that military instrument into *a beam of lyrical sound* [там же: 7].

Образ дыма снова используется при описании течения времени, долгих часов.

More yams than years ago, though the time seemed endlessly expanded, stretched thin as *the spiraling smoke* beyond all recall. [там же: 256]

Яркая окраска южных птиц и их быстрые резкие движения, напоминающие всполохи огня, были использованы Р. Эллисоном при построении образной модели «птица – огонь» путем тропов метафорической группы. В метонимической модели используется выражение «яркие всполохи оперения», замещающее прямое название птицы, в частности попугая.

One had to watch such details. Suddenly there came a harsh cry from the cage, and once more I saw *a mad flashing* as though the birds had burst into *spontaneous flame*, fluttering and beating their wings maliciously against the bamboo bars [там же: 177].

При использовании образа **воздушных потоков** на первый план у Р. Эллисона выходит упоминание циклона, который в метафорической группе связывается либо с образом предков, либо с всевозможными бедами и напастями.

“Then where did his labor go? Look at his old blues records and her pots of plants, they’re down-home folks, and everything tossed out like junk whirled eighty-seven years *in a cyclone* [там же: 271]

I’d tried to build my integrity upon the role of Brotherhood and now it had changed to water, *air* [там же: 495]

[Ср. там же: 109-110, 252-254]

Продолжая тему предков, отметим, что в метафорической

группе ветер, несущий черные тучи, выступает символом прошлого, в частности периода, последовавшего непосредственно за гражданской войной.

“And then his great struggle beginning. Picture it, my young friends: *The clouds of darkness* all over the land, black folk and white folk full of fear and hate, wanting to go forward, but each fearful of the other [там же: 117]

Ассоциация ветра с печалью подкреплена и аллегорией. Широко представлена подобная связь и примерами метонимии, в частности при описании скитаний человека-невидимки по улицам города и эпизоде выселения стариков [там же: 255, 271-273, 475 и др.]. Олицетворение ветра в таких контекстах дает описание холодного критика, готового к упреку и жестокому риторическому вопросу.

Can't you feel *the cold wind*, can't you hear it asking, “What did you do with your heavy labor? What sis you do?” [там же: 273]

С другой стороны, аллегорическая и метонимическая модели представлены и прямопротивоположными связями образа летнего ветра с описанием мирных повседневных забот, покоем и отдыхом. Подобные модели часто дополняет образ луны [там же: 36-37, 108, 229].

Что касается эпитета, то он дополняет два возможных описания ветра, часто является инвертированным и связан с передачей эмоциональной окраски (*the storms of fear and anger, a wet blast of black emptiness, etc.*) [там же: 38, 118, 225 и др.].

Прозрачность воздуха часто применяется Р. Эллисоном как основа для метафорического сравнения с невидимостью афро-американца.

It came upon me slowly, like that strange disease that affects those black men whom you see turning slowly from black to albino, their pigment disappearing as under the radiation of some cruel, invisible ray. You go along for years knowing something is wrong, then suddenly you discover that you're as transparent *as air* [там же: 566].

Образ **воды** используется Р. Эллисоном при описании двух объектов: человека и звука.

В первой модели «человек – вода» можно выделить порядка 3 направлений развития данной связи. Во-первых, это описание внешности. Так, с непроницаемой водной гладью сравнивается человеческое лицо. Красота женщины предстает как чистейший родник.

Suddenly his face twitched and cracked *like the surface of dark water* [там же: 137].

Her beauty was *a well-spring of purest water-of-life, and to look upon her was to drink again...* She was rare, a perfect creation, a work of purest art. A delicate flower that bloomed in the liquid light of the moon [там же: 42]

[Ср. там же: 8, 19, 234, 278, 409]

Эпитет в данном случае ограничивается сочетаниями *a sea, bowl of faces*. К этой же модели примыкает уподобление человека кораблю.

I watched her limp away, rocking *like the Old Ship of Zion*. [там же: 483]

When he felt that steel in his high behind he came on *like Man o'War* going to get his ashes hauled! [там же: 554]

Отметим, что образ человека может быть также реализован синекдохой и модель принимает вид «часть описания человека – корабль» (Ср. описание похорон [там же: 444])

Следующее направление – это описание различного рода эмоций, сомнений и колебаний. В данном случае наиболее частотен образ человека тонущего в иллюзиях, непонимании, проваливающегося в колодезь возможных ответов, заблудившегося в густом тумане сомнений. Для данных контекстов характерно настойчивое повторение глаголов *to sink, plunge (down), dive, drown, sweep (over), wreck, keep afloat, be driven, tossed by,, etc*. Вода предстает как темная сила, мощный прилив, бездонная толща, смыкающаяся над головой.

And suddenly the voice didn't go with the hand. It was *as though I had waded out into a shallow pool only to have the bottom drop out and the water close over my head* [там же: 425].

Now I was tired, too tired; my mind retreating, the image of the two glass eyes running together like blobs of melting lead. Here it was the tug of sleep, *seemed to move out upon black water* [там же: 557].

I tried again, *plunging* into the blackness of my mind [там же: 235]

I tried desperately, *diving* below the blackness until I was limp with fatigue. [там же: 235]

I looked at him, aware of the numbness of my emotions; they had *flowed in one channel* too long and too deeply. [там же: 455]

All right, forget what I've said. But for God's sake, learn to look beneath the surface, he said. "*Come out of the fog*, young man [там

же: 151]

[Ср. также: Ellison 1992: 59, 151, 226, 245, 254, 432, 524 и др.]

Метафора и сравнение дополняются инвертированным эпитетом (*a wave of irrational guilt and fear, a red mist of anguish, a river of drowned passions, wrecks of ambitions, a black sea of prejudice*).

Наконец, образ воды используется при описании истории диаспоры, общих страданий, перенесенных унижений и лишений.

Which suggested to me that a novel could be fashioned as a raft of hope, perception and entertainment that might help keep us *afloat* as we tried *to negotiate the snags and whirlpools* that mark our nation's vacillating course toward and away from the democratic ideal. [там же: Ххv]

I wanted to see them, needed to see them, I couldn't; feeling them, a dark mass in motion on a dark night, *a black river ripping through a black land*. [там же: 540]

It was as though the tenants had vanished, leaving the houses silent with all windows shaded, *refugees from a rising flood*. [там же: 544]

And you recall how you *plunged* with the Founder, the Leader, *deep into the black art of escape*, guided at first, indeed, initiated, by the seemingly demented one who had learned his craft in slavery. [там же: 120]

[Ср. там же: 495, 500, 545]

Дополнительно привлекается вполне традиционное сравнение духовного лидера, вождя с капитаном.

You have heard his name from your parents, for it was he who led them to the path, guiding them *like a great captain; like that great pilot* of ancient times who led his people safe and unharmed across the bottom of the blood-red sea. And your parents followed this remarkable man across the black sea of prejudice, safely out of the land of ignorance, through the storms of fear and anger, shouting LET MY PEOPLE GO! When it was necessary, whispering it during those times when whispering was wisest. And he was heard. [там же: 118]

Число примеров олицетворения воды весьма незначительно. Основным оказывается образ счастливого ребенка [Ср. напр.: там же: 542].

Основные направления развития метафорической связи «человек – вода» дополняются метонимией и аллегорией. Так,

реалии льда и снега, использованные автором при описании зимы, привлекаются в метонимической связи «лед, снег – начало трудностей, бед» [напр.: там же: 236, 252-254, 270-271]. Описание дождя становится частью сцены смерти Клифтона [там же: 426]. Аллегорический образ холодного течения (*cold numbin' currents*) или же темной реки (*a river of black water, the dark red water*) используется в качестве символа приближающейся беды, бесполезного жертвоприношения [Ср. там же: 57-59, 559-561].

Как было отмечено выше, вторая модель строится на уподоблении воды звуку. В-основном, это звуки музыки или речи. Так, знакомые ноты доносятся подобно ленивому приливу (*drift like a lazy shimmering wave*), вздымаются как волна (*roar up in waves*) [там же: 144, 339] или же падают каскадом, напоминая шум сильной струи (*a high cascade of sound bubbled from the organ, spreading thick and clinging, over the chapel, slowly surging*) [там же: 113].

Слова проливаются с уст (*spill from the lips*), несутся подобно реке (*a river of word-sounds...sweeping their ears*), текут отвратительным морским потоком (*the disgusting sea of his words seemed to float*), напоминают кипение воды (*the simmering bubble*) [там же: 254, 111-112, 114-115, 142].

При реализации модели «звук – вода» Р. Эллисон использует тропы метафорической группы. Метонимия в данном случае не привлекается. Однако в одном символическом отрывке, крайне важном для развития всего сюжета, аллегоричный образ воды и тумана переплетается с «серым безмолвием» (*gray silence*), хохотом и призывами к смеху, которые в свою очередь становятся аллегорией опасности, беспомощности, избавления от иллюзий, прошлого и страха [там же: 559-561].

Дополнительно отметим связь «время, смерть – вода», представленную ограниченным числом примеров употребления тропов качества метафорической группы [там же: 370, 368, 383, 432, 436, 524, 558]. Интерес здесь представляет употребление глагола *to plunge*, напоминающее об образе тонущего, и прилагательного *invisible* (*great invisible waters of time*), возвращающего нас к теме слепоты и невидимости, столь характерной для афро-американской литературы в целом.

Концепт **земли**, богатств ее недр, используется в модели: «человек (метафорическая группа и аллегория), или его часть (метонимия, синекдоха) – металл».

I know now that it was the flowing costume of soft, flimsy materi-

al, that made for the effect; today, dressed in one of the smart, well-tailored, angular, sterile, streamlined, engine-turned, air-conditioned modern outfits you see in the women's magazines, she would appear as ordinary as *an expensive piece of machine-tooled jewelry* and just as lifeless. [там же: 42-43]

Now I was tired, too tired; my mind retreating, the image of the two glass eyes running together *like blobs of melting lead*. Here it was the tug of sleep, seemed to move out upon black water [там же: 557]

При описании металлического зубного протеза и фактуры кандалов использован прием метонимии [Ср. там же: 223, 381].

Кроме этого, существует ряд примеров вполне традиционной, словарно зафиксированной метонимической связи «металл – монета, деньги» [там же: 139, 222 и др.].

Дополнительно отметим привлечение связи «человек – полезное ископаемое».

Maybe she wants to see me sweat coal tar, ink, shoe polish, graphite. What was I, a man or *a natural resource*? [там же: 297]

I was simply a *material*, a *natural resource* to be used. [там же: 500]

Концепт **времени** используется в метафорической группе для описания различного рода эмоций, чувств. Так, грусть связывается с приходом зимы, отчаяние и одиночество – с тьмой и мраком ночи, надежда – со светлым днем [там же: 124, 134, 517,]. Приемы сравнения и метафоры дополняет метафорический и инвертированный эпитет (*springtime days, days of dispossession, season of homelessness, time of evictions, etc.*). Аллегория в данном случае также близка к традиционной трактовке ночи, как предвестника беды, и дня, как символа надежды на лучшее.

It was as though we had plunged suddenly into mid-country peace, yet I knew that here, somewhere close by in *the night*, there was a zoo with its dangerous animals. The lions and tigers in heated cages, the bears asleep, the snakes coiled tightly underground. And there was also the reservoir of dark water, all *covered* by snow and *by night*, by snow-fall and *by night-fall*, buried beneath black and white, gray mist and gray silence [там же: 293].

В этом отрывке обратим внимание на сопутствующие образы темной воды, снега, тумана, безмолвия, рассмотренные выше, и образы животных, а именно крупных кошек, медведей и змей, а также упоминание клеток и обитания под землей. Подобным об-

разом Р. Эллисону удается придать традиционной аллегорической связи «ночь – беда» типично афро-американский характер, превратить стандартную европейскую аллегорическую модель в реминисценцию африканских легенд и афро-американских фольклорных и литературных источников.

Метонимическая группа, в отличие от метафорической, отражает восприятие ночи, как времени, несущего радость, утешение, отрешение от забот, характерное для афро-американской культуры. День же в метонимических контекстах становится частью нереальности происходящего, фальши, жестокости.

And my mind rushing for relief away from the *spring dusk* and flower scents, away from the time-sense of the crucifixion to the time-mood of the birth [там же: 108];

"It was as though the very constellations knew our impending sorrow," he bugled, his head raised to the ceiling, his voice full-throated. "For against that *great – wide – sweep of sable night* there came the burst of a single jewel-like star, and I saw it shimmer, and break, and streak down the cheek of that coal-black sky like a reluctant and solitary tear..." [там же: 125-126]

I had a feeling that somehow he was acting a part; that something about him wasn't exactly real – an idea which I dismissed immediately, since there was a quality of unreality over *the whole afternoon* [там же: 282].

Концепт времени также используется для описания истории США. Здесь предпочтение отдается метафоре и олицетворению.

This was our world, they said as they described it to us, this our horizon and its earth, *its seasons and its climate, its spring and its summer, and its fall and harvest* some unknown millennium ahead; and these its floods and cyclones and they themselves our thunder and lighting; and this we must accept and love and accept even if we did not love. [там же: 109-110]

Придание антропоморфных характеристик рисует ход исторических событий в виде безумного азартного игрока, умалишенного.

But who knew (...) – who knew but that they were the saviors, the true leaders, the bearers of something precious? The stewards of something uncomfortable, burdensome, which they hated because, living outside the realm of history, there was no one to applaud, their value and they themselves failed to understand it. What if Brother

Jack were wrong? What if *history was a gambler*, instead of a force in a laboratory experiment, and the boys his ace in the hole? What if *history was not a reasonable citizen*, but a *madman* full of paranoid guile and these boys his agents, his big surprise! His own revenge? For they were outside, in the dark with Sambo, the dancing paper doll; taking it on the lambo with my fallen brother, Tod Clifton (Tod, Tod) running and dodging the forces of history instead of making a dominating stand. [там же: 434]

К подобному образу примыкает и описание мира как сумасшедшего [Ср. там же: 567].

Само время, его ход описывается Р. Эллисоном через ряд синонимов, которые напоминают о воде (*flowing, fluid, swift*) и невидимости (*invisible, imperceptible*) [там же: 8, 524 и др.].

Концепт **камня, горы** используется Р. Эллисоном, в первую очередь в метафорической связи при описании физических черт человека.

Barbee stood with his arms outstretched now, beaming over the audience, his Buddha-like body still as *an onyx boulder* [там же: 131]

I was crushed against a huge woman in black who shook her head and smiled while I stared with horror at a large mole that arose out of the oily whiteness of her skin *like a black mountain* sweeping out of a rainwet plain [там же: 155]

Then the young man was moving with an easy Negro stride out of the shadow into the light, and I saw that he was very black and very handsome, and as he advanced mid-distance into the room, that he possessed *the chiseled, black-marble features* sometimes found on statues in northern museums and alive in southern towns in which the white offspring of house children and the black offspring of yard children bear names, features and character traits as identical as the rifling of bullets fired from a common barrel [там же: 356]

And now close up, leaning tall and relaxed, his arms outstretched stiffly upon the table, I saw the broad, taut span of his knuckles upon the dark grain of the wood, the muscular, sweated arms, the curving line of the chest rising to the easy pulsing of his throat, to the square, smooth chin, and saw a small X-shaped patch of adhesive upon the subtly blended, *velvet-over-stone, granite-over-bone*, Afro-Anglo-Saxon contour of his cheek [там же: 356]

В метафорической группе встречается и вполне традиционное уподобление тягот, житейских трудностей грузу камней [там же: 436]. Прошлое же может предстать в образе окаменелой поверхности, твердого покрова, скрывающего минувшее.

And why does no rain fall through my recollections, sound through my memories, soak through *the hard dry crust of the still so recent past?* [там же: 36]

Примеры аллегории связывают воедино камень, скалу, песок и приближающуюся опасность, тяготы жизни в городах северных штатов, потери и разочарование [Ср. там же: 36-37, 127, 410, 559-561].

Поводя итог, отметим, что особенностями языковой и образной реализации концептосферы «неживая природа» в творчестве Р. Эллисона являются:

- использование данной области в качестве сферы-мишени для соотнесения с такими понятиями как афро-американец, его физические черты, эмоциональное состояние (большей частью состояние тревоги, сомнений, неуверенности, печали); история афро-американской диаспоры и США; голос, звук; время; птица;

- привлечение лексем *moon, sky, sun; beacon, flare, smoke; cyclone, storm; water, spring, to dive, drown, plunge (down), sink, sweep (over), wreck; afternoon, night, season, time; mountain, stone; cruelly, invisible, threatening;* предложных конструкций *a land of ache, darkness, degradation, grief, ignorance, sorrow, a beam of sound, music; a draft of flames; a cloud / storm of anger, darkness, emptiness, fear; a sea of disgust, faces, fear, hate; days of dispossession, eviction, homelessness;*

- задействие ряда образных связей, характерных для афро-американского фольклора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 1988.
2. Общая риторика: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж. М. Клинкаенберг и др.; общ. ред. А. К. Авеличева. М., 1986.
3. Очерки истории языка русской поэзии 20 века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. / Григорьев В. П., Иванова Н. Н., Некрасова Е. А., Северская О. И. М.: Наука, 1994.
4. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры. (1991 – 2000). Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001.
6. Чудинов А. П. Методика сопоставительного исследования метафорических моделей // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т. Екате-

ринбург, 2003. Т. 9. С. 47 – 57.

7. Шанский Н.М., Махмудов Ш.А. Филологический анализ художественного текста. СПб: Специальная литература, 1999.

8. Galperin I. R. Stylistics. Moscow, 1971.

9. Gates H.L., Jr. Figures in Black: Words, Signs and the “Racial” Self. N.Y.: Oxford University Press, 1987.

10. Ellison R. Shadow and Act. N.Y.: Random House, 1964.

11. Ellison R. Invisible Man. N.Y.: The Modern Library, 1992.

12. Ellison R. The Collected Essays. N.Y.: Modern Library, 1995.

13. Ellison R. Flying Home and Other Stories. N.Y.: Random House, 1996.

© Шустрова Е.В., 2006

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНИКИН ЕВГЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – аспирант Уральского государственного педагогического университета

БАЗЫЛЕВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор Института русского языка им. А.С. Пушкина

БАСОВСКАЯ ЕВГЕНИЯ НАУМОВНА – кандидат филологических наук, доцент Института массмедиа Российского государственного гуманитарного университета

БОЙКО МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант Воронежского государственного университета

БОНДАРЕВА ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА – кандидат филологических наук, ассистент Кемеровского государственного университета

БОРИСОВА ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА – доктор филологических наук, профессор Международного института рекламы.

БУДАЕВ ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ – преподаватель Нижне-Тагильской государственной социально-педагогической академии

ГАВРИЛОВА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного

университета

ГАЛЕЕВА НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА – доктор филологических наук, профессор Тверского государственного университета

ГРИШАЕВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА – доктор филологических наук, профессор Воронежского государственного университета

ДЗЮБА ЕЛЕНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета

КАШКИНА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – преподаватель Воронежского государственного университета

КЛОЧКО НАДЕЖДА ИВАНОВНА – dr.philol., ассоциированный профессор кафедры славянских языков и литератур Латвийского университета

КОНДРАТЬЕВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Кемеровского государственного университета

ЛАССАН ЭЛЕОНОРА РУФИМОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания Вильнюсского государственного университета.

НАХИМОВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Уральского юридического института МВД

СЕРГЕЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат филологических наук, преподаватель Кемеровского государственного университета

ЧУДИНОВ АНАТОЛИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета

ШУСТРОВА ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, докторант Уральского государственного педагогического университета